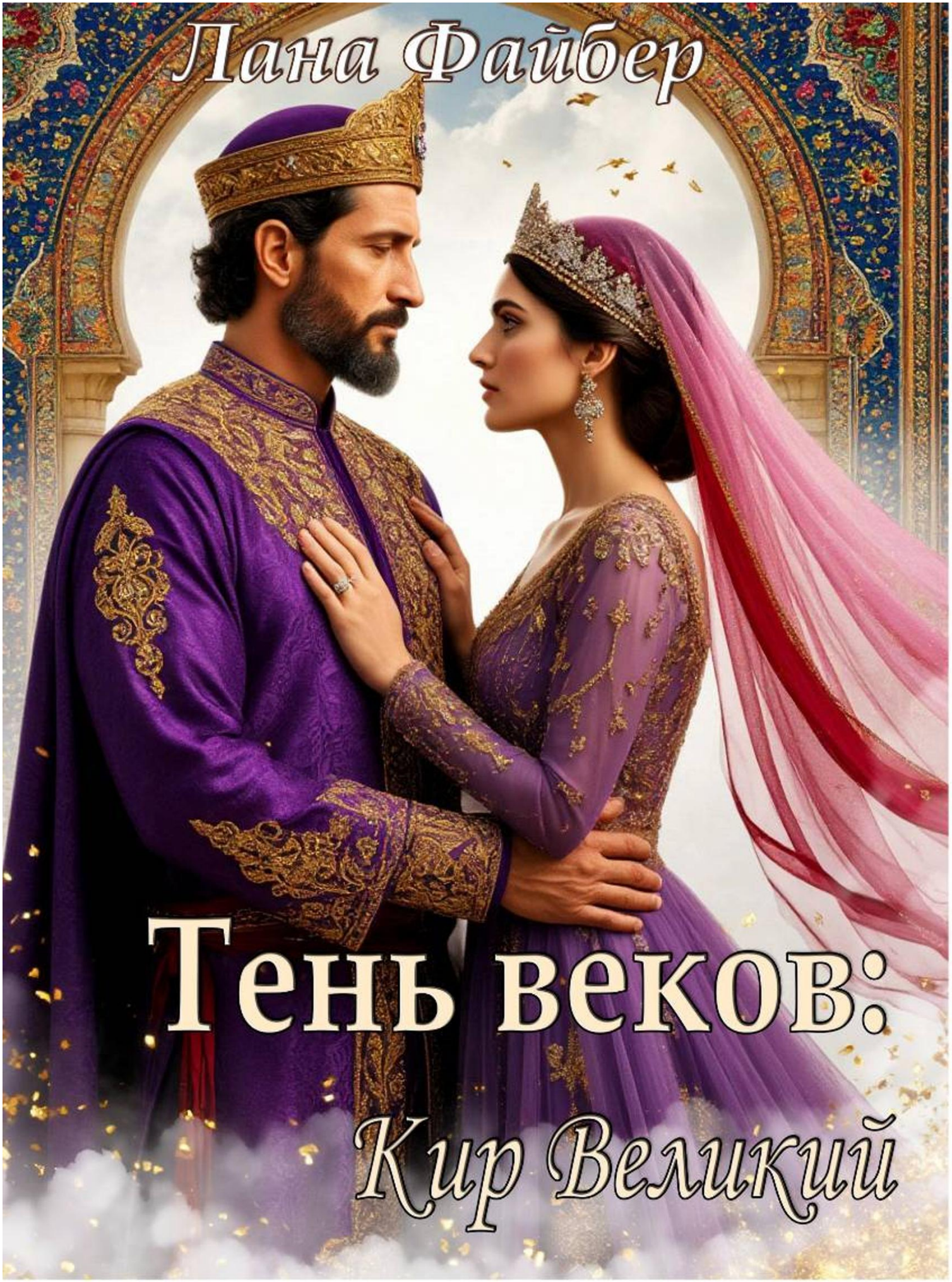

18+

Тень веков

Лана Файбер

Тень веков: Кир Великий. Том I

«Автор»
2026

Файбер Л.

Тень веков: Кир Великий. Том I / Л. Файбер — «Автор», 2026 — (Тень веков)

Что бывает, когда сны становятся реальностью, а реальность превращается в сон из прошлого?!..Он видел её во снах — годами, ночами, сквозь усталость и будничную рутину. Но никогда не верил, что этот сон станет явью. Кирилл, обычный инженер из Петербурга, не искал приключений — они нашли его сами. На узких улочках Хургады, под шёпот ветра и отблеск заходящего солнца, он взял в руки древний амулет — и мир перевернулся.Очнувшись, Кирилл обнаружил себя в теле царевича Аградата, будущего Кира Великого. Древняя история течёт своим чередом, следуя вековым летописям, но в её суровую ткань вплетается нечто новое — Кассандана. Та самая. Из его снов. И теперь она — живая. Сможет ли человек из будущего изменить ход событий, или именно его появление и было частью великого замысла, начертанного на нитях самой судьбы?

© Файбер Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
******* 7
******* 9
******* 11
Глава 2 14
******* 16
******* 18
******* 19
Глава 3 22
******* 24
******* 27
******* 28
Глава 4 29
******* 33
Глава 5 34
******* 37
******* 38
Глава 6 39
******* 42
******* 44
Глава 7 47
******* 48
******* 50
******* 52
Глава 8 57
******* 59
******* 62
Глава 9 64
******* 68
Глава 10 73
******* 77
Глава 11 79
Глава 12 83
******* 85
******* 86
******* 87
******* 91
Глава 13 92
******* 93
******* 94
******* 96
******* 98
Глава 14 100
******* 101
******* 103
******* 105

******* 106
Глава 15 107
******* 110
******* 111
******* 113
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Тень веков: Кир Великий. Том I

Глава 1

Он часто видел сны...

В этих снах он видел ее: легкое почти невесомое создание с черными вьющимися волосами, изумрудными глазами и обезоруживающе искренней, почти детской улыбкой. Она много смеялась и что-то увлеченно рассказывала, но, как он ни старался удержать ее слова, после пробуждения они таяли, словно предрассветный туман.

Иногда между ними случалась близость, и тогда сон превращался во что-то большее – в нечто окрыляющее, почти сакральное. За это он в шутку прозвал её своим «суккубом», хотя она была полной противоположностью легендам: не забирала силы, а, напротив, наполняла ими. После таких ночей он чувствовал себя всемогущим: всё спорилось, а любые преграды казались пустяками...

В юности он искренне верил, что сны – это тонкая нить, ведущая к той самой единственной, и отчаянно искал ее в толпе. С годами эта вера померкла, оставив лишь тихую грусть и горькое понимание: реальный мир редко бывает столь же щедр, как мир грез...

Но жаловаться на отсутствие женского внимания Кириллу не приходилось. Высокий, статный, со спортивным телосложением, он притягивал женские взгляды, и проблем с мимолетными интрижками у него не возникало. Однако – стоило зайти речи, о чем-то большем, как внутри тут же возникал протест. Как бы он ни старался построить отношения, внутренний голос упорно твердил: «Не то... Не она...»

Рядом бывали разные девушки: и хорошие, и плохие, и по-настоящему достойные – добрые, заботливые, из тех, с кем создают уют и растят детей. Но душа к ним не тянулась, а сердце отказывалось трепетать.

«Что со мной не так?» – в минуты меланхолии терзал себя Кирилл. Порой его даже посещала мысль обратиться к психологу, но он тут же раздраженно отмахивался: «Глупость какая. Чтобы я, взрослый мужик, не мог разобраться в себе сам?» Ему не хотелось признавать, что реальность казалась пресной и пустой по сравнению с тем, что он чувствовал в своих снах.

****

Две недели назад Кирилл поставил точку в очередном романе, честно признавшись себе: «Хватит! Надоело!».

Его бывшая девушка, Ирина, была из тех, кого даже олигарх счел бы роскошным трофеем: бесконечно длинные ноги, пухлые модные губы и густая тень наращенных длинных ресниц. Кирилл и сам, когда-то находил её красивой... но какой–то искусственной, ненастоящей – как журнальная иллюстрация.

Сначала мелочи просто бросались в глаза, а потом начали откровенно бесить. Наращенные ресницы Ирины стали восприниматься слишком тяжелыми и вызывающими, модная форма ногтей – нелепой и совсем неуместной, а "дизайнерские" губы – отталкивающими. Даже ее игривый голосок и тщательно подбираемое кружевное белье начали восприниматься как фальшивая декорация. Все это выглядело дешевым спектаклем, в котором ему надоело играть роль ее партнера.

"А какое оно — настоящее?" — задавался он вопросом.

Ответ приходил во сне... Хрупкая и стройная, словно подросток, но с грацией взрослой женщины. В её взгляде тонули облака, а черты, тонкие и изящные, напоминали Кириллу лица греческих богинь. В ней была та самая естественность, которой отчаянно не хватало в мире ярких фильтров и пустых масок.

Иногда во сне они вместе бродили босиком по росе, и Кириллу казалось, что она не идёт, а парит над землёй. Впрочем, Кирилл ощущал, что он тоже скользит по воздуху, не касаясь ногами земли... Он помнил её руки: длинные изящные пальцы, узкие запястья. Его ночная гостья не боялась испачкать руки или показаться нелепой... Живая и подвижная, она часто что–то делала: готовила кушать, что–то лепила из глины или собирала травы. Порой, она садилась, обхватив колени, и что-то рассказывала, теребя травинку. И эта травинка вдруг обретала особенный, почти сакральный смысл – будто каждый её жест был подсказкой о чём-то важном... Но, о чем?!

Если бы Кирилл знал... Если бы только мог вспомнить...

В ее движениях не было напускной сексуальности присущей современным девушкам, она была настолько естественной, насколько вообще может быть естественной женственность, воплощенная в материальную форму. Но, главное – в ней была огромная внутренняя свобода, которая окрыляла и вдохновляла Кирилла.

Одежду в его снах она носила простую, похожую на греческий хитон, перехваченный на талии тонким изящным поясом. Никаких украшений - словно сама она была драгоценностью, которой не нужна оправа. Единственную вещь, которую он часто видел на ней в снах – был браслет из серебристых столбиков, к нему она относилась как-то особенно, не как к украшению, а - как к своему продолжению. Кирилл не задумывался об этом браслете, он просто был частью ее образа, как черные волосы или зеленые глаза.

Больше всего его завораживал ее голос, звучащий как тихая мелодия: мягкий, обволакивающий, лишенный земной суеты. Она говорила много, вдохновенно, и Кирилл, во сне жадно внимал каждому звуку, чувствуя, как они наполняют его силой и спокойствием. Иногда она смеялась, и ее смех - открытый и звонкий, для него был, как звон серебряных колокольчиков в предрассветной тишине.

Ему было досадно лишь то, что он не мог удержать ни одной ее фразы: после пробуждения реальность смывала их, как морская волна смывает надписи на песке. Смысл ее речей ускользал, оставляя после себя лишь вибрирующее чувство грусти и нежности, как будто он соприкоснулся с чем-то настоящим, чему нет места в серой реальности будней 21 века.

****

Это было классическое "бегство от самого себя", обернувшееся капитуляцией. Тур, купленный в порыве злости на Ирину, стал его личной ловушкой. Оказалось, что ехать в Египет в конце лета - идея, граничащая с безумием, и ему - представителю интеллектуальной интеллигенции, казалась просто непростительной.

Хургада встретила его не экзотикой, а плотным, липким маревом. Кирилл, привыкший к прохладным невским ветрам и спасительной сырости, чувствовал себя здесь как на другой планете. По питерским меркам, где уже после плюс двадцати пяти хочется спрятаться в тени дворов-колодцев, здешние тридцать с лишним казались чем-то запредельным.

Это не был "ад" в привычном смысле - просто воздух был абсолютно сухим и неподвижным, словно его выгладили гигантским утюгом. Сплит-система в номере работала на пределе, натужно гудя и пытаясь создать хотя бы подобие того комфорта, к которому он привык дома.

Кирилл понимал: он совершил классическую ошибку импульсивного туриста. Купил билет, просто чтобы сбежать.

Что ж, четыре дня из приобретенных семи он уже пережил. Оставалось прожить еще три до спасительного трапа самолета, который унесет его домой – в уютную прохладную тишь квартиры, которая после туристической суеты казалась ему особенно притягательной и безумно желанной.

Кирилл уже успел съездить на одну туристическую «вылазку» в Луксор, откуда привез несколько странных, почти осязаемых впечатлений.

Во-первых, вопреки ожиданиям гида, он не почувствовал себя «песчинкой» на фоне величия Карнакского храма. Напротив, среди исполинских колонн его накрыло странное, ровное безразличие, смешанное с пугающим чувством узнавания. Глядя на массивные блоки песчаника, он не восторгался их масштабом, а ловил себя на мысли, что точно знает, как именно их сюда доставляли. Это было иррациональное ощущение сопричастности: будто он сам когда-то размечал эти плиты или следил за тем, как ложится резец на камень. Он не строил этих храмов, но его руки словно помнили их шероховатость и вес.

Пока гид с придыханием рассказывал о многотонных блоках и загадках их подъема, Кирилл смотрел на кладку и не видел в ней тайны. В голове не было готовых чертежей, но в руках и где-то в солнечном сплетении жила уверенность, что все это - логично, ясно и выполнимо. Ему не хотелось кричать: «Это сделал я!». Его посетила другая, более глубокая мысль: мы просто забыли, как это делается. Как будто человечество потеряло какой-то очень простой навык, вроде умения правильно дышать или ходить по воде.

Во-вторых, его не тронули заученные восторги толпы, но зацепила технологическая простота древних. Как инженер по натуре, он оценивал Луксор не как памятник, а как грандиозную стройплощадку. Пока остальные слушали легенды о богах, Кирилл прикидывал углы наклона и точность подгонки швов, ощущая странное родство с теми, кто возводил эти стены.

Единственным, что вызывало в нем живой отклик, оставался Нил. Словно старый союзник Глядя на воду, Кирилл ощущал, что его связь с этим потоком старше любых храмов. Нил, казалось, знал его — того, настоящего, еще не скованного нормами приличия, питерской пропиской и должностными инструкциями. В этом течении была та же мощь, что и в его снах, та же энергия, которую дарила ему девушка из его сновидений. Кирилл смотрел на воду как на

вечный двигатель, ритм которого он когда-то синхронизировал с биением собственного сердца. Нил был честным: он просто нес жизнь, не требуя жертв и не строя иллюзий.

Вернувшись в Хургаду, он ощутил себя еще более чужим. Современная суета отеля с её грохочущей музыкой и пластиковым блеском казалась ему не прогрессом, а странным нагромождением сложностей там, где всё должно быть просто.

****

В этот день планировалась очередная экскурсия. Но жизнь полна сюрпризов и поэтому, когда гид сообщил ему, что автобус сломался (и запланированная «на сегодня» очередная поездка по достопримечательностям в душном пыльном автобусе отменяется), Кирилл почувствовал радостное облегчение.

Новость о том, что не придется снова втискиваться в кресло, пахнущее парфюмом и чужим потом, и слушать бодрые байки гида, была лучшим подарком за весь отпуск.

Однако перспектива возвращения в офис отрезвляла. Кирилл ясно представил себе это утро: едва он переступит порог, как из-за монитора, словно из засады, покажется монументальная фигура Марии Петровны. Она была специалистом «старой закалки» - из тех женщин, чья грудь кажется бронированным щитом, а взгляд способен выявить ошибку в любых расчетах сквозь кирпичную стену.

Мария Петровна не просто работала с цифрами, она властвовала над ними. В офисе ее побаивались и уважали, как стихийное бедствие. Она носила очки на толстой золотой цепочке и обладала той специфической настырностью, которую невозможно игнорировать. Для нее отпуск сотрудника был личным вызовом: она считала своим долгом вытрясти из «отдохнувшего» подробный отчет, подкрепленный вещественными доказательствами.

— Ну, Кирилл Николаевич, и чем же нас порадует заморский край? — этот вопрос, произнесенный ее густым, не терпящим возражений альтом, уже заочно вибрировал у него в ушах.

Кирилл понимал: если он вернется с пустыми руками, Мария Петровна сочтет это личным оскорблением и будет изводить его мелкими придирками до самого Нового года. Сувениры были не просто подарками, это была откупная грамота, легальный способ купить себе право на молчание и спокойную работу.

Застегнув сандалии, он решительно вышел из номера. Ему нужен был рынок. Не глянцевый торговый центр при отеле, где цены были завышены втрое, а то самое шумное, пропахшее специями и пылью место, где среди гор поддельного папируса и глиняных кошек можно найти что-то достаточно «экзотическое», чтобы удовлетворить аппетиты офисных матрон.

Для Марии Петровны и ее коллег «правильный» подарок — это то, что выглядит дорого, пахнет экзотично и что можно с гордостью поставить на комод или накинуть на плечи под завистливые вздохи подруг. Кирилл, с его циничным взглядом и пониманием «конструкции» вещей, видел рынок насквозь, но готов был сыграть в эту игру. Он шел по рынку с видом человека, заглянувшего на склад бракованной продукции. Его не трогали крики зазывал и приторный запах кальянов — он видел лишь дешевый гипс под видом базальта и синтетику, выдаваемую за хлопок. Но он знал, что нужно "девочкам" из офиса. Для них Египет должен был пахнуть золотом, специями и сказками.

Для Марии Петровны он искал нечто монументальное, под стать ее характеру. Статуэтка Бастет — черной кошки — была бы слишком банальна, а вот тяжелая фигурка Исиды из искусственного камня, покрытого "античной" патиной, подошла идеально. Она выглядела солидно, весомо и несла в себе тот самый дух власти, который она так ценила в себе.

Когда лавочник начал вдохновенно врать о том, что эта статуэтка вырезана вручную из скалы у подножия пирамид, Кирилл лишь сухо приподнял бровь.

— Это литье, — оборвал он его на полуслове. — И лак еще не до конца просох. Сбивай цену втрое, или я пойду к твоему соседу, у которого точно такая же "уникальность" стоит в два раза дешевле.

Торговец, почувствовав в Кирилле не восторженного туриста, а жесткого прагматика, мгновенно сменил тон. Начался настоящий торг — без эмоций, как шахматная партия. В итоге статуэтка была куплена за гроши.

Следом пошли платки из египетского шелка (на самом деле — вискозы, но Кирилл знал, что на ощупь они "самое то") — яркие, с золотой нитью, чтобы сотрудницы могли завернуться в них в прохладном питерском офисе. А для окончательного удара он заглянул в лавку специй. Каркаде цвета венозной крови, крупные стручки ванили и палочки настоящей корицы. Этот аромат гарантированно должен был парализовать волю Марии Петровны на пару недель.

Упаковывая покупки в безвкусный пластиковый пакет, Кирилл чувствовал себя сапером, успешно заложившим мины замедленного действия под офисную дисциплину. Теперь его тылы были надежно прикрыты. Он купил себе право на тишину, расплатившись за него горстью дешевых, но эффектных безделушек.

Кирилл уже собирался развернуться к выходу, как вдруг почувствовал странный импульс — словно невидимая нить, та самая, что заставляет совершать необдуманные поступки, резко натянулась. Ноги сами повели его к неприметному прилавку, заваленному пестрым мусором: пластмассовыми бусами, кричащими индийскими серьгами и дешевой бижутерией, которую так любят туристы.

Он замер, и рука, повинуясь безотчетному порыву, потянулась к краю стола. Там, среди китайского ширпотреба, лежал массивный кулон.

Это был крупный темно-синий прямоугольный граненый кристалл, оправленный в тусклое золото. Оправа была испещрена странной вязью — причудливой смесью рун и клинописи, которую Кирилл, при всей своей начитанности, не мог идентифицировать. Рисунок был слишком сложным, слишком правильным для случайной поделки.

Как только пальцы сомкнулись на холодном металле, по телу прошла волна узнавания. Камень, похожий на глубокий сапфир, оказался неожиданно тяжелым. Он не просто лежал на ладони — он словно заполнял собой пустоту, которую Кирилл носил в себе годами. В этом кулоне не было фальши. Он был холодным, весомым и до боли «своим». Возникло иррациональное, почти пугающее чувство: это не он нашел кулон на пыльном рынке Хургады, это вещь, потерянная много лет назад, наконец-то дождалась своего хозяина.

Кирилл растерянно смотрел на странный предмет, покоившийся в его ладони. Взгляд зацепился за одну из граней кристалла — там виднелся старый глубокий скол. Вещь была повреждена, но в голове Кирилла тут же, вопреки всякой логике, вспыхнула мысль: "Так и должно быть. Он именно такой". Растерянность, прежде чуждая его рациональному уму, теперь разрасталась в душе, затопляя всё пространство.

В этот момент из-за тяжелого полога палатки выглянула девушка. Ее черные глаза, единственное, что было открыто под темной тканью хиджаба, поначалу безразлично скользнули по лицу очередного туриста. Но когда ее взгляд упал на кулон в руке Кирилла, глаза расширились.

Резко откинув ткань, она вышла из полумрака шатра и замерла, уставившись на него так, словно перед ней внезапно воплотилось великое хтоническое существо. В ее взгляде не было страха - только благоговейный, почти религиозный трепет перед чем-то, что нарушило привычный ход вещей.

Мир вокруг, с его криками зазывал и запахом дешевых специй, вдруг стал немым и плоским. Кирилл, чувствуя, как внутри него ворочается какая-то древняя, забытая сила, медленно протянул руку с кулоном к девушке и, к собственному удивлению, глухо спросил:

— Сколько?!

— Ни сколько! — ответила девушка на ломаном английском, а затем добавила с каким-то странным, почти облегчением: — Забирай. Он твой.

Она развернулась так резко, словно её больше ничего не удерживало в этом мире, и мгновенно исчезла в непроницаемой темноте палатки. Кирилл остался стоять один, сжимая в руке холодный кристалл. Он ждал. Подсознание, воспитанное на медиа-культуре, настойчиво шептало, что это нелепый розыгрыш: сейчас из-за угла выскочат люди с камерами, раздастся смех, и всё снова станет понятным и плоским.

Но ничего не происходило. Вокруг по-прежнему висел удушливый зной, зазывалы выкрикивали цены, а у соседней лавки шел яростный торг. Мир оставался вызывающе равнодушным к тому, что только что произошло.

Кирилл сделал шаг к пологу, позвал девушку, но ответом ему была лишь глухая тишина и запах застоялой пыли. Постояв еще минуту, он медленно опустил кулон в карман брюк и побрел в сторону отеля.

Весь его цинизм, всё торжество интеллектуала, который еще полчаса назад забавлялся, ловко сбивая цены на дешевую сувенирку, слетели с него, как песок, сорванный с древних камней внезапным порывом ветра. В кармане, прижимаясь к бедру, лежал груз, тяжесть которого невозможно было измерить в граммах. Египет, от которого он так настойчиво отмахивался, всё-таки настиг его, вручив "подарок", который не предназначался для чужих глаз.

По возвращении в отель Кирилл машинально поужинал, скинул одежду, напрочь забыв о странной находке, и после душа провалился в тяжелый, бездумный сон.

Глава 2

Проснулся он внезапно. Комната была залита неестественно ярким, холодным светом — огромная луна била прямо в окно, выхватывая из темноты углы мебели. Кирилл чертыхнулся про себя и встал, решив задернуть жалюзи. Едва его босые ноги коснулись пола, он почувствовал странную, благородную прохладу. Под ступнями был не дешевый керамогранит отеля, а гладкий, холодный мрамор. Спросонья он лишь мельком отметил это несоответствие, нащупал шлепанцы и, потирая глаза, двинулся к источнику света.

От того, что он увидел, остатки сна смыло как волной....

Окна, к которому он подошел, не существовало. Не было ни привычного пластика рамы, ни стекол, ни пыльных жалюзи. Перед ним зиял пустой, высокий проем, вырезанный в массивной стене. Кирилл замер, чувствуя, как приятный теплый ветерок — не сухой и колючий, как днем, а нежный, пропитанный ароматом речной воды — ласкает его кожу, врываясь в помещение.

Он стоял не в номере "три звезды". А в месте, которое его тело узнавало быстрее, чем разум успевал осознать катастрофичность происходящего. Это была тишина не отеля, а - дворца, где каждый звук тонет в бесконечном величии пространства.

— Не может быть... Я, должно быть, сплю, — прошептал он. В надежде проснуться Кирилл сильно ущипнул себя за руку. Боль оказалась острой и совершенно отчетливой, но наваждение не исчезло.

Он медленно обернулся к комнате. Незнакомые очертания мебели и странные рисунки на стенах заставили сердце забиться чаще. Зажмурившись, он досчитал до пяти и резко открыл глаза — всё осталось прежним.

Посреди просторного покоя возвышалась огромная кровать под тяжелым балдахином. На ней в хаотичном беспорядке покоились десятки подушек, а с края свисало покрывало, обильно расшитое сложным, орнаментальным рисунком. Балдахин покоился на массивных резных столбах, обвитых золотистыми шнурами, которые удерживали ткань с безупречной точностью. Рядом примостился восьмигранный столик. В холодном лунном свете Кирилл разглядел инкрустацию на его ножках: тонкий растительный узор изящно "поднимался" от пола к столешнице, на которой застыли в танце фигурки девушек в прозрачных одеждах.

Другой мебели не было, но пустота не ощущалась — покои казались переполненными застывшим искусством. Пол расходился от центра лучистым четко ориентированным по сторонам радиальным рисунком. Даже в полумраке Кирилл подметил фантастическую строгость геометрии и чистоту исполнения каждого элемента.

Стены и вовсе казались живыми. У самого пола они начинались с густых переплетений фантастических растений, из которых, по мере возвышения, "вырастали" города, пустыни, цветущие сады и моря. Выше тянулись горные хребты, над которыми даже в сумерках угадывалось небо с плывущими облаками и застывшими в полете птицами. Кирилл закинул голову: над ним выгибался идеальный купол, в зените которого, прямо над его головой, застыло золотое солнце.

— Где я, черт возьми? — Кирилл снова ущипнул себя, на этот раз так сильно, что непроизвольно вскрикнул. Но комната и не думала исчезать.

Он лихорадочно принялся восстанавливать в памяти события дня: жара, рынок, сувениры для Марии Петровны... амулет! Последнее, что он помнил — как забирался под одеяло в своем номере в Хургаде.

"Неужели это из-за того камня? — подумал он. — Но тогда кто я? Шейх? Король Марокко или Иордании? Да ну, бред!" Кирилл раздраженно отмахнулся от этой мысли. Всему должно быть логическое объяснение, и он был намерен его найти.

Он снова подошел к оконному проему и посмотрел вниз. Под ним раскинулся огромный сад, залитый лунным светом. Идеально ровные дорожки, вдоль которых выстроились стройные кипарисы и кусты роз, сходились к центральной площадке. Там, в серебристом сиянии ночи, белел круглый каменный фонтан и возвышался крытый шатер. Воздух был густым и сладким — сад благоухал цветущей алычой и тутовником. В самом дальнем углу, под защитой высоких стен, Кирилл разглядел каменную беседку, утопающую в виноградной лозе.

— Где я? – повторил про себя Кирилл.

Он смотрел на этот покой и порядок, пытаясь осознать масштаб происходящего. Внезапно в мозгу, словно помехи на радио, всплыло странное слово, о котором он раньше и понятия не имел. Оно пульсировало в голове, настойчиво и ритмично: Аншан... Аншан...

— И что же я делаю в этом Аншане?! — почти вслух спросил Кирилл.

Ответ пришел мгновенно, словно из ниоткуда: "Я — правитель северного Элама, Аншана и Парсы, предводитель свободных народов Пасаргады, Марафии и Маспии". Титулы развернулись в сознании тяжелым свитком, от которого перехватило дыхание.

"Точно, еда была несвежей. У меня бред, — смущенно подумал Кирилл, хватаясь за эту спасительную мысль как за соломинку. — Сейчас я проморгаюсь, и появится плитка отеля, шум кондиционера и запах хлорки от бассейна".

Но окружающая действительность не спешила рассыпаться. Напротив, она обретала пугающую четкость. Кирилл стоял, вцепившись в холодный камень, и смотрел, как на горизонте из предрассветного тумана проступают очертания города — мощные стены, башни и плоские крыши домов, всё еще спящих в тени гор.

Он еще долго всматривался в очертания прорисовывающегося на горизонте города, и размышлял о том, что является сном, бредом, а что реальностью, когда взошло солнце. Первые лучи сначала несмело, а затем ослепительно-уверенно хлынули в сад. Внизу, в центре площадки, из крытого шатра вальяжно вышел павлин. Птица замерла у фонтана и, словно приветствуя светило, распустила огромный хвост. Кирилл пристально почти завороженно разглядывал павлина, его утренний моцион на площадке перед фонтаном и ждал... Он и сам не знал, чего он ждал... Он просто стоял, и ждал...

****

Тишину покоев нарушил глухой рокот открывающихся дверей. Кирилл резко обернулся. Две массивные створки, которые ночью казались лишь темными прямоугольниками в стене, теперь предстали во всем своем грозном величии. На них, в технике чеканки по меди, были изображены исполинские быки. Их золотые рога изгибались, удерживая между собой сияющий диск солнца.

— Солнце... — прошептал Кирилл, и в этот миг "чужая память" выдала информацию, которая прошила его сознание насквозь. — Меня зовут Аградат. Я из рода Ахеменидов. Моя мать — Мандана Мидийская, мой отец — Камбис Ахеменид.

Имена больше не были звуками из учебника истории — они стали плотью и кровью, гордостью и бременем.

Его мысли прервал статный силуэт, возникший в дверном проеме. В комнату заглянула женщина — по её осанке и уверенным движениям Кирилл мгновенно считал статус старшей надсмотрщицы над покоями. Увидев, что повелитель уже встал, она торжественно раздвинула створки шире и отступила в сторону.

Словно по команде, внутрь потянулась вереница девушек-служанок. Они двигались бесшумно, почтительно склонив головы. В руках они несли всё необходимое для утреннего ритуала: медные чаши и кувшины с водой, в которой плавали лепестки роз; свернутые полотна из тончайшего льна и богатые одежды, расшитые золотом. Воздух в комнате мгновенно изменился — запах ночи вытеснили ароматы мирта, свежести и благовоний.

— Мой повелитель, ты сегодня рано встал? — голос женщины, чье имя — Ирдуш — само собой всплыло в сознании, звучал с мягкой, почти материнской заботой. — Что-то потревожило твой сон?

— Да, Ирдуш. Сегодня была слишком яркая луна, я не смог спать, — ответил Кирилл. Голос звучал непривычно глубоко, но уверенно. — Прикажи повесить над оконным проемом отрез плотного шелка, чтобы он оберегал мой покой в такие светлые ночи.

Он отошел от окна к середине комнаты и замер. Кирилл решил не сопротивляться обстоятельствам: раз уж чужая память так услужливо подбрасывает имена, то и тело должно знать, что делать.

Ирдуш едва заметно кивнула. Две девушки тут же отделились от группы и приблизились к нему. У одной в руках был массивный золотой таз, по краям которого тянулись искусно вычеканенные силуэты правителя в парадном облачении. У второй — тяжелый кувшин. Тонкая струя воды ударилась о дно таза, и Кирилл, повинуясь инерции этого чужого тела, наклонился.

Он опустил руки в прохладную воду, зачерпнул её ладонями и омыл лицо. Движения были отточенными, автоматическими, словно он совершал этот ритуал тысячи раз. Пока капли воды стекали по подбородку и бороде, Кирилл окончательно понял: его разум — лишь гость в этом мощном, натренированном теле правителя. Ему оставалось только наблюдать и надеяться, что эта «инерция» не заведет его в тупик раньше, чем он разберется в правилах игры.

Место девушки с тазом заняла другая — она протянула Кириллу расшитое полотно. Он обтер лицо и руки, чувствуя, как каждая клетка тела просыпается для нового дня. Настало время облачения.

Кирилл скинул рубаху, которую тут же, словно драгоценную реликвию, подхватила одна из служанок. Две другие ловко поднесли новую: чистый шелк приятно скользнул по коже, опускаясь вниз под тяжестью густой золотой вышивки по подолу. Следом подали царский халат — настоящий шедевр древних мастеров. Кирилл просовывал руки в рукава, на ходу подмечая детали своим наметанным взглядом: глубокий темно-синий цвет, по бортам — вьющаяся вышивка с лотосами, в сердцевины которых были вкраплены крошечные драгоценные камни.

Рукава были широкими, колоколообразными; спереди они ложились тяжелыми складками, а сзади красовались вышитые перья — символ крыльев, готовых поднять своего обладателя над миром.

Последняя девушка держала пояс и головной убор. Шапка была забавной формы — она напомнила Кириллу колпаки гномов из "Белоснежки", только с длинными "ушами" по бокам. Кирилл невольно улыбнулся, глядя на этот "дизайнерский изыск" древности.

Ирдуш протянула ему пояс. Кирилл взял его и, ни секунды не раздумывая над сложностью узлов, опоясался. Он сам поразился тому, как его пальцы помнят каждое движение: вееробразные концы легли на халат безупречно, завершая величественный образ. Наконец, он принял "шапочку гнома", как окрестил её про себя, и с максимально серьезным лицом, стараясь не смотреть на девушек, чтобы не рассмеяться, напялил на голову.

****

Едва служанки растворились за дверью, Кирилл решительно шагнул к выходу. Он всё еще не знал планировки этого огромного дворца, но чужая память вела его уверенно, словно навигатор. Он миновал длинный коридор с высокими сводами и замер перед другой дверью. Два рослых стража, чьи доспехи тускло мерцали в утреннем свете, синхронно распахнули створки.

За порогом открылся просторный зал, завершающийся величественной аркой. Она вела на огромную террасу, парящую над просыпающимся садом. Там уже ждал накрытый стол, ломящийся от яств, названий которых Кирилл не знал, но чьи ароматы вызывали вполне знакомый, земной голод.

Кирилл осторожно опустился на широкий топчан. Бесчисленные подушки приняли его тело с такой предупредительностью, будто только этого и ждали. Следом за ним на террасу бесшумно скользнули две девушки. Опустившись на колени, они замерли, готовые ловить каждый его взгляд. Одна из них подняла граненый кувшин и наполнила золотую чашу густым, темным вином.

"Ух ты! — весело подумал Кирилл, глядя, как солнечные зайчики играют на поверхности вина. — Неужели теперь так будет всегда?"

Он довольно хмыкнул, чувствуя, как напряжение последних часов отступает. Питерская квартира с ее микроволновкой и Хургада с ее пластиковыми стаканчиками казались теперь лишь дурным, блеклым сном. Здесь все было настоящим: и тяжесть золота в руке, и терпкий вкус напитка, и это пьянящее чувство абсолютной власти, которое, оказывается, так легко распробовать на вкус.

Он сделал глоток. Вино было насыщенным, густым и приятно щекотало нёбо, пробуждая в Кирилле почти зверский аппетит. Окинув взглядом стол, он указал на блюдо с куропаткой — ее румяная корочка золотилась в лучах солнца, источая аромат дичи и меда. Вторая служанка тут же, с хирургической ловкостью, отделила бедрышко и часть бока. Она вопросительно взглянула на повелителя, и, дождавшись его одобрительного кивка, почтительно протянула ему тарелку.

"Как же чертовски хорошо быть царем", — подумал Кирилл, отправляя в рот сочный кусок мяса.

Его циничный ум быстро адаптировался к роскоши. Глядя на бесшумных, закутанных в плотные ткани служанок, он поймал себя на мысли, что этот восточный этикет слишком уж строг. "Какие-то они чересчур одетые, — мелькнула в голове озорная идея. — Надо будет намекнуть Ирдуш, чтобы в следующий раз девушки приходили в легких топах и коротких набедренных повязках. Пусть радуют не только желудок, но и глаза своего повелителя".

От этой мысли Кириллу стало совсем весело. Вино приятно согревало, расслабляя мышцы, а вкусная еда настраивала на благодушный лад. На мгновение ему показалось, что это не "петля времени" и не странная судьба, а заслуженный отпуск, о котором он и мечтать не мог, покупая дешевый тур в Хургаду.

«Если это и бред, то он мне нравится!» - подумал Кирилл. – «И я не хочу его покидать. Но теперь я должен обследовать свою новую реальность и узнать все нюансы моего нового положения. Я – царь! Царь древнего государства!» - Кирилл смаковал эту мысль, наслаждаясь моментом.

****

После завтрака Кирилл решил прогуляться по своему дворцу. Изучить его. Он обмыл руки в тазу заботливо поднесенному одной из служанок, вытер руки об полотенце и встав с лежака сказал откуда-то возникшей Ирдуш, что хочет прогуляться и чтоб его никто не беспокоил.

Он вышел в коридор и направился прямо, а потом по лестнице вниз он шел, не зная куда, как вдруг сообразил, что ноги вывели его к решетке за которым раскинулся тот самый сад, который он разглядывал с утра.

Открывшееся зрелище мгновенно вытеснило из головы Кирилла мысли о его странном пробуждении в этом мире и того, что его ждет дальше...

Глядя сквозь узорчатую решетку, он чувствовал себя зрителем в самом экзотическом театре мира, где декорации, запахи и звуки были пугающе настоящими.

Кирилл замер, боясь шелохнуться и разрушить эту картину. Теперь он понял, почему сад манил его еще ночью. Возле шатра, в этом оазисе утреннего покоя, расположился его личный «цветник». Девушки наслаждались первыми часами дня, пока солнце еще не вошло в полную силу. Полуобнаженные, в одних лишь тонких шароварах из прозрачных тканей и набедренных повязках и обилии украшений, они выглядели как ожившие статуи из драгоценного дерева и слоновой кости.

Девушка с тонкими чертами лица — Кирилл мысленно окрестил ее Гуль — перебирала струны лютни. Мелодия была тягучей, как горный мед, и удивительно созвучной шелесту листвы. Под этот аккомпанемент две танцовщицы начали свое движение. В их танце не было суеты — только плавная грация. Соприкасаясь спинами, они двигались в такт и их бедра ритмично перекатывались, едва касаясь друг друга, а руки взлетали вверх, плавно перетекая от плеч к кистям. Звон золотых браслетов вплетался в музыку, создавая гипнотический ритм.

В какой-то момент танец наполнился особой, почти интимной нежностью. Девушки кружились, их плечи и бедра двигались с откровенным, но естественным эротизмом. Они касались друг друга мимолетно, едва ощутимо, и в каждом этом жесте было столько нескрываемой неги, что Кирилл почувствовал, как сердце начинает биться в унисон с этим древним ритмом.

"Вот это я понимаю — уровень гостеприимства", — пронеслось в его голове. Он стоял в тени арки, не решаясь шелохнуться, чтобы не спугнуть это хрупкое мгновение красоты, которое казалось ему куда более подлинным, чем всё, что он знал до этого дня.

Он поразился тому, как легко чужая память подставила имена: на площадке перед фонтаном танцевали - Ясмин и Шерин. Глядя на их сплетающиеся в танце тела, Кирилл чувствовал, как мысли о танцовщицах и эротизм их движений приятно щекочет нервы, пробуждая в нём азарт исследователя собственного наследия.

— Ух! — выдохнул про себя Кирилл. — А у меня интересный гарем!

Но его внимание быстро переключилось. Чуть поодаль от играющей Гуль, на широком топчане, разлеглась Фируза. Если танцовщицы были воплощением грации, то она — чистой, концентрированной власти и красоты. Длинноногая, гибкая, Фируза напоминала отдыхающую пуму, скрывающуюся в тени от палящего солнца. В каждом её движении, даже самом ленивом, читалось осознание собственной исключительности.

Она медленно подняла веер из павлиньих перьев. Монотонные взмахи едва касались её полуобнаженной груди, заставляя ту вздыматься в такт движениям, а свободная рука небрежно перебирала камни на золотой цепочке, свисающей с пояса. Фируза не смотрела на остальных, она словно находилась в центре своего собственного, невидимого мира.

"А она знает себе цену, — подумал Кирилл, и в голове тут же всплыло предостережение. — Красива, как рассвет в горах, и, вероятно - столь же опасна".

В его памяти мелькнуло смутное ощущение, что Фируза — не просто наложница, а женщина с характером, способным запутать любого мужчину в тонких сетях интриг. И всё же взгляд Кирилла возвращался к ней снова и снова. В этом саду, пахнущем утренней свежестью и женскими телами, он начинал понимать, почему древние цари так ценили покой за высокими стенами своих дворцов.

— А может, я и ошибаюсь, — успокоил он себя, решив пока не вешать на Фирузу ярлык интриганки, и перевел взгляд на остальных.

Возле огромного подноса с фруктами расположилась троица — Арзу, Дэрья и Гулистан. Девушки о чем-то увлеченно шептались, не замечая ничего вокруг. Гулистан, словно пытаясь оправдать свое имя, целиком отдалась удовольствию: кусочки рахат-лукума один за другим исчезали в её аппетитном ротике. Она делала это с таким упоением, что Кирилл невольно засмотрелся, как она облизывает пальчики, неспешно и чувственно скользя по ним языком.

"Черт! Какой же я развратный! — одернул он себя. — Девушка просто ест сладости, но что при этом вижу и чувствую я?" Кирилл усмехнулся своим мыслям и перевел взгляд на Арзу. Та была симпатична, с крепкой, ладно скроенной фигурой, но в ней не было той искры, что могла бы сразить наповал. "Арзу — Желание... — припомнил он перевод. — Пока не похоже. Хотя, кто знает, может, она из тех, кто раскрывается только за закрытыми дверями".

Наконец, его взгляд остановился на Дэрье. Она была заметно худее остальных, но её лицо было настоящим шедевром. Тонкие черты были настолько безупречно симметричны, что казались творением великого скульптора, а не игрой природы. Именно эта математическая точность красоты делала её в глазах Кирилла-инженера невероятно притягательной.

В саду царила идиллия, и Кирилл чувствовал, как его "цивилизованная" оболочка окончательно дает трещину под натиском этой неприкрытой, древней чувственности.

Танцевальный круг в центре сада ширился, и музыка Гуль становилась всё настойчивее, увлекая за собой новых участниц.

К Ясмин и Шерин присоединились Мэхтеб и Нилофер. Обе были на редкость гибкими, со светлой кожей, которая в утренних лучах казалась почти прозрачной. Они двигались с пугающей синхронностью, словно были частями одного сложного механизма: взмах рук, поворот бедер, шаг назад — всё было выверено до миллиметра. Глядя на них, Кирилл поймал себя на мысли, что эта живая геометрия танца доставляет ему чисто эстетическое, почти экзистенциальное удовольствие.

Но внимание его продолжало скользить дальше, выхватывая новые фрагменты этой живой мозаики.

У самого фонтана, склонившись над зеркальной гладью воды, сидела еще одна девушка. Она была увлечена рыбками, лениво скользящими в глубине, и Кирилл видел лишь её тонкий профиль и изгиб шеи. Она казалась отстраненной от общего веселья, погруженной в свой тихий диалог со стихией. Кирилл не стал задерживать на ней взгляд — в её полуобороте было слишком мало информации для его пытливого ума, и он перевел взор вглубь сада.

Там, под осыпающейся алычой, чьи белые лепестки медленно кружились в воздухе, словно весенний снег, сидела еще одна красавица. Она замерла на корточках, едва не касаясь коленями земли, и с почти детским, завороженным вниманием рассматривала крошечный синий цветок, чудом пробившийся под густым кустом.

В её позе было столько искреннего любопытства, что Кирилл невольно улыбнулся. На фоне эротичных танцев и ленивого поедания сладостей эта сцена выглядела забавно и очень трогательно. Чем мог так привлечь её этот невзрачный цветок? Возможно, в этом мире, где всё подчинено воле повелителя, даже маленькое растение могло стать для неё символом чего-то по-настоящему свободного.

Он стоял у решетки, чувствуя, как внутри него всё сильнее разгорается желание войти в сад. Он был хозяином этого сада, но сейчас чувствовал себя гостем, который боится неловким словом разрушить совершенство момента.

Внезапно гармонию сада прорезал истошный, почти человеческий крик павлина. Гордая птица, потеряв всякое достоинство, метнулась в сторону, смешно перебирая лапами. Кирилл мгновенно перевел взгляд на источник переполоха и невольно хмыкнул.

Виновницей хаоса оказалась совсем юная, невысокая девушка с непослушными каштановыми волосами. Она застыла в боевой стойке, старательно натягивая резинку самодельной рогатки. Забавно сморщив носик и прищурив один глаз, она целилась прямо в роскошный павлиний хвост, готовясь запустить в него очередной "пулей" из абрикосовой косточки.

— Шэхризэд, — пронеслось в голове у Кирилла. — Маленькая озорница!

Имя отозвалось в сознании теплым узнаванием — эта девчонка явно была местным возмутителем спокойствия. На выходку обернулась безупречно симметричная Дэрья и предостерегающе зашипела. Шэхризэд тут же, с воровской ловкостью, спрятала руку с рогаткой за спину и нацепила маску полнейшей невинности.

Впрочем, серьезности её хватило ненадолго. Не способная усидеть на месте, она уже через пару минут перехватила пробегавшего мимо пушистого кота. Устроившись на скамейке под раскидистой смоквой, Шэхризэд принялась энергично теребить его по загривку, пока кот, окончательно смирившийся со своей участью, лениво щурился на солнце.

Кирилл стоял у решетки, окончательно растворившись в этой живой, красочной картине. Время в Аншане текло иначе — тягуче и плавно, словно мед, и он сам не заметил, как солнце поднялось к зениту. Идиллия сада, наполненная звоном браслетов, тихим смехом и запахом цветущей алычи, действовала гипнотически, пока внезапное, вполне земное урчание в желудке не вернуло его к реальности.

Время обеда. Его новое тело требовало топлива, напоминая, что даже демиурги и цари подчинены простым человеческим нуждам.

Кириллу мучительно не хотелось покидать свой пост наблюдателя. Он чувствовал себя коллекционером, который нашел сокровищницу, полную редчайших экземпляров, и теперь боится отвести взгляд, чтобы они не исчезли. Но, бросив последний взгляд на изящный профиль Фирузы и озорную макушку Шэхризэд, он уговорил себя: это не сон, который растает после пробуждения. Это его реальность.

"Я вернусь сюда на закате, — пообещал он себе, и эта мысль отозвалась внизу живота приятным жаром. — Вернусь и обязательно выберу себе красавицу на ночь. А может, и двух... В конце концов, я должен изучить все нюансы своего положения".

Он решительно развернулся и побрел обратно по прохладному коридору дворца. В голове всё еще стоял аромат цветущего сада, а перед глазами — плавные изгибы тел Ясмин и Шерин. Циничный петербуржец внутри него окончательно капитулировал перед Аградатом. Теперь Кирилл не просто "считывал данные" — он начинал по-настоящему хотеть этой жизни, со всеми её опасностями, интригами и невыносимо прекрасными вечерами.

Глава 3

После царского во всех отношениях обеда Кирилла ждал советник. Государственные дела оказались невероятно приземленными: сбор налогов, объемы поставок зерна во дворец и распределение казны — сухая и монотонная информация, от которой в прошлой жизни Кирилл бы просто отмахнулся. Однако сейчас он старался слушать внимательно. Если это наваждение решило стать его реальностью, то вникать в вопросы управления нужно было всерьез. "Творить историю куда интереснее, чем читать о ней", — уговаривал он себя. Стать одной из ключевых фигур прошлого- к этой идее он еще не был готов, все еще подсознательно ожидая, что наваждение рассеется и он очнется в своем номере в Хургаде под натужный гул кондиционера.

Но "морок" не заканчивался...

Когда солнце медленно перевалило за полдень, Кирилл решил потратить время с пользой не только для тела, но и для дела. Вооружившись неожиданно четким воспоминанием о планировке дворца, он отправился в библиотеку.

Это было монументальное, дышащее тишиной хранилище. Здесь не было места "адаптированным фантазиям" историков из будущего. Перед Кириллом открылись настоящие знания — те, что высекались в камне и выдавливались на глине прямо здесь и сейчас. Огромное помещение со стройно стоящими рядами стеллажей со свитками и табличками казалось бесконечным — ряды уходили вдаль, растворяясь в полумраке. Тёплый, чуть терпкий запах старого пергамента, кожи и глины витал в воздухе, смешиваясь с едва уловимым ароматом сандала и масла из светильников— будто само время оставило здесь свой след. Это были не просто документальные архивы, а фундамент, на котором стоял Аншан, и Кириллу предстояло понять, насколько прочен этот фундамент, прежде чем он решит возвести на нем что-то свое.

Он шёл меж стеллажей библиотеки, и изумление всё сильнее овладевало им — глаза разбегались от обилия сокровищ. Масштаб хранилища поражал: на бесконечных деревянных полках теснились кожаные фолианты, скрученные свитки папирусов и ряды обожженных глиняных табличек. Кирилл растерялся, не зная, с чего начать. Он наугад вытянул одну из табличек, надеясь углубиться в чтение, и замер в недоумении. Он не мог разобрать ни единого знака.

«Как так? — разочарованно подумал он. — Я свободно говорю на этом языке, я помню имена слуг и планировку дворца, я даже смутно вижу карту границ государств. Но я совершенно не понимаю, что здесь написано!» Чувство досады захлестнуло его. Он уже готов был вернуть табличку на место и уйти, решив, что этот уровень доступа ему пока закрыт. Но в этот миг его взгляд зацепился за массивный фолиант, скрепленный золотыми скобами. Тяжелые кожаные листы манили своей фактурой, и Кирилл, поддавшись импульсу, потянулся к нему. Ощутив приятную весомость книги, он переложил ее на высокую подставку для чтения, стоящую в центре зала, и открыл первую страницу.

Произошло нечто странное. Стоило ему коснуться пальцами знаков, как смысл причудливых закорючек сам собой начал всплывать в мозгу. Символы складывались в слоги, слоги — в слова, а те — в полноценные предложения. Перед ним была "Авеста" — книга откровений пророка Спитамы Заратуштры.

Кирилл читал взахлеб. Ладно сложенный, поэтичный и глубокий слог находил живой отклик в его душе, оседая в памяти кристально чистой мудростью древнего пророка. Это чтение не было похоже на изучение учебника; это было похоже на припоминание чего-то фундаментального. Наконец, он отстранился от книги и глубоко задумался. Высокая духовность этих строк резко контрастировала с его утренним цинизмом.

"Если таков их Бог, то как же живет это государство? — задался он вопросом. — По каким земным законам и правилам строится жизнь людей, читающих такие тексты?"

За этими мыслями его застал вечер. Слуги вошли для того, чтобы сменить лампы, освещавшие помещение и Кирилл почувствовал, что пора отдохнуть. С твердым намерением посещать библиотеку каждый день он закрыл фолиант и вышел из помещения.

****

Вернувшись в свои покои, Кирилл обнаружил, что солнце уже почти полностью село. Он вспомнил о прекрасных «феях», наблюдаемых им сегодня в саду, и позвав к себе главного евнуха, приказал ему приготовить и привести Ясмин и Шерин и еще позвать музыкантов дабы они усладили его слух музыкой.

Кирилл расположился в большой опочивальне, предназначенной специально для таких вечеров. Комната впечатляла своими размерами: в центре возвышалось исполинское ложе, на котором могли бы свободно и с комфортом улечься человек шесть. Рядом пристроился низкий столик для яств, а вокруг были разбросаны мягкие подушки для сидения. Покои переходили в просторную крытую террасу, часть которой скрывала плотная тяжелая штора. Именно там, в тени ткани, расположились музыканты — невидимые, но осязаемые. Кирилл знал: стоит ему дать знак, и они исчезнут через боковой проход, не потревожив его уединения лишним взглядом.

Он вальяжно раскинулся на кровати, чувствуя, как приятное предвкушение щекочет нервы.

Служанки внесли подносы, уставленные сладостями и фруктами, и мгновенно растворились в полусумраке коридора. Вслед за ними вошли те две девушки, что прислуживали ему утром. С грацией привычных к своей роли теней они заняли свои места у столика.

Кирилл едва заметно кивнул. Девушки тут же придвинулись ближе: одна наполнила золотой бокал и поднесла его повелителю, а вторая замерла в ожидании, ловя каждое движение его глаз. Кирилл лениво указал на сухофрукты и незнакомые лакомства, названия которых он не знал, но чей пряный аромат уже дразнил аппетит. Служанка ловко разложила угощения по маленьким золоченым блюдцам и, водрузив их на большой поднос, поставила его на край огромной кровати-топчана, прямо под руку господину.

Кирилл медленно вдохнул аромат вина. Густой виноградный запах, напоенный солнцем и терпкостью лозы, приятно щекотал рецепторы, пробуждая не только аппетит, но и какую-то первобытную жажду жизни. Он сделал пару глотков, смакуя то, как вино наполняет рот благородным вкусом и мягким теплом стекает по гортани.

"Какую же все-таки гадость продают в современных магазинах под видом благородных напитков", — цинично подумал он, наслаждаясь честным, не знающим химии послевкусием. Он взял кусочек лакомства, и в мозгу тут же, словно системная справка, всплыло название — суджуг. Орехи миндаля в густом виноградном сиропе-дошабе оказались на удивление гармоничным сочетанием: сладость была плотной, но не приторной.

Пока он наслаждался этой симфонией вкусов, в покои бесшумно вошли Ясмин и Шерин. В мягком мерцании ламп они выглядели как ожившие грезы. На Ясмин были свободные розовые шаровары с дерзкими разрезами от бедер до щиколоток и крохотный топ: весь ее наряд искрился от обилия бусин, бисера и мелких самоцветов. На поясе, подчеркивая крутой изгиб бедер, красовался платок для танцев, усыпанный по краю звонкими кругляшками-монетами. Шерин была одета в такой же наряд, но глубокого, вызывающего лилового цвета.

В начале танца Ясмин и Шерин замерли, стоя друг за другом. Укутавшись в шелковые платки, они скрестили руки на груди и низко опустили головы — две неподвижные загадки в полумраке опочивальни. Но стоило музыке набрать силу, как они синхронно раскинули руки и разошлись в разные стороны. Их кисти двигались волнообразно, с пугающей грацией змей, скользящих по раскаленным пескам пустыни.

Сделав изящное па, девушки застыли в позах греческих статуй. В ту же секунду их бедра и животы начали рисовать в воздухе бесконечные восьмерки. Ритмично поднимая то левое, то правое бедро, они заставляли свои животики подрагивать в такт ударам барабана. Эта синхронность завораживала, а неприкрытая чувственность движений разжигала в Кирилле густой, почти осязаемый огонь желания.

Затем последовал шаг навстречу друг другу. Их руки скрестились над головами в триумфальном жесте, и девушки начали медленно кружиться друг вокруг друга, меняясь местами. В этом движении было столько интимности: их пальцы нежно ласкали запястья партнерши, скользили по ладоням, то сплетаясь в сложный узел, то плавно расходясь под мелодичный персидский мотив.

Поменявшись местами, они повернулись к Кириллу боком, прижавшись друг к другу спинами. Продолжая рисовать руками волны, они медленно наклонились вперед. Дразнящая игра бедер продолжала свою бесконечную траекторию в пространстве, пока они почти касались друг друга в этом дерзком поклоне. Но уже через мгновение они выпрямились, чтобы тут же прогнуться назад с невероятной, почти нечеловеческой гибкостью.

Их тела образовали идеальную живую арку. Руки снова встретились и сплелись где-то там, за гранью возможного, а между ними колыхались и вздымались в такт движениям шелковые платки. Это зрелище было настолько совершенным, что Кирилл забыл о вине и сладостях. Весь мир для него сузился до этого пятна света, в котором две женщины превращали саму страсть в осязаемую материю».

Когда мотив мелодии за шторой стала затихать, Кирилл жестом велел девушкам остановиться. Они тут же оказались подле него, тяжело и часто дыша после долгого танца. Воздух вокруг них вибрировал: тонкий аромат жасмина, бергамота и лаванды смешался с терпким, дурманящим запахом разгоряченных тел.

Кирилл медленно провел кончиками пальцев по предплечью Шерин. Под подушечками пальцев он ощутил влагу, и эта живая реакция тела на движения отозвалась в нем новой волной желания. В голове, затуманенной вином и красотой, родилась дерзкая, почти ритуальная идея. Обведя властным взглядом обеих красавиц, он взял в руки тяжелый золотой кувшин.

Девушки встретили его движение тихим, покорным и в то же время игривым смехом. Кирилл едва наклонил сосуд, пуская тонкую, гранатового цвета струю на кожу Ясмин в области груди. Та невольно вздрогнула и выгнулась навстречу прохладной влаге, ее дыхание стало прерывистым и глубоким. Вино змейкой заскользило по ее телу, оставляя темный след. Струйка затекла в ложбинку между грудей, мгновенно окрашивая нежный розовый шелк лифа в кроваво-красный.

Пока Ясмин прерывисто вздыхала от его игры, Шерин прильнула к плечу Кирилла, мягко целуя его шею и заставляя его чувствовать себя абсолютным повелителем этого рая. Кирилл наблюдал за ними обеими, чувствуя себя центром священного храма страсти. В его современном мире близость была чем-то будничным, часто лишенным эстетики, но здесь, в полумраке аншанских покоев, каждое его движение превращалось в высокое искусство, пробуждая в нем ту самую древнюю мощь, которой не было места в его тихой питерской жизни.

Желание медленно нарастало... Он перевел кувшин на Шерин, щедро делясь хмельной влагой, а затем снова вернулся к Ясмин и начал неспешно лить вино, начиная от межключичной ямки и наблюдая, как рубиновые дорожки стекают по животу наложницы. Когда Ясмин судорожно втянула живот, в ложбинке ее пупка образовалось маленькое озерцо вина. Кирилл наклонился и отпил его — вкус напитка, смешанный с жаром кожи и ароматами масел, оказался острее и пьянее любого хмеля.

Девушки, разгоряченные танцем и опьяненные играми их повелителя, ласкали Кирилла, нежно скользя пальцами по тонкому шелку его рубахи. Кирилл потянулся и поцеловал сначала

Шерин, потом переключился на Ясмин. Желание и похоть накрыли его с головой. Теряя связь с реальностью, он дарил ласки то одной, то другой девушке.

Вскоре одежды были отринуты, а возбуждение Кирилла достигло предела. Приблизившись к Шерин сзади, он обхватил ее за талию и сжал ее крепкие, горячие ягодицы. На девушке остался лишь набедренный платок. Тонкий звон золотых монет на ее поясе стал ритмичным аккомпанементом его действиям.

Окончательно поддавшись зову плоти, Кирилл вошел в Шерин мощным, уверенным толчком. Она, мгновенно отреагировав на его напор, осторожно свела бедра, создавая то самое сопротивление, которое так сводило с ума. Теперь он двигался в ней со страстью обезумевшего мустанга, то почти покидая влажное лоно, то погружаясь на самую глубину. Ясмин в это время сидела рядом, ласково гладила спину своего повелителя и целовала его плечи.

В полумраке опочивальни, под вкрадчивые звуки невидимых музыкантов, Кирилл задыхался от обожания обеих красавиц. Звон монет, прерывистое дыхание, аромат пролитого вина и мускуса — все это слилось в бесконечный поток наслаждения. В этой страсти Кирилл навсегда хоронил свою прежнюю, серую жизнь, принимая право сильного брать от этого мира все до последней капли.

Кирилл двигался агрессивно, чувствуя, как внутри него закипает неизбежный взрыв. Желая продлить это безумие, он вовремя отстранился. На грани неуправляемого порыва он переключил внимание на вторую наложницу — такую же горячую, такую же ненасытную.

Он привлек Шерин к себе, на мгновение впившись в ее губы глубоким поцелуем, а затем жестом велел ей уступить место Ясмин. Шерин, мгновенно уловив смену его желания, с кошачьей грацией отстранилась и склонила голову в знак покорности.

Кирилл же, подхватив податливые бедра Ясмин и закинув ее ноги себе на плечи, вошел в нее одним мощным толчком. Ритм стал неистовым. Ясмин двигалась навстречу, виртуозно управляя внутренними мышцами, то сжимая, то отпуская его, доводя ощущения Кирилла до немыслимого предела. В какой-то момент плотина рухнула — он сдался. Тело Ясмин изогнулось дугой, она с силой обняла его ногами в последний раз, и волна ослепляющего оргазма захлестнула обоих, превращая явь в неявь и растворяя сознание в чистом экстазе.

Вскоре он упал на подушки рядом с девушками — изможденный, опустошенный, но бесконечно довольный. Глядя в темный купол балдахина и слушая их прерывистое дыхание, Кирилл окончательно смирился. Если все это — лишь плод его воображения, если завтра он проснется в стерильном номере Хургады, то это, без сомнения, был самый великолепный и невероятный бред в его жизни.

Но тяжесть его собственного тела и терпкий запах вина, пропитавший простыни, нашептывали иное: он не гость в этом мире. Он — его сердце».

****

Тишина, воцарившаяся в покоях после буйства страсти, была густой и обволакивающей. Девушки ласково гладили своего повелителя, переплетая свои стройные ноги с его телом, словно живые лианы. Музыка за шторой теперь казалась невероятно светлой и умиротворяющей, унося остатки мыслей в мягкое забытье. Под этот убаюкивающий ритм Кирилл провалился в глубокий, тяжелый сон.

...Но сон этот не принес покоя. В какой-то миг он осознал, что стоит посреди раскаленной рыночной площади. Вокруг кипел восточный базар: шумели зазывалы, выкрикивая цены на шелка и инжир, в воздухе висел пряный аромат сладостей и пыли. Кирилл медленно шел между рядов, разглядывая отрезы тканей и выделанные шкуры, когда внезапно толпа вокруг него превратилась в единый яростный поток. Мощная волна людей подхватила его и вынесла на просторную площадь.

В самом центре возвышался исполинский золотой буйвол с могучими крыльями и головой человека. Кирилл, подталкиваемый людской массой, оказался у самого подножия идола. Он поднял взгляд и в ужасе отшатнулся: на него со статуи смотрело его собственное лицо. Холодный металл в точности повторял каждый изгиб его губ, бровей, лба - каждую черту.

Чувство смертельной опасности прошило тело. Кирилл попытался пробиться назад, скрыться, но чей-то истошный крик — «Вот он!» — заставил толпу замереть. Тысячи глаз уставились на него с неприкрытой злобой. Миг — и в него полетел первый камень, за ним второй, а затем они посыпались градом.

Кирилл рухнул на колени, скрючившись от боли и немого вопроса: «За что?!». Из последних сил он поднял голову и увидел, что на вершине статуи стоит одноглазый великан. Его единственный глаз светился недобрым желтым огнем, выжигая все живое вокруг. Пространство начало схлопываться, пока не остался лишь этот глаз, который стремительно рос, принимая очертания того самого амулета.

Перед глазами в безумном танце заплясали руны, потекли клинописные символы и орнаменты, ввинчиваясь в сознание. Нестерпимая боль вспыхнула где-то внутри, и Кирилл почувствовал, что его мозг закипает, не в силах выдержать этот чудовищный напор.

****

Пробуждение было резким, как удар. Кирилл лежал неподвижно, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца, пока перед глазами все еще пульсировал пугающий глаз великана. Но реальность Аншана была тихой и безмятежной: огромная луна, словно бесстрастный свидетель, заливала покои холодным серебром, а Ясмин и Шерин продолжали свой беззаботный сон. Их теплые, пахнущие страстью тела все еще сплетались с его телом в ленивом объятии.

Он осторожно провел ладонью по бедру одной из девушек. Она лишь довольно мурлыкнула во сне, инстинктивно прижавшись к нему крепче, и сладко засопела. Но липкий страх, принесенный кошмаром, не уходил.

Поняв, что уснуть больше не удастся, Кирилл аккуратно освободился из сладкого плена рук и ног красавиц. Накинув халат, он бесшумно направился к выходу, стараясь не тревожить их покой.

Глава 4

Кирилл вышел в коридор. Охранники, полудремавшие у входа, мгновенно вытянулись в струнку, превратившись в безжизненные изваяния. Он оглядел их лица, ловя себя на остром, почти невыносимом желании просто заговорить. О чем угодно — о погоде, о смене караула, о качестве их копий — лишь бы перебить липкий ужас сна чьим-то живым, обыденным голосом. Ему нужно было это социальное "заземление", чтобы окончательно прийти в себя.

Но он тут же осек себя. В этом мире он не мог позволить себе слабость быть просто человеком. Для этих солдат он был полубогом, символом власти, и беседа "по душам" посреди ночи выглядела бы в их глазах как минимум безумием. "Не царское это дело", — горько усмехнулся он про себя и, проглотив несказанные слова, двинулся по коридору. Двое стражей, словно беззвучные тени, последовали за ним.

Ноги сами привели его в библиотеку. Вдохнув знакомый запах кожи, старого пергамента и легкого эвкалипта, подмешанного в масло ламп, Кирилл почувствовал, как тяжелая пульсация в висках наконец начинает утихать. Здесь, среди застывших знаний, наваждение раскаленной площади и летящих камней постепенно отступало.

Он принялся лихорадочно перебирать содержимое полок. Снимал один фолиант за другим, разворачивал свитки, перекладывал массивные таблички... Кирилл искал, сам еще не понимая — что именно. Это была не осознанная цель, а интуитивная попытка найти опору, ключ к тому «глазу», который ворвался в его сон. Он надеялся: где-то здесь, в этом безмолвном лабиринте, скрыто объяснение той боли, что все еще отзывалась эхом в его сознании».

Книг было бесконечно много. Многие из них были написаны алфавитами, которые Кирилл видел впервые, на языках, чье звучание он не мог даже вообразить. В нем снова проснулся исследователь: он твердо решил, что найдет учителей, способных обучить его этой лингвистической магии. Присущая ему любознательность, дисциплинированный ум петербургского интеллектуала, неумолимо брала верх над желанием просто пользоваться благами своего высокого положения.

Он перелистывал страницы, пробегал глазами строки и откладывал свиток за свитком, пока пальцы не коснулись листов, текст на которых заставил его остановиться и задуматься. Он начал читать, и слова ложились в его сознание, словно хорошо подогнанные блоки древней кладки:

И речено было: ключи от хранилищ Благой Мысли обретает лишь тот, кто омыл дух свой от скверны праха и Тьмы, дабы совершить Великое Делание. Сице соделает он себя сиянием беспредельным, чистым, аки Первозданный Свет. Никакого иного удела не должен желать человек, кроме сей Мудрости, и ни в чем ином не искать ему услады, как только в познании Истины-Арта.

Не дается сия Мудрость праздным, но лишь душам праведным, что возвеличились в чистоте. Без ведения тайн — человек пребудет во тьме и рабстве Лжи. Но, великое знание открывается лишь тем, кто делом доказал свое достоинство. Воспрянь же от сна, о смертный, очисти помыслы свои и взыщи Мудрость!

Кирилл замер, не убирая ладони с текста. Эти строки резонировали с той самой внутренней пустотой, которую он пытался заполнить в своей прошлой жизни. Это был призыв не к царю, а к Творцу, к инженеру реальностей. "Без знаний человек никогда не будет свободен", — повторил он про себя. В контексте его нынешнего положения — запертого в чужом теле, в чужом времени и в петле древнего амулета — эти слова звучали как инструкция по выживанию.

Кирилл на мгновение отвел глаза от текста. Раньше, в своей прошлой, размеренной жизни, он отбросил бы подобную книгу в сторону, сочтя ее пустым словоблудием, не заслуживающим ни потраченного времени, ни умственных усилий. Но сейчас, в тишине аншанской библиотеки, эти слова резонировали где-то в самой глубине его существа.

Чтобы окончательно убедиться, что он нашел нужный след, или же, напротив, развеять наваждение, Кирилл пролистнул несколько страниц. Книга в его руках оказалась сводом тайных мистерий. "А что, если ключ к моему амулету и к самой причине моего появления здесь спрятан именно на этих страницах?" — подумал он. Какой бы безумной ни казалась эта идея его рациональному "я", ничего более адекватного его сознание сейчас предложить не могло.

И он продолжил читать, впитывая строки, которые теперь казались ему не метафорами, а подсказками:

«Уразумей же стезю, ведущую к Первозданному Сиянию! Внемли сему, о смертный: ключи от всех тайн бытия сокрыты в тебе самом, ибо естество человека подобно великому устройству Вселенной. Сокрыты они не для того, чтобы утаить их, но понеже разум твой еще не пробудился для их ведения.

Ибо как в малом семени сокрыто древо, так в человеке заложена искра, дабы соделаться ему подобным Единому Богу. Столь же неизменно, как долг зерна — прорасти к солнцу, таков и вышний долг человека — возрасти духом до Творца Света. Но не всякое зерно дает плод, и не всякий человек являет миру то, что вложено в него от начала времен. Знай же: человек — это не бренный прах и не тленная плоть. Плотское тело — лишь временное одеяние, данное бессмертной душе для странствия по земле.

Человек есть предвечная искра, рожденная для Бессмертия! Его удел — стать Светоносным Духом и приумножить Беспредельный Океан Совершенства, коим держится и творится все сущее во Вселенной!»

Кирилл замер. Для него это звучало как описание эволюционного процесса: от заложенного кода до финальной реализации структуры. Если амулет был инструментом этой эволюции, значит, его боль во сне была лишь признаком того, что его нынешнее "я" пока слишком тесно для тех знаний, которые пытаются к нему прийти».

— Что же я должен сделать? Стать богом, чтобы подчинить амулет и спасти себя? — Кирилл мысленно усмехнулся. — Да ну нет, фигня какая-то. Наверняка я рассуждаю неверно... Может, мне стоит изучать это с кем-то, кто в этом разбирается?

С этой мыслью его застало утро. В помещении без окон время замерло, и лишь когда лампы начали натужно мигать из-за нехватки масла, а слуги бесшумно вошли для их замены, Кирилл осознал: ночь прошла. Его желудок тут же напомнил настойчивым урчанием о "бренности существования" и о том, что даже «будущему Светоносному Духу» нужно регулярно питаться.

Кирилл вышел в коридор и направился в свои покои, где его, словно бессменное изваяние, уже ждала Ирдуш. Шагая по гулким плитам дворца, он снова и снова прокручивал в голове прочитанное, пытаясь совместить инженерное прошлое с мистическим настоящим.

Чужая память внутри него молчала, словно этот амулет был тайной для Аградата. "Какова его природа? — размышлял Кирилл. — Если материя — это лишь одежда, то амулет — это портал? Или..? Или... какой-то автономный модуль, который использует мою психику как источник питания?".

Он чувствовал, что кристалл — не просто камень. Это была сложная "технология" за гранью его понимания, которая не просто перебросила его в прошлое, а вскрыла в нем пласты сознания, к которым он не был готов. "Это не петля времени, — вдруг догадался он. — Это синхронизация. Амулет не закинул меня сюда, он *проявил* меня здесь, заставив вспомнить то,

что было заложено в моем коде изначально. Но кто его создал? И за какую цену он дает эту власть?"

Кирилл понимал: если он хочет вернуться домой или хотя бы выжить здесь, ему придется перестать быть просто "пользователем" этого артефакта. Ему нужно стать его мастером.

Но прежде всего — ему нужно было поесть, привести себя в порядок и решить, как вести себя далее...

— Я хотел бы совершить полное омовение, — обратился он к Ирдуш.

Матрона тут же распорядилась об организации бани. Ожидание было недолгим, и вскоре Кирилл погрузился в просторный бассейн, наполненный благоухающей, идеально прогретой водой. Тройка почти обнаженных купальщиц принялась за работу, и Кирилл невольно засмотрелся на их «форму». Наряд девушек состоял лишь из набедренных повязок, напоминавших короткие современные юбки. Спереди на них крепились кармашки, куда купальщицы убирали вехотки и скребки, а их шеи украшали колье с крошечными сосудами — в них, как подсказала чужая память, хранились драгоценные масла и притирания.

Девушки знали свое дело. Они касались его кожи скребками так нежно и осторожно, что по телу Кирилла раз за разом пробегали мурашки. Когда одна из них положила его руку себе на плечо, чтобы омыть бок, в голове Кирилла промелькнула вполне понятная "пошленькая" мысль: «А что будет, если я ее облапаю?»

Ответ всплыл мгновенно, холодный и уверенный: «Ничего. Я — их государь».

Недолго думая, Кирилл скользнул рукой вниз, властно накрыв ладонью пышную грудь купальщицы. Девушка мгновенно зарделась, густой румянец залил ее шею, но она не отстранилась и даже не замедлила движений, продолжая очищать скребком его тело как ни в чем не бывало.

"Чудесно, — подумал Кирилл, расслабляясь в теплой воде. — Я пока не нашел ни одного минуса в том, что сделал со мной амулет. Зато второй день — сплошные плюсы".

Он довольно улыбнулся, глядя, как солнечные лучи танцуют на поверхности воды и ярких украшениях девушек. Кошмар с рыночной площадью и одноглазым великаном казался теперь лишь нелепой сказкой, которая не имела никакого отношения к этой роскошной и чувственной реальности».

Выбравшись из бассейна, Кирилл расположился на удобном широком топчане. Девушки, сняв намокшие передники, обступили своего повелителя. Они начали открывать один сосуд за другим, поднося их к лицу Кирилла, чтобы он сам выбрал аромат для утреннего умащения. Он кивнул на один из флаконов — запах был свежим, с тонкими нотами цитруса и сандала.

Купальщицы обильно смочили ладони маслом и принялись за работу. Они двигались с пугающей синхронностью: одна разминала плечи и руки, вторая — торс, третья сосредоточилась на ногах. Под их ласковыми, но уверенными прикосновениями Кирилл окончательно разомлел. Напряжение, копившееся после ночного кошмара и бдения в библиотеке, начало таять. Он и сам не заметил, как поддался этой неге и задремал, укутанный в облако восточных благовоний.

Спустя некоторое время он открыл глаза, чувствуя необычайный прилив сил. Это не было просто бодростью после сна — это была агрессивная, деятельная энергия, состояние, в котором человек готов "свернуть горы".

Опытный мастер занялся завивкой его бороды на вавилонский манер, укладывая волосок к волоску. Потом девушки-служанки ему поднесли медное зеркало, и Кирилл впервые взглянул на свое отражение. То, что он увидел, очень его смутило: на него из зеркала смотрело его

отражение и в то же время не его. Его нос, глаза, упрямая линия скул, но все это в каком-то непривычном древнем антураже. Это было одновременно и его и не его лицо, как будто боги решили пошутить над ним. Упрямые кучерявые волосы и завитая борода делали его отражение незнакомцем, но это все равно был он «Как же так? Почему? Я перенесся сюда в своем теле или это просто копия моего тела из будущего?» — размышлял Кирилл, разглядывая себя в темной глади медного зеркала.

Его размышления прервали девушки, принесшие ему чистые одежды. Они помогли ему облачиться в них, и Кирилл, ведомый этой новой силой и ясным осознанием своего нынешнего положения, направился в зал аудиенций. Пора было выслушать советника и наконец взглянуть в лицо реальности своего царства».

Советник уже ждал его в зале, застыв в почтительном поклоне. Стоило Кириллу занять свое место, как чиновник привычно извлек глиняную табличку и монотонным голосом принялся зачитывать сводки. Кирилл слушал его в пол-уха: цифры сборов и отчеты о поставках фуража казались ему сейчас чем-то бесконечно далеким. Дождавшись, когда поток "скучных" новостей иссякнет, он прямо обратился к собеседнику:

— Артафарнак, есть ли в моем государстве мудрецы, достойные того, чтобы обучить своего царя новым знаниям?

Советник удивленно приподнял густые брови. Секундная заминка — и он, быстро справившись с изумлением, склонил голову еще ниже:

— В Аншане есть один такой человек, мой повелитель, чья мудрость глубока и чей дух достоин твоей чести. Но если ты желаешь коснуться знаний, что лежат за пределами наших гор, я могу направить вестников в Мидию и Вавилон. Я позову к тебе лучших из лучших, если на то будет воля твоя.

— Да! — твердо произнес Кирилл. — Я повелеваю тебе привести ко мне этого мудреца, а также немедленно разослать послания в Вавилон и к мидийцам.

— Сегодня же я прикажу Абухаддину явиться пред твои светлые очи! — ответил Советник.

В глазах его на мгновение сверкнуло острое любопытство, которое он поспешил спрятать за маской придворного почтения. Встречей Кирилл остался доволен: лед тронулся. Он понимал, что приглашение иноземных мудрецов — это не только обучение, но и большая политика. Вавилонские ученые могли принести с собой не только астрономию, но и ключи к пониманию того самого древнего языка, который не давался ему ночью.

****

После обеда в покои вошел обещанный старец. Он был невысокого роста, в безупречно белых хлопковых одеждах, а его ухоженная борода была завита мелкими кольцами на вавилонский манер. Кирилл пристально вглядывался в него, подсознательно ожидая увидеть некое подобие мистического старца из сказок, но перед ним стоял совершенно непримечательный, скромный человек.

Кирилл жестом пригласил его сесть на ковер возле своего кресла и без лишних вступлений спросил:

— Советник поведал мне, что ты ученый муж. Расскажи, чему ты обучен, что знаешь и чему можешь научить своего царя?

Старец уважительно склонил голову, и его голос, тихий и спокойный, поплыл по комнате:

— О, повелитель, я лишь смиренный слуга Ахура Мазды, посвятивший жизнь изучению законов этого мира. Я владею пятью языками — ионическим, вавилонским, ханаанским, иудейским и арамейским. Мне посчастливилось быть вхожим во многие библиотеки, где я постигал законы природы и движения космоса. Но я лишь скромный ученик, познавший малую толику от всех мировых знаний. Прости меня, если этого мало, мой повелитель. Я готов служить тебе и быть полезным во всем, что ты посчитаешь нужным.

Кирилл внутренне усмехнулся: такая скромность при знании пяти сложных языков прошлого вызывала уважение. Инженер внутри него понимал — перед ним сидит «ключ» к тем самым запертым файлам из библиотеки. Для его современников эти языки были живой тканью мира, на них спорили торговцы, писали указы цари и шептали молитвы жрецы.

— Хорошо, — ответил Кирилл, и в его голосе прозвучал неподдельный интерес. — Я намерен изучить языки, которыми ты владеешь. И надеюсь, с твоей помощью, постигнуть их как можно скорее.

Старец поклонился, и в его глазах блеснул огонек интереса. Видимо, не каждый день правитель Аншана изъявлял желание грызть гранит науки вместо того, чтобы упражняться в стрельбе из лука.

— Мы начнем тогда, когда ты прикажешь, мой царь, — кротко ответил Абухаддин. — Но позволь спросить: какой из них манит твой разум прежде других? Язык мудрого Вавилона? Или, быть может, арамейский, на котором говорят от Египта до границ Индии?

Кирилл задумался. В памяти всплыли ночные тени библиотеки и те самые таблички, которые он не смог прочесть.

— Мы начнем с того, на котором написаны древнейшие хроники этого дворца, — твердо сказал он. — А затем я хочу понять смысл тех символов, что высечены на стенах старых гробниц.

Он чувствовал, что время не ждет. Странная чужая память внутри него зудела, требуя ответов, которые нельзя было получить, просто наслаждаясь вином и обществом наложниц. Ему нужны были факты, цифры и настоящая история этого мира, а не те крохи, что выдавал ему "автопилот" Аградата.

Кирилл еще некоторое время беседовал с Абуххаддином, обсуждая план завтрашних занятий, после чего отпустил старца, взяв с него твердое обещание явиться на рассвете со всеми свитками, необходимыми для начала обучения.

Глава 5

Довольный тем, как продуктивно прошел день, Кирилл направился в свои покои. Вечерний воздух снова наполнился предвкушением, и он, не медля, вызвал евнуха.

– Приведи ко мне Шерин и Ясмин, – велел он. – Я хочу, чтобы эта ночь была не хуже предыдущей.

Однако вместо послушного исполнения приказа, евнух внезапно побледнел и, потупив взор, рухнул к стопам царя.

– О, мой повелитель, прости своего ничтожного слугу... – промямлил он. – Я не смогу привести к тебе Ясмин. С ней случилась беда. Она занемогла!

– Как так? – Кирилл почувствовал, как внутри все сжалось. – Почему мне не сообщили немедленно?

– О, государь, когда девушки вернулись из твоих покоев, они были веселы и полны сил. Но ближе к закату солнца Ясмин вдруг скрутила неведомая немочь. Она слегла и больше не открывает глаз. Я тут же послал за врачом, он уже должен был закончить осмотр.

– Пригласи его сюда! – потребовал сердито Кирилл. – Я хочу знать правду!

Врач явился через несколько мгновений. Это был старик с печальными глазами, который приближался к Кириллу, нарочито сильно горбя спину и пугливо пришаркивая ногами по каменным плитам.

– Говори! – приказал Кирилл, и голос его прозвучал по–царски жестко.

Врач задрожал и, осторожно подняв взгляд на повелителя, произнес:

– О, великий шах... Я не могу сказать тебе, что случилось с этой девой. Дух ее здоров, но жизнь утекает, как вода сквозь песок. Кажется мне, что болезнь эта – магическая, насланная злой волей. Она умрет... – С этими словами он упал в ноги Кирилла. – Не вели казнить! Я лечу плоть, я знаю травы и припарки... Но магия – это не мой удел! Мы бессильны перед тем, что сотворено не людьми!

Кирилл нахмурил брови. Казнить старика он, конечно, не собирался, но и в россказни про "магическую порчу" верил мало. В его голове, привыкшей к логическим цепочкам, это звучало как попытка врача прикрыть собственное бессилие.

– Расскажи мне подробно: каковы симптомы? – выдержав тяжелую паузу, потребовал он.

– О, повелитель... – врач задрожал еще сильнее. – Когда я вошел к ней, она была в агонии. Тело ее пылало жаром и покрылось багровыми язвами. Взор был затуманен, а сознание блуждало в бреду. Она стонала и выкрикивала слова на языке демонов, который не понятен смертным. – Он помолчал, сглотнув ком в горле. – Я боюсь прикасаться к ней. Знаю, что болезнь эта не передается через воздух, но демон, наведший ее, может покарать и меня, если я посмею вмешаться!

"Что за напасть?" – раздраженно подумал Кирилл. Его инженерный склад ума отказывался принимать "демонов" как причину болезни в организме девушки.

– Слушай меня внимательно, – ледяным тоном произнес он. – Ты обязан ее лечить. Иначе я тебя точно казню. Выбор у тебя невелик: либо ты рискуешь встретиться со своим воображаемым демоном, либо гарантированно встретишься с моим палачом. Решай и действуй!

Отпустив лекаря, Кирилл принялся мерить комнату шагами. Тревога за Ясмин мешалась с досадой от сорванного вечера. Чтобы сбросить это гнетущее наваждение и вернуть себе расположение духа, он решил сменить декорации. "Раз эти девушки недоступны, пусть сегодня в моих объятиях будет Гулистан", – решил он. Образ аппетитной красавицы, так самозабвенно облизывавшей пальцы после сладостей, мгновенно вызвал у него улыбку.

Гулистан не заставила себя ждать. Очень скоро массивные створки дверей с глухим стуком захлопнулись за ее спиной. Девушка, покорно склонив голову и позвякивая украшениями, медленно подошла к ложу повелителя, принося с собой густой аромат ванили и мускуса».

– Добрый вечер, Гулистан. Присаживайся и насладись яствами, – приободрил ее Кирилл.

Девушка встрепенулась и опустилась на пышную подушку, оглядывая стол с нескрываемым вожделением. Она тут же потянулась к винограду и принялась с явным удовольствием отправлять в рот ягоду за ягодой, забавно причмокивая аппетитными губами. Кирилл с улыбкой наблюдал за этим «обжорством». Ему нравился азарт, с которым она уничтожала все, до чего могла дотянуться; он уже начал предвкушать продолжение ночи.

– Вас там что, совсем не кормят? – спросил он через некоторое время.

Глаза девушки вспыхнули, а лицо мгновенно залил густой румянец.

– О, нет! – она резко замерла и потупила взор. – Я... я просто нервничаю. А когда я нервничаю – я ем.

Она положила недоеденный фрукт и затихла. Кирилл досадно поморщился: «Испортил момент». Но любопытство взяло верх.

– И почему же ты нервничаешь? Неужели ночь со мной – это так страшно? – он одобрительно улыбнулся, пытаясь вернуть легкость беседе.

– О, нет! Не подумайте так, мой повелитель! – голос ее задрожал. – Каждая девушка в гареме мечтает о вашей благосклонности. Но... – она запнулась.

– Что «но»? – переспросил Кирилл. Веселье окончательно испарилось, уступая место дурному предчувствию.

– Вы накажете меня за отказ. Наверное, казните... но смерть ждет меня в любом случае. Только вы казните быстро, – подбородок Гулистан мелко задрожал, – а если я проведу с вами ночь... если вы овладеете мной... я буду умирать мучительно и долго. Как Ясмин...

– Это всего лишь болезнь! И не надо придавать ей магический смысл! – вскрикнул Кирилл, но сам почувствовал, как неубедительно звучит его голос в этой полуночной тишине.

Гулистан совсем сжалась, почти вжавшись в подушку. Глядя на ее дрожащие плечи, Кирилл почувствовал укол совести. Ей действительно было невероятно страшно – этот первобытный ужас перед неведомым невозможно было имитировать.

– Гулистан, расскажи мне все, – уже мягче произнес он. Он поднял девушку за плечи, усаживая ее рядом с собой на ложе. – Как все было?

Гулистан всхлипнула и, поймав его взгляд, заговорила тихим, прерывистым шепотом:

– Это все Фируза. Сегодня, когда Ясмин и Шерин вернулись от тебя довольные и счастливые, она посмотрела на них зло... о–о–очень зло. Она ничего не сказала, просто развернулась и ушла. А потом... мы пошли в баню. Сразу после омовения Ясмин стало плохо. Она упала, ее кожа на глазах стала покрываться язвами и коростой. И тогда... – девушка зажмурилась, словно заново видя эту картину, – тогда Фируза подошла к ней и громко, чтобы слышали все, произнесла: «Так будет с каждой, кто примет в себя семя повелителя! Ибо он мой, только мой и ничей более!». Она ушла, оставив нас стоять над умирающей подругой...

Гулистан замолчала, а Кирилл почувствовал, как в висках снова начинает пульсировать. "Неужели и вправду магия? – лихорадочно соображал он. – Хотя как в это не поверить, если я сам оказался в этом теле непонятным мне образом...". Но за «магическим» проклятием Фирузы его ум уже нащупывал иную, вполне материальную версию. Баня... язвы на коже... мгновенная реакция.

– Контактный яд? – пробормотал он под нос. – Или что–то, что подсыпали в масла?

Он вспомнил ту самую "пуму" Фирузу, ее коварный взгляд и веер. Если она – ревнивая хищница, то "демон", о котором лепетал врач, мог иметь вполне человеческое лицо. И это лицо сейчас, где–то в гареме, праздновало свою маленькую победу.

– Хорошо, Гулистан, – произнес Кирилл, чувствуя, как внутри него все окончательно остыло. – Я не буду настаивать на близости, пока не разберусь во всем этом. Но останься со мной до рассвета.

Он обнял ее за плечи и нежно погладил по голове, успокаивая. Игривое настроение улетучилось, сменившись тяжелыми думами, но оставаться в одиночестве этой ночью ему было невыносимо. Сон не шел, и Кирилл решил просто поговорить, чтобы хоть как–то разогнать тени в углах опочивальни.

– Гулистан, откуда ты родом? Как ты оказалась здесь? – спросил он.

– Я из племени Сурайи, мой повелитель. Меня прочили в служительницы Аштарет, и я уже примерила красные одежды жрицы. Но по дороге к храму меня увидел Шабурантурал – торговец, что поставляет красавиц знатным дворам. Он долго рассказывал мне, насколько участь наложницы вельможи завиднее судьбы храмовой девы, которой приходится делить ложе с любым, кто принесет дары богине. Так я оказалась здесь. Вот и вся моя история.

Девушка умолкла, а Кирилл разочарованно посмотрел на нее. Он подсознательно ждал длинной восточной саги с похищениями, злоключениями и чудесным спасением, а услышал короткий рассказ о циничном выборе меньшего из двух зол. Разговор явно не клеился.

Он задумался, глядя на Гулистан. Перед ним была типичная простушка – добрая, не слишком умная, но честная в своих незамысловатых желаниях. В его прошлом мире таких называли "своими в доску", и сейчас эта обыденность ее натуры была лучшим лекарством от мистического бреда последних часов.

– Расскажи мне, Гулистан, а что на самом деле происходит в гареме? – Кирилл решил использовать ее болтливость во благо.

– М–м–м... – девушка замялась, накручивая локон на палец. – Да все, вроде, хорошо. Мы живем припеваючи, о нас заботятся, кормят досыта. Мы дружим между собой... Но эта... – она помрачнела. – Когда она появилась, будто что–то темное поселилось в стенах гарема. Сначала вы уделяли ей больше внимания, но мы подумали: новенькая, это пройдет. Но потом случилось большое горе, и вас будто подменили. Вы больше никому не улыбались, звали только ее. Мы не сетовали...

Гулистан нарочито бодро взглянула на Кирилла, но он уловил фальшь в ее мимике. «Лгунья, – подумал он. – Поди, в ваше «не сетовали» входили ежедневные проклятия в мой адрес и детальное перемывание костей за каждой чашкой чая».

– Арзу думает, что Фируза – колдунья, – заговорщицки понизила голос Гулистан, глядя на Кирилла так, словно принимала его в круг доверенных лиц. – А Дэрья вообще считает, что она джинья или ифритка... Хотя какая разница, кто она, если мы все в опасности? Она живет с нами уже больше года, и то, что случилось вчера... – в глазах девушки вспыхнул восторг. – Знаете, евнухи шептались, что вы, мой повелитель, одержимы демоном!

Она вытаращила свои и без того круглые глазки, а затем с веселой улыбкой добавила:

– Но теперь я вижу, что все это вранье. Вы, о мой шах, живы, здоровы и в своем уме!

Она тут же прикусила язык, осознав, что ее язык только что улетел далеко за границы дозволенного этикета. Но Кириллу это было на руку. Пазл начинал складываться: Фируза "приручила" настоящего Аградата, превратив его в меланхоличную тень, а внезапное появление в этом теле энергичного и циничного петербургского инженера перепутало ей все карты.

Кирилл задумался: «Все становится интересным – царь, который «потерял голову», наложница, которая затретировала гарем, и загадочное «большое горе» – мне досталось интересное «наследство» от настоящего царя».

Они поговорили еще некоторое время о еде, музыке. Гулистан «по большому секрету» выдала некоторые секреты своих товарок по гарему и даже поделилась сплетнями о евнухах.

Некоторое время спустя Кирилла сморило, и он уснул чутким сном

****

Кирилл открыл глаза. В призрачном свете полной луны он увидел силуэт, напоминающий изваяние греческой богини. Она приближалась к ложу осторожно, по–кошачьи, едва касаясь пола – казалось, она не идет, а плывет по воздуху, подгоняемая ночным бризом. Гулистан исчезла. «Неужто ушла?» – мелькнуло в голове, но мысль тут же растворилась, вытесненная этим таинственным видением.

Луна золотила кожу незнакомки янтарными бликами, подчеркивая каждый изгиб ее тела: высокую грудь, тонкий стан и крутую линию бедер. Кирилла захлестнуло властное, почти первобытное желание – прикоснуться, обладать, раствориться в ней. Она манила и дразнила, замирая в нескольких шагах, словно испытывая его волю. После мгновения нерешительности она, качнув бедрами, опустилась на кровать, подобно потоку раскаленной лавы, вырвавшемуся из жерла пробужденного вулкана.

В мгновение ока она оказалась рядом. Лицо ее по–прежнему тонуло в тени, но страсть уже лишила Кирилла способности рассуждать. Тело в истоме жаждало познать ее плоть. Ее руки задвигались по его лицу, шее и плечам – эти касания обжигали и одновременно дарили неимоверное наслаждение. Подушечки ее пальцев выводили на его коже дивную мелодию страсти, заставляя кровь бешено стучать в венах.

Водрузившись над ним, она коснулась его тела языком, дразня горячим дыханием. Неуловимым движением «богиня» освободила упругую грудь из расшитого золотом топа. Кирилл с восхищением смотрел на эти совершенные формы, увенчанные темными ореолами напряженных сосков. Она прижалась к нему всем телом, извиваясь и терзая его чувства, в то время как ее язык оставлял на его животе мокрый огненный след.

Когда она спустилась ниже пупка, Кирилл почувствовал, что разум окончательно его покидает. Но в самый пик его изнеможения она резко отстранилась. Прильнув к нему и обжигая шепотом, она выдохнула прямо в губы:

– Позови меня! Позови... меня!..

Кирилл смотрел на нее, оглушенный и дезориентированный, не в силах вымолвить ни слова среди обломков своего самообладания.

– Но кто ты?! – выдохнул он.

– Ты зна–а–аешь – почти прошипела она, и ее глаза на миг вспыхнули потусторонним янтарным огнем.

– Фируз–з–за?! – Кирилл окончательно растерялся, чувствуя, как морок начинает давать трещину.

– Назови мое имя трижды, – приказала она, – и я подарю тебе наслаждение, неведомое смертным.

Ее глаза снова сверкнули, и теперь в лунном свете Кирилл разглядел в них не страсть, а холодный блеск хищника. Собрав остатки воли, он попытался отстранить ее, но «богиня» вцепилась в него с невероятной силой. С ужасом он увидел, как ее изящные руки и ноги удлиняются, теряя человеческую форму и покрываясь багровой чешуей. В мгновение ока она превратилась в клубок красных змей, которые стягивали его тело в живые, пульсирующие тиски.

– Скажи–и–и!.. – шипела она, усиливая хватку. Боль стала невыносимой, ребра затрещали под чешуйчатым гнетом, а воздух перестал поступать в легкие.

Кирилл дернулся в последнем отчаянном рывке и проснулся.

****

На террасу хлынул яркий солнечный свет, заливая покои тем особенным утренним теплом – ласковым, еще не успевшим превратиться в полуденный зной. Гулистан проснулась от резкого движения повелителя. Окинув комнату затуманенным дремой взглядом, она сладко зевнула, потянулась всем телом и перевела взор на Кирилла.

– Мой повелитель, на вас лица нет! – воскликнула она, мгновенно стряхнув остатки сна. – Неужели вам привиделось нечто дурное?

Делиться подробностями кошмара Кириллу совсем не хотелось. Слишком живым было ощущение чешуи на коже. Он неопределенно мотнул головой и коротким жестом велел девушке вернуться в гарем. Оставшись один, он тяжело поднялся и вышел на террасу.

Весна в древней Персии была в самом разгаре: воздух полнился ароматами цветения и свежестью, но на душе у Кирилла было не по–весеннему тревожно. Он смотрел на раскинувшиеся внизу сады, а в ушах все еще стояло яростное шипение.

– Так вот ты какая, Фируза... – негромко произнес он, и в его голосе прозвучала твердая решимость во всем разобраться.

Глава 6

В первой половине дня Кирилла навестил ученый старец. Абуххаддин–Ахкхмет, всем своим видом и спокойной размеренной речью располагал к себе, поэтому Кирилл, все еще терзаемый внутренними сомнениями, кому в этом дворце можно доверять, принял решение все же открыться старику.

– Скажи мне, о, мудрец, – осторожно начал он, – подвластно ли тебе искусство толкования снов?

– Я могу попытаться, повелитель, – ответил старик, почтительно склонив голову. – Хотя я не колдун, а лишь скромный исследователь языков и законов многих народов.

Кирилл вкратце поведал ему содержание ночного кошмара, опуская интимные подробности, но сохранив суть. Старец задумчиво погладил седую бороду, опасливо огляделся по сторонам и, понизив голос до шепота, произнес:

– Это дурной знак, повелитель. Похоже на происки демона.

– А если я скажу тебе, что эта женщина вполне реальна и живет в моем гареме? – пристально глядя на него, спросил Кирилл. – Что ты ответишь на это?

Глаза старца расширились от испуга.

– Тогда я смею предположить, что это ифритка... Но как она очутилась в вашем гареме? – голос Абуххаддина задрожал. – Судя по вашему описанию и этим янтарным глазам, это существо из самой преисподней, принявшее человеческий облик. Я никогда не встречал их воочию, но легенды гласят, что ифритки отличаются дьявольской хитростью и коварством. Они добиваются полной власти над мужчиной, высасывая его душу во время любовных утех. Они делают это до тех пор, пока от человека не останется лишь пустая оболочка. А затем... затем ифритка либо бросает несчастного, и он умирает от невыносимой любовной тоски, либо вселяет в его тело свой дух или дух другого демона.

Старец помолчал, а затем тихо спросил:

– О, мой повелитель, давно ли она в твоем гареме?

Кирилл не знал наверняка, но, вспомнив ночной разговор с Гулистан, ответил почти честно:

– Больше года...

Абуххаддин удивленно приподнял густые седые брови:

– Вы, как я вижу, в полном здравии. И, не сочтите за дерзость, в здравом уме. Значит, либо эта женщина – не ифритка, а, к примеру, сильная ведьма, либо... – он на мгновение замолк, погрузившись в раздумья, – либо вы обладаете невероятной волей, позволяющей противостоять ее чарам. – Сказав это, он задумчиво умолк, поглаживая седую бороду и смотря куда-то вверх.

Пока старик размышлял, Кирилл думал о «третьем либо». Он – новый хозяин в пустом доме. Ему досталось тело без души, лишь с тусклыми отголосками чужих воспоминаний. Именно поэтому он воспринимал этот мир так остро: еда, запахи, прикосновения – все, что для прежнего царя было привычной рутиной, для него стало открытием. Он был «неправильным», не учтенным элементом в слаженном механизме проклятия Фирузы.

Заметив на себе изучающий, почти подозрительный взгляд старца, Кирилл вовремя спохватился и отогнал лишние мысли.

– Да, да... – произнес он, возвращаясь к реальности. – С этим нужно разобраться. И сделать это быстро, пока моя душа все еще принадлежит мне.

На его губах застыла кривая, невеселая улыбка.

– Но почему она явилась мне во сне, а не пришла в мои покои наяву? – спросил Кирилл.

Ответ старца лишь подтвердил его догадку:

– Ифрит, как и любой демон, не может переступить порог жилища без приглашения. Чтобы он обрел власть над домом, хозяин должен позвать его трижды. Часто несчастные, впускающие демонов, уже настолько опутаны их чарами, что просто не могут сопротивляться. Видимо, о мой повелитель, она еще не входила в эти покои. Ваша душа встревожена, но она все еще свободна.

В глазах Абуххаддина промелькнула искра искренней радости.

«Значит, Фируза не ожидала такого поворота, – подумал Кирилл. – Доела – или почти доела – душу моего предшественника и уже праздновала победу, когда амулет сыграл с ней злую шутку и забросил сюда меня. Бедняжка, ей придется начинать все сначала... вплоть до соблазнения и проникновения в мою постель».

Эта мысль его одновременно и забавляла, и пугала. Забавляло то, что могущественное существо потерпело такое нелепое поражение, но пугала неизвестность. Кирилл еще не знал, на что способен этот демон, и уж точно не хотел проверять, что случится, если его душу поглотят. Воображение тут же нарисовало жуткую картинку: мученики, кипящие в котлах адского пламени.

«Нет, уж лучше здесь, среди райских садов и красавиц, – решил он. – Значит, проблему надо решать радикально».

– Но как мне одолеть этого демона? – спросил Кирилл. – Есть ли в моем государстве колдуны, способные бросить вызов такому злу?

– О повелитель, чародеи в наших землях найдутся, но в силах ли они справиться с ифритом – неведомо, – молвил старец. – Было время, когда могущественные джинны и злые ифриты правили этими просторами. Но однажды в землях, что лежат к западу отсюда, объявился великий волшебник. Одни легенды гласят, что он получил трон из рук отца, другие – будто он околдовал царя и заставил назвать себя преемником. Как бы то ни было, прославился он не короной, а великой мудростью и чернокнижием. Он ведал тайные заклятья, понимал язык зверей и птиц и беспрекословно повелевал джиннами.

Абуххаддин перевел дыхание и продолжил:

– Большую часть духов он покорил своей воле, а тех, кто не пожелал смириться, уничтожил. Его власть простиралась далеко: ведь там, где не могли достать руки правителя, дотягивалась его магия. С тех пор минуло много лет, ифритов и джиннов в мире почти не осталось. Знания были утеряны или сокрыты, и нынче редкий колдун владеет искусством управления этими грозными существами.

– Это красивая легенда, – задумчиво произнес Кирилл, припоминая смутные образы из книг своего мира о царе Соломоне и его власти над духами. – Но есть ли в ней зерно истины, которое поможет мне сегодня?

Старец Абуххаддин наклонился ближе, его голос стал едва слышным:

– Истина в том, мой повелитель, что легенды – это кости, на которых держится плоть истории. Говорят, тот царь запечатывал самых строптивых ифритов в медные сосуды, скрепляя их своей печатью. Если эта дева – одна из тех, кому удалось избежать заточения или кто восстал из пепла веков, то она знает цену тем знаниям. Она боится их. Именно поэтому она пытается завладеть вашим разумом: демон знает, что воля правителя – это единственная преграда, которую он не может сокрушить грубой силой.

Кирилл посмотрел на свои руки. Обычные руки, которые еще вчера держали смартфон или руль автомобиля. А теперь они должны были стать руками царя, способного противостоять древнему злу.

– Значит, мне нужно то, что заставит ее трепетать, – подытожил Кирилл, поднимая глаза на старика. – Если знания утеряны, значит, их нужно найти.

Старец немного помолчал, а затем добавил вкрадчиво:

– Я не могу утверждать наверняка, повелитель, но старые легенды гласят: если вонзить в тело ифрита обычную железную иглу, демон окажется во власти того, кто это сделал. Говорят, ифрит по какой–то причине не способен вытащить ее сам. Железо сковывает его магию, лишает силы и позволяет пленить бестию.

«Что ж, в моем доме поселилась редкая тварь, – подумал Кирилл, провожая взглядом уходящего мудреца. – И мне придется стать ее укротителем».

Кирилл не стал медлить. Он вызвал советника и велел без лишнего шума и суеты разыскать в городе всех мало–мальски ведающих колдунов и знахарей. А пока слуги советника рыскали по узким улочкам в поисках мастеров магии, Кирилл решил навестить Ясмин.

Ей отвели отдельные покои в дальнем, самом тихом крыле дворца, чтобы болезнь не перекинулась на остальных девушек. Шерин - верная подруга Ясмин, умоляла разрешить ей остаться подле больной, и Кирилл, тронутый такой преданностью, позволил ей это.

Зрелище было тяжелым. Ясмин, еще недавно сиявшая красотой, теперь лежала на расшитых подушках, измученная и слабая. Ее некогда нежная кожа была покрыта уродливыми струпьями, а из груди вырывались тихие, жалобные стоны. Кирилл смотрел на нее, и в груди закипала холодная ярость. Он понимал: никакие притирания и молитвы не помогут, пока Фируза продолжает плести свои сети. Древнее проклятие невидимой удавкой сжималось на шее его гарема, и только он – человек из другого мира – мог разрубить этот узел.

****

К вечеру того же дня ко дворцу начали стекаться колдуны и знахари всех мастей. Осознавая значимость этого момента, Кирилл, не теряя времени впустую, завершил текущие дела и незамедлительно направился на встречу с представителями магического сообщества Аншана. Настало время отделить шарлатанов от тех, кто действительно поможет ему обуздать ифритку.

В тронном зале Кирилла ждала пестрая толпа: мужчины и женщины самого разного возраста и достатка – от нищих в засаленных халатах до статных мужей в дорогих одеждах. Усевшись поудобнее на троне, Кирилл обвел взглядом притихшее собрание и заговорил:

– Я так понимаю, здесь сошлись все колдуны и маги Аншана. У меня к вам дело. В моем серале объявился ифрит.

Он выдержал паузу, наблюдая. У многих в глазах мелькнуло смятение, у кого–то – подозрение, а в ком–то поселился неприкрытый страх.

– Ифрит навел порчу на моих подданных, – продолжил он, решив не уточнять, что и сам находится под ударом. – Мне нужно снять его заклятие и уничтожить саму бестию. Есть ли среди вас те, кто способен на это? Моя оплата будет щедрой, а милость – великой.

«Эка я загнул! – подумал Кирилл, внутренне усмехнувшись. – Но, кажется, именно так на Востоке цари и изъясняются. По крайней мере, в сказках».

Толпа ответила нестройным ропотом. Колдуны принялись переговариваться между собой, бросая на царя опасливые взгляды. Наконец, один из них выступил вперед и почтительно склонился в глубоком поклоне.

– Мой повелитель, – начал он, – позволь мне говорить от имени всех здесь присутствующих. Магия управления ифритами и джиннами – знание древнее и запретное. В нашем городе нет ни одного мага, владеющего подобным искусством. Мы можем исцелять недуги, насылать порчу или заговаривать на удачу, но усмирение ифритов – удел лишь редких, великих мастеров.

Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово.

– Однако в семи днях пути отсюда, если мерить ход по верблюдам, стоит обсерватория. Там живет могущественный маг, способный исполнить твою волю. Его зовут Салем ибн Дауд. Когда–то я имел честь знать его. Если ты пошлешь самого быстрого гонца, он достигнет обсерватории за три дня. Десять дней пути – и, волею богов, Салем прибудет ко двору, и твоя проблема будет решена.

– Десять дней, – негромко повторил Кирилл, и в его голосе прозвучал холод. – Три дня гонцу на лучшем скакуне, семь дней Салему на дорогу сюда... – Слишком долгий срок для того, кто чувствует на своей шее змеиную хватку.

Он обвел взглядом притихших магов.

– А теперь ответьте мне: является ли правдой утверждение, что, если воткнуть в ифрита иглу, он потеряет свою магическую силу и лишится власти над жертвой?

Толпа магов при этих словах замерла. Те, кто стоял в первых рядах, невольно переглянулись, и в зале стало так тихо, что было слышно, как жужжит муха под сводами. Наконец, тот же колдун, что предлагал послать за Салемом, снова заговорил, но на этот раз его голос звучал глухо, почти как из колодца:

– Народная молва говорит именно так, мой повелитель. Ифрит – существо из огня и тени, но, когда он принимает плоть, чтобы войти в наш мир, он становится уязвим для холодного железа. Игла, пронзившая его тело, действует как якорь: она приковывает его к человеческому облику и не дает творить чары. Демон не может вытащить ее сам, ибо железо жжет его сущность... Но поскольку встречи с ифритами и джиннами нынче редки, проверить это знание можно лишь одним способом – осуществив задуманное и вонзив иглу в тело врага.

Маг на мгновение запнулся и посмотрел Кириллу прямо в глаза:

– Но помните, господин: чтобы вонзить иглу, нужно подойти к ифриту вплотную. А демоны чуют страх. Если ваша рука дрогнет, или если вы не попадете в цель с первого раза – второго шанса ифрит вам не даст. Он развеет не только тело, но и саму память о вас.

Маг, говоривший от имени всех колдунов, снова склонился в поклоне и умолк. Этот ответ раздосадовал Кирилла. Весь этот разговор об иглах слишком напоминал ему современные легенды об осиновом коле для вампира – то ли правда, то ли «бабушкины сказки». Но проблема никуда не делась, а игнорировать ее и дальше было невозможно: одно воспоминание о ночной гостье заставляло кожу покрываться мурашками.

****

Распустив пеструю толпу магов, Кирилл оставил лишь того смельчака, что предложил помощь. И пока колдун вместе с писцом уселись составлять послание могущественному Салему ибн Дауду, Кирилл, собрав волю в кулак, решил самолично нанести визит в гарем. Он понимал: ждать десять дней, запершись в покоях, он не сможет.

Время неумолимо близилось к вечеру, а Кирилл все медлил. Его разум был полон холодной решимости, но тело предательски пасовало: по спине то и дело пробегала мелкая дрожь, которую никак не удавалось унять.

Заполучив заветную иглу и спрятав ее в складках рукава, Кирилл мерил шагами покои, собираясь с духом. Он пытался убедить себя, что ифритка, при всем ее могуществе, не может читать его мысли. «Она не знает о моих намерениях... или все же знает?» – именно этот вопрос и заставлял его сердце биться чаще.

Наконец, решив, что отступать некуда – впереди была ночь с ее кошмарами – Кирилл перешагнул порог. Он дошел до узорных кованных ворот, отделявших его личный сад от основного сераля, и замер. Жизнь в гареме разительно изменилась с тех пор, как Фируза начала открытую войну против остальных девушек. Теперь наложницы жались друг к другу испуганной стайкой, боясь даже смотреть в сторону своей мучительницы. Фируза властвовала здесь безраздельно, ведя себя так, будто уже стала первой и единственной женой шаха, а весь дворец принадлежал ей одной по праву силы.

Лунный свет заливал сад мягким серебром, рождая причудливые тени и окутывая все вокруг фантастической таинственностью. Где–то на аллее сонно вскрикнул павлин, монотонно журчал фонтан, низвергая в чашу хрустальные струи...

От сада веяло обманчивой безмятежностью.

Кирилл огляделся – дорожки были пусты, девушки уже разошлись по своим покоям. Стараясь не шуметь, он шагнул за ворота. На всякий случай он взял с собой двоих евнухов–охранников, вкратце объяснив им суть миссии.

«Главное – не выдать себя мыслью, – твердил он себе, – вдруг она их читает? Я просто пришел в гарем. Просто... К ней...»

Через мгновение он оказался перед ее дверью, но не успел он знаком велеть охране затаиться у входа, как створки распахнулись, и навстречу ему выскользнула пленительная Фируза. Тело Кирилла мгновенно обмякло. Он почувствовал, как неведомая сила сковывает мышцы, лишая возможности сопротивляться.

Невероятно красивая, с кошачьей грацией она прильнула к Кириллу, обдав его ароматом мускуса, амбры и едва уловимыми нотками роз.

– Мой повелитель, ты пришел ко мне... – пропела она сладким голосом, увлекая его вглубь покоев.

Кирилл проклинал свою предательскую слабость, но с покорностью теленка, идущего на заклание, шагнул вслед за ней. Она обернулась, и в ее глазах вспыхнул опасный огонек:

– Ты пришел, чтобы наказать меня? Я чувствую твое желание причинить мне боль... Что ж, я готова исполнить любую твою прихоть, – прошептала она, медленно развязывая пояс на его халате.

Она взглянула на Кирилла. Он стоял неподвижно, с отсутствующим взглядом, но внутри него кипела яростная битва. Боролись двое: один знал о гибельных последствиях и жаждал спасения, другой – подобно наркоману, уже вкусившему сладость запретного плода, – не в силах был отказаться от наслаждений, обещавших триумф через полное поражение.

Фируза распахнула полы его халата и принялась ласкать грудь сквозь тонкий шелк рубахи. Ее ладони двигались ритмично: она то мягко давила на кожу подушечками пальцев, то едва ощутимо царапала ее острыми коготками, чутко улавливая каждое изменение в его дыхании. Эти касания, усиленные холодком шелка, будили в теле волны новых, неведомых доселе ощущений.

Прильнув щекой к его груди, она добавила к ласкам свое дыхание. Кирилл вдруг осознал, что она не просто дышит – она легонько дует на него, и в тех местах, где ее губы касались кожи, рождался будоражащий жар. Тело Кирилла покрылось мурашками, разум предательски туманился, мешая сосредоточиться на единственной цели – усмирении бестии.

– Накажи меня! – прошептала она, и, плавно скользнув вниз, припала к его стопам.

Кирилл опустил взгляд вслед за Фирузой. Подняв полы его длинной рубахи, она принялась ласкать его икры, медленно продвигаясь выше. К нежности рук добавились губы: она то дразнила кожу языком, то слегка прикусывала ее, чутко улавливая каждое изменение в его участившемся дыхании. Кирилл и представить не мог, что подобные касания способны приносить такое острое, почти болезненное наслаждение. Фируза обладала талантом истинной соблазнительницы, безошибочно реагируя на малейшее напряжение и дрожь его мышц.

Когда ее руки скользнули к бедрам, Кирилл осознал: еще мгновение – и он, вслед за своим предшественником, окончательно станет жертвой ифритки. Пытаясь спастись от этого наваждения, он сделал резкий шаг назад, но наткнулся на препятствие. Не удержав равновесия, он повалился на ее ложе.

Фируза словно ждала этого. С кошачьей ловкостью она приземлилась сверху, намертво сковав его бедра своими пленительными ногами. Наклонившись, она обдала его густым ароматом амбры и роз. Ее тяжелая грудь прижалась к нему, а пальцы зарылись в растрепанные волосы, вычерчивая на коже головы причудливые круги. Горячее дыхание обжигало щеки, слепило глаза и щекотало ноздри. Кирилл плыл по волнам захлестнувшей его страсти, отчаянно пытаясь удержать разум на поверхности и не пойти ко дну, влекомый первобытным желанием.

Фируза одной рукой ласкала его ухо, то нежно разминая мочку, то едва касаясь хрящиков, то дразня чувствительную ямку за ушной раковиной. Приятная истома разливалась по телу Кирилла, пока вторая рука бестии не скользнула по его шее. Миновав кадык, ее пальцы внезапно сомкнулись на его горле.

От резкого осознания близости конца Кирилл рванулся, пытаясь сбросить ее, но Фируза лишь плотнее прильнула к нему всем телом. Не выпуская его горла, она прошипела в самое ухо:

– Кто–то должен быть наказан: или ты, или я!

Она отстранилась, и Кирилл утонул в ее взгляде – из глаз Фирузы лился густой золотой свет, окончательно парализующий волю.

На грани потери чувств он вдруг ощутил, что хватка ослабла. Бестия отвлеклась. Резко вскочив с ложа, она бросилась к дверям, где замерли двое его охранников. В лунном свете ее бронзовое тело казалось отлитым из металла; она застыла перед ними в позе разъяренной пантеры, готовой к прыжку.

– Пошли прочь! – прошипела она.

Этого мига Кириллу хватило. Собрав остатки воли в кулак, он дрожащими пальцами нащупал в рукаве иглу. Резкий рывок – и металлическое острие легко, будто в мягкое масло, вошло в пышный бок Фирузы. Она охнула от неожиданности и обернулась, но золотой блеск в ее глазах мгновенно погас.

Наваждение спало. Воздух в комнате перестал быть густым, а тело Кирилла снова принадлежало только ему.

– За что? – услышал он жалобный всхлип Фирузы. Она смотрела на него с такой бесконечной печалью, что Кирилл на миг засомневался в своей правоте. – Ты наказываешь меня, повелитель?

Ее золотые глаза затуманились, казалось, еще мгновение – и из них брызнут слезы, такие же золотые, как и ее взгляд.

– Отпусти меня! – взмолилась она, протягивая к нему руки. – Я дам тебе все: богатство, славу, весь мир падет к твоим ногам... Только вынь иглу!

– Сначала сними заклятие с меня и с девушек в гареме, – твердо приказал Кирилл, воодушевленный ее внезапной покорностью.

– Вынь иглу, – пропела она елейным голосом, – иначе я не смогу колдовать.

На ее лице промелькнула тень лукавства, которую она тут же попыталась скрыть, смиренно опустив взор. Но Кирилл уже все понял.

– Нет, – отрезал он. – Второго шанса пленить тебя у меня не будет. И что помешает тебе нарушить обещание, как только ты обретешь силу?

В тот же миг покорность на лице Фирузы сменилась яростью. Перед Кириллом предстало ее истинное демоническое естество – гордое, опасное и невыносимо прекрасное.

– Что ж, повелитель! – выплюнула она слова, полные яда. – Живи один, без нежности и тепла сладостных гурий. Коротай свои ночи в бесплодных мечтах о страсти, которую ты больше никогда не испытаешь. Страдай от пустоты в душе и холода на ложе! Пока я твоя пленница – быть тебе одиноким. И не надейся, что моя смерть разрушит проклятие... нет!

Ее глаза полыхнули дьявольским огнем, и она застыла непокорной живой статуей.

«Плененная, но не побежденная», – подумал Кирилл, запахивая полы халата. Ему было не по себе, но он знал: слабость сейчас – это гибель.

– Отведите ее в темницу, – скомандовал он пришедшим в себя охранникам. – Никому в темницу не входить и не прикасаться к ней. Еду подавать только через дверь. Уведите!

Кирилл вышел из покоев. Ночной воздух сада показался ему непривычно холодным. Теперь все зависело от того, успеет ли Салем ибн Дауд добраться до дворца вовремя.

Вернувшись в свои покои после изнурительного дня, Кирилл рухнул на кровать и впервые забылся глубоким сном – без вязких видений и шепота за спиной.

Глава 7

Потянулись дни, серые в своей обыденности. По утрам Кирилл прилежно примерял на себя роль ученика: старательно выводил причудливые закорючки древней письменности, пытаясь подчинить себе языки соседних держав. После полудня наступало время властвовать. В тронном зале он выслушивал доклады советника, вершил суд над подданными и обсуждал дела земные: строительство новых храмов или рытье оросительных каналов с влиятельными мужами Аншана. Жизнь входила в привычное русло, постепенно теряя ту острую яркость, которая ошеломила его в первые дни.

В один из дней к Кириллу явился советник и сообщил, что прибыл посланец с письмом от мидийского воеводы Гарпага, который, помимо прочего, занимал высокий пост в Мидийском государстве. Кирилл решил принять посланника немедленно, отложив на время все остальные проблемы.

Имя Гарпага было знакомо Кириллу еще по школьным учебникам истории, хотя он никогда особо ею не увлекался. Однако он понимал: то, что написано в книгах будущего, не обязательно должно в точности повториться в его новой жизни. Ему предстояло выстроить собственную тактику в отношении Мидии и ее правителя – жестокого деспота Астиага. Тот приходился Аградату родным дедом, но мать, Мандана, предпочитала не общаться с родителем. Почему?! Тело Аградата упорно хранило эту тайну, не открывая Кириллу завесу прошлого, как бы он ни пытался «вспомнить».

Вздохнув, Кирилл сломал печать на свитке. Он ожидал увидеть сухие государственные дела, ведь его маленькое государство находилось в подчинении у Мидии, но содержание письма его смутило:

«Вечного солнца над твоей головой, о правитель северного Элама, Аншана и Парсы, предводитель свободных народов! Дошла до меня весть, что сердце твое устремилось к мудрости и ты ищешь по всем землям людей знающих. Я не назову себя великим мудрецом, но владею искусством военной стратегии и управления. Если эти знания будут тебе полезны, я готов прибыть к твоему двору и поделиться ими».

«Знаниями, значит... Ну что ж, пускай делится, – усмехнулся про себя Кирилл. – Дело ведь не только в Мидии. И даже не столько в ней».

Мысль о том, чтобы стать великим правителем огромной империи, начинала ему искренне нравиться. Это был вызов куда серьезнее, чем просто выживание, поэтому Кирилл продиктовал ответ, скрепил его своей печатью и отправил гонца обратно. Колесо истории медленно, но верно раскручивало свой моховик

****

Кирилл порой заглядывал в гарем, но проклятие, нависшее над ним невидимой стеной, лишало эти визиты всякого смысла. Казалось, Фируза не просто наложила запрет на плотские утехи – она выжгла в нем самом тот азарт, ту жажду обладания, что движет мужчинами. Но была ли это магия ифритки? Или Кирилл сам, ведомый страхом навредить ни в чем не повинным девушкам, воздвиг вокруг себя и своего сердца ледяной панцирь, превратившись в бесстрастную тень былого правителя?

Ведомый странной, щемящей грустью, Кирилл все чаще искал уединения, блуждая в тени раскидистых пальм и величавых кипарисов. К этому времени весна уже окончательно вступила в свои владения: сад благоухал тяжелым ароматом роз и жасмина, в прогретом воздухе носились бабочки, а из густой травы доносился азартный стрекот цикад. Кирилл что–то искал. Он и сам не мог бы объяснить, что именно, но, бродя по аллеям, он с надеждой заглядывал за кусты, ожидая, что за ними откроется некая тайна, так настойчиво манящая его в глубь сада.

...А Аградат, сын Камбиза из династии Ахеменидов, хранил упорное молчание, не давая Кириллу ни единой подсказки.

В один из дней, покончив с государственными делами, Кирилл вновь отправился в путь по садовым лабиринтам. Он размышлял о своем будущем: застрял ли он здесь лишь на время или ему суждено прожить долгую, полную триумфов и падений жизнь Кира Великого? И кто будет вершить историю вместо него, если он внезапно вернется в свой мир? Погруженный в эти мысли, он неожиданно для себя вышел на обширную поляну, где в величественном безмолвии стояли, храня свои вековые тайны, царские усыпальницы.

Кирилл подошел к первому мавзолею. На потемневшем камне была высечена надпись: *«Здесь покоятся Камбиз, правитель Аншана из рода Ахеменидов, и его супруга царевна Мандана, дочь царя Мидии Иштувегу»*. Глядя на имена «родителей», Кирилл почувствовал тоску по своим близким, оставшимся в далеком будущем. Увидит ли он их когда-нибудь?

Ответа у него не было...

Второй мавзолей был меньше и скромнее, но его стены украшали изразцы, покрытые небесно-голубой глазурью. Кирилл подошел ближе, и прочитанная надпись заставила его сердце забиться быстрее. Буря чужих, но ставших вдруг невыносимо близкими эмоций захлестнула его.

«Здесь покоится Амитис Шахбану, царица Аншана и любимая супруга Аградата из рода Ахеменидов».

Волна воспоминаний накрыла его с головой. Он видел Аградата с молодой царицей: их прогулки по этим самым аллеям, страстные ночи, блеск украшений, которые так подчеркивали ее изящество. Он чувствовал тонкий аромат масел, исходивший от ее кожи, помнил ее нежность... Они были ослепительно счастливы в своей юной, пылкой любви.

Кто мог знать, что год назад в их жизнь ворвется ненастье? Перед внутренним взором Кирилла–Аградата, как кадры кинохроники, проносились события прошлого. Вот Лакушта, ювелир, поставлявший драгоценности знатным дворам, входит во дворец. За ним следует тихая, покорная служанка – Фируза. Счастливый взгляд Амитис, примеряющей новое колье... ее задорный смех... И вкрадчивое предложение Фирузы: создать для повелителя и его супруги венцы невероятной красоты.

Дальше все как в тумане... Болезнь супруги, тихое заселение Фирузы в гарем... Медленное печальное угасание Амитис, в то время, когда тело Аградата уже агонизировало в демонических объятьях ифритки...

От этой невыносимой правды у Кирилла подкосились ноги, и он тяжело осел на ступени мавзолея.

Он не знал, сколько времени провел в этом тягучем полузабытьи, когда вдруг почувствовал, что рядом кто–то присел. Это была Гуль. Она молча смотрела в глаза повелителя, и в ее взгляде не было страха – лишь тихая сопричастность. Кирилл провел рукой по лицу и вздрогнул: пальцы были мокрыми от слез. Одолеваемый стыдом и горечью, он резко отвернулся.

– Зачем ты здесь? – раздосадовано, почти грубо спросил он.

– Прости меня, мой повелитель, – кротко ответила она. – Я прихожу сюда каждый день в этот час. Я пою для Амитис Шахбану, ведь она так любила мои песни и просила, чтобы они звучали здесь даже после ее ухода. Если ты против – я тотчас удалюсь.

– Нет, останься, – выдохнул Кирилл, чувствуя, как морок прошлого начинает отступать.

Гуль коснулась струн лютни, и над тишиной усыпальниц поплыл грустный мотив – такой светлый и чистый, что сердце Кирилла начало оттаивать. Она пела, а он молча слушал, позволяя музыке смыть остатки демонического жара из его души.

С тех пор он стал приходить туда чтобы послушать грустную музыку и прекрасное пение Гуль...

****

Меж тем прибыл гонец с долгожданным ответом от Салема ибн Дауда. Волшебник обещал откликнуться на зов и в ближайшее время покончить с ифритом.

«Вопрос нескольких дней, – с суровой решимостью подумал Кирилл. – И ифритка будет наказана».

За делами эти несколько дней пролетели тихо и незаметно...

В один из дней, пока Кирилл выслушивал прошения горожан, к нему склонился советник. Понизив голос, он сообщил: стража доложила о прибытии волшебника. Кирилл немедленно объявил, что аудиенция окончена, и велел впустить гостя.

Когда зал опустел, в него вошла фигура, укутанная в черный, припорошенный дорожной пылью плащ. Капюшон был низко надвинут на лицо, скрывая черты.

«Как стража пропустила его в таком виде? – промелькнуло в голове у Кирилла. – Ведь под этими складками можно спрятать целый арсенал...»

Он не успел закончить мысль. Легким, почти невесомым движением гость откинул капюшон, и перед Кириллом предстала молодая женщина.

Кирилл замер. Около минуты он молча изучал посетительницу, пытаясь осознать абсурдность ситуации. Он ждал убеленного сединами мудреца из сказок, а перед ним стояла девушка, на вид слишком юная, чтобы обладать знаниями великого магистра. Этот факт не на шутку настораживал: а не пожаловала ли во дворец «сестрица» Фирузы, чтобы вызволить пленницу?

Разглядеть фигуру под бесформенным дорожным плащом было невозможно, поэтому Кирилл сосредоточился на лице – вернее, на том, что не было скрыто шелком. Голову девушки венчал высокий убор – палти, прикрывавший половину лба. Его переднюю часть украшала лента, расшитая геометрическим орнаментом. Под головной убор на лоб была завязана ленточка с серебряными монетами, а по обеим сторонам лица через виски укреплены серебряные шарики «*шах*».

Поверх шапочки красовалось то самое покрывало, что скрывало большую часть лица. Оно держалось на серебряных булавках, соединенных цепочками, и от каждой из них вниз спускались изящные полумесяцы. На концах этих подвесок дрожали бусины, формой и цветом напоминавшие капли гранатового сока.

Из–под этого серебряного великолепия на Кирилла смотрели огромные глаза цвета весенней листвы, оттененные густыми черными ресницами и резким разлетом бровей. Кожа ее была удивительно бледной, почти прозрачной – казалось, она годами не видела жаркого солнца Персии.

– Кто ты и зачем пожаловала в мои дворец? – прямо спросил Кирилл.

– Я Касандана, дочь Фарнасписа. Я прибыла на твой зов, чтобы помочь в борьбе с ифритом, – спокойно ответила гостья. – Ты ждал Салема ибн Дауда, но он стар и немощен; время беспощадно ко всем, и дальние странствия ему более не под силу. – В ее зеленых глазах на миг промелькнула грусть. – Однако я обучена всем его премудростям и справлюсь с любым порождением тьмы не хуже учителя.

При этих словах она гордо приподняла голову, и серебряные монеты на ее уборе отозвались чистым, одобрительным звоном. Кирилл колебался, раздумывая, стоит ли подпускать ее к пленнице или сначала следует испытать верность гостьи. Словно читая его мысли, девушка продолжила:

– Сегодня я пришла лишь поприветствовать тебя, повелитель Аншана. Дорога была долгой и утомительной. С твоего позволения я откланяюсь: мне нужен отдых в моем шатре, что

слуги разбили на окраине города. Завтра на рассвете я явлюсь во дворец, и ты объявишь свою волю – позволишь ли мне изгнать ифрита или, усомнившись, отошлешь назад.

Ее открытость и достоинство подкупали. Кирилл, все еще не избавившийся от подозрений, невольно почувствовал к ней робкое доверие.

– Разумеется, – ответил он и, спохватившись, добавил: – Но ты могла бы разбить шатер прямо здесь, в дворцовых садах, чтобы не добираться ко мне через весь город.

Касандана улыбнулась – в уголках ее глаз заискрились едва заметные лучики, сделав ее образ живым и теплым.

– Я благодарю тебя за гостеприимство, повелитель, но я привыкла к тишине. Шум и суета столицы тяготят меня. Мой шатер стоит в тени старого сада на северной окраине – там поляны не тронуты, а воздух прозрачен и чист.

Касандана учтиво поклонилась и, получив разрешающий жест, бесшумно удалилась.

****

Кирилл погрузился в раздумья. Все в этом мире – власть, магия, сама жизнь – казалось зыбким и переменчивым. За короткое время своего пребывания здесь он так и не обзавелся надежными союзниками. Искреннюю симпатию он чувствовал лишь к учителю, старцу Абухаддину, чья прямота и мудрость стали для него единственным якорем.

С советником же все обстояло иначе. Кирилл ловил на себе его хитрые, недоуменные взгляды. Старый сановник явно не понимал, куда делся прежний апатичный Аградат, и почему «обновленный» царь с таким рвением вгрызается в государственные дела. Это обоюдное недоверие росло лавинообразно. Кирилл понимал: быть мудрым советником при слабом царе – благодать, но быть посредственным чиновником при царе умном – приговор. Запах заговора уже витал в воздухе.

Кирилл решил действовать на опережение. Ему нужна была личная гвардия, отряд, подчиняющийся только его слову и охраняющий его покой день и ночь. Ленивая и расслабленная стража дворца не годилась для этих целей. «Я назову их – Бессмертная тысяча», – решил он. Пока этого будет достаточно, а с ростом империи вырастет и число верных клинков. Настало время сменить тех, кто привык спать на посту, на лучших бойцов Аншана. И эти бойцы довольно быстро нашлись. Он подумал о лесных дозорах и охотничьих десятках, что стерегли дороги на подходах к Аншану от разбойников и тропы от кочевников. Эти люди не учились стоять неподвижно у дверей – они учились бесшумно двигаться по камню и замечать врага задолго до того, как тот покажется на перевале. Пусть стражники остаются при своих постах; Кирилл хотел дополнить их теми, кто видит опасность раньше, чем она выйдет из ущелья.

Он дал указание советнику на время пока в дворце гостит волшебница – усилить охрану за счет лесных дозоров. В этом не было ничего подозрительного, поэтому такой приказ не был воспринят как нечто, выходящее за рамки традиционного.

Отдав нужные распоряжения по усилению охраны, Кирилл продолжил взвешивать все «за» и «против». Довериться незнакомке или прогнать ее? Касандана была немногословна и не стремилась поразить его бравадой, но, с другой стороны, истинная сила часто не нуждается в самовосхвалении. Сомнения терзали его: пришла она помочь ему или своей «сестре» по магии?

В конце концов, Кирилл решил, что бездействие опаснее риска. Отказаться от услуг Касанданы означало остаться один на один с запертым демоном, ждущим оплошности стражи, и медленно угасающей Ясмин. Поэтому он строго–настрого велев воинам убить гостью при малейшем намеке на предательство. Сам же, на всякий случай, воткнул в рукав вторую иглу. Мало ли, чем черт не шутит?

Вечер прошел в томительных приготовлениях. Утром следующего дня Кирилл был готов к любому повороту. Касандана явилась на рассвете, когда он только проснулся и, повинуясь зову желудка, собирался позавтракать. Узнав о ее прибытии, Кирилл велел пригласить гостью к столу – совместная трапеза была лучшим способом присмотреться к человеку.

Он уселся на жесткое ложе перед низким столиком, на котором дымились пряные яства и благоухали сладости. Когда Касандана вошла, он молча указал ей на подушку напротив себя.

Поприветствовав его, девушка почтительно присела на край подушки. Сегодня она была без плаща, но лицо ее все так же скрывало тонкое покрывало. Кирилл с интересом разглядывал гостью, медленно попивая виноградный сок. На Касандане был красный шерстяной халат, безупречно сидевший на ее тонкой фигуре. Из–под его пол выглядывала кипенно–белая рубаха,

подол которой украшали вышитые красные ирисы. По бортам самого халата, в контраст рубахе, красовались такие же цветы, но уже белого цвета.

Шею девушки охватывало плотное серебряное колье из резных столбиков, с которых свисали гранатовые капли–бусины. Запястье левой руки украшал массивный браслет из столбиков, испещренный загадочными письменами. На большом пальце левой руки поблескивал перстень, соединенный цепочкой с браслетом, а на правой – кольцо с глубоким синим сапфиром, которое казалось чужеродным в этом тщательно подобранном ансамбле.

– Хорошо ли вы разместились, Касандана? – решил начать светскую беседу Кирилл, стараясь скрыть волнение.

– Да, владыка. После пыльных ущелий и изнуряющих пустынь сад у города показался мне райским уголком. Я давно не спала так сладко, – ее слова звучали искренне и тепло.

Она легким движением отстегнула покрывало, и перед Кириллом предстал ее истинный облик. Его обдало жаром узнавания: это был тот самый тонкий профиль из его снов. Кирилл мог бы поклясться – перед ним сидела ОНА. Живая, воплощенная мечта, чье лицо преследовало его в зыбких видениях задолго до этой встречи.

Кирилл завороженно наблюдал за гостьей. Касандана, словно не замечая его оцепенения, грациозным жестом откинула тяжелые косы за спину. Только сейчас он заметил, насколько они длинны: до этого они величаво покоились на ее плечах, а теперь черными змеями скользнули по спине ниже пояса.

Она указала служанке на плоды граната. Та ловко вскрыла плод, рассыпав рубиновые зерна на серебряное блюдо. Касандана осторожно взяла дольку и пригубила сок, зажмурившись и забавно сморщив носик от наслаждения. Почувствовав на себе пристальный взгляд Кирилла, она мгновенно отстранилась, вновь принимая холодный и величественный вид важной особы.

Кирилл пожалел, что смутил ее, и, чтобы сгладить неловкость, мягко спросил: – Вы пробуете этот плод впервые?

– Нет, что вы, – Касандана слегка зарделась. – Просто я их невероятно люблю, но пробовать доводится нечасто. – Она улыбнулась ему открытой, почти детской улыбкой.

– Отчего же так? – удивился Кирилл.

– Так случилось, что после моего рождения кормилица была вынуждена бежать со мной на руках из родного дома... – Она на мгновение прикусила губу, но все же продолжила: – Мы долго скитались, пока не нашли приют в доме Салема ибн Дауда. Старец нарушил свой обет отшельничества, чтобы спасти нас от голода и смерти. Так мы и остались у него. Поскольку преемников у него не было, он посчитал мое появление провидением и взялся за мое обучение.

Она замолчала, опустив глаза к расшитому подолу рубахи. – Много воды утекло с тех пор. Умерла моя верная кормилица, а я так и живу в тех пустынных местах. Там нет изысканных яств – вкусности на нашем столе появлялись лишь тогда, когда в дом забредали странники или рядом останавливался караван.

– Если пожелаешь, в твой шатер трижды в день будут приносить лучшие фрукты и сладости Аншана, пока ты гостишь здесь, – пообещал Кирилл.

Девушка трогательно поблагодарила его, и ее глаза засияли искренней радостью. Они разговорились. Касандана рассказывала о курьезах своего детства в пустынной обители Салема, а Кирилл одобрительно кивал и смеялся над ее шутками. За этой легкой беседой они и не заметили, как пролетело время.

Однако реальность вскоре напомнила о себе. Осознав, что они слишком долго предаются праздному безделью, Касандана встрепенулась. Ее взгляд снова стал сосредоточенным и серьезным, когда она спросила Кирилла о его окончательном решении.

Кирилл кивнул. Пришло время действовать. Он мгновенно подобрался, вспомнив о томящейся в подземелье Фирузе и о тех сомнениях, что терзали его накануне вечером. Оча-

рование Касанданы было велико, но он не забывал: в рукаве у него все еще припрятана вторая игла.

«Делу – время», – подумал Кирилл, поднимаясь с ложа. Он подал знак страже и жестом пригласил гостью следовать за ним к темнице ифрита.

Они двигались по гулкому полутемному коридору. Тусклый свет чадящих светильников скрадывал пространство, давая волю фантазии, ожидающей подвоха. Из темноты ниш то и дело всплывали и тут же исчезали свирепые силуэты воинов. Они стояли, словно немые големы в кожаных доспехах, сжимая щиты и копья, и провожали процессию тяжелыми взглядами. Впереди шли двое бойцов, за ними – Кирилл с хрупкой Касанданой, а замыкали шествие еще четверо воинов. Все – рослые, крепкие, они двигались на удивление легко и бесшумно.

Кирилл, глядя на эту безупречную организацию, подумал, что ему стоит поощрить начальника дозора. Тот подошел к делу ответственно, а такие люди – исполнительные и добросовестные – необходимы правителю, чтобы чувствовать себя в безопасности. «Один в поле не воин», – в очередной раз подтвердил он старую истину.

Когда они начали спускаться по крутой лестнице, Касандана ойкнула – ее нога соскользнула со сколотого края ступеньки. Кирилл вовремя подхватил ее под локоть, не дав упасть. При этом он ощутил, какая она легкая и его посетила мысль о том, как такая хрупкая маленькая девушка сможет справиться с могущественным демоном.

Мозг сделал предательское «сальто», нарисовав в сознание сценку из игры «мортал комбат», где обе девушки выступают в роли бойцов. Они долго обмениваются файерволами, кричат «ки–а–а», и машут забавными ручками и ножками... от этой фантазии Кириллу стало смешно.

Неизвестно, чем бы закончился этот воображаемый поединок в сознании Кирилла, если бы в этот миг они не уперлись в массивную железную дверь. За ней, затаившись в ожидании своей участи, притаилась злобная ифритка.

Охранник услужливо откинул створку смотрового окошка, и Касандана прильнула к нему. Внутри, в кромешной темноте темницы, слышались шорохи и возня. Кирилл уже хотел предложить посветить внутрь лампой, но девушка отстранилась и тихо произнесла:

– Я чувствую ее. Это Алирам, дочь Шаммурамат.

Заметив озадаченное лицо Кирилла, она пояснила:

– Это имя, данное ей при рождении. Для нас, колдунов, ифриты всегда открываются своими настоящими именами, как бы они ни называли себя среди людей.

Она на мгновение замолчала, прислушиваясь к звукам за дверью, а затем добавила с тревогой в голосе:

– Я чувствую ее мощь. Несмотря на железную иглу, сковывающую ее волю, она почти преодолела ограничение. Еще пара дней – и эта железная дверь превратилась бы в прах. Она вышла бы к твоей охране, царь, и первый же воин стал бы ее спасителем, вытащив иглу из ее бока в обмен на фальшивое блаженство. Но я успела вовремя.

Касандана едва заметно улыбнулась и сделала плавное движение ладонью: сначала собрала пальцы в изящный бутон, описала ими полукруг и резко раскрыла руку. На ее ладони, словно из ниоткуда, появилась маленькая тонкая кисть и пузырек с белой жидкостью.

Касандана виновато взглянула на Кирилла:

– Правильнее было бы носить все необходимое с собой, а не тратить магические силы на пустяки, но я терпеть не могу сумки.

Обмакнув кисть в пузырек, и что–то бормоча под нос, она провела первую линию прямо по железной двери. От неожиданности Кирилл сделал шаг назад, но поняв, что девушка занялась «колдовством» над дверьми, не грозящее ему ничем, тут же жестом остановил охрану, готовую броситься на колдунью.

Она сосредоточенно рисовала на железе пентакль, сопровождая каждое движение вкрадчивым заклинанием. Белые линии вышли за границы двери и замерли на каменной кладке стены, прочно «пришивая» выход к реальности. Дорисовав последние символы, Касандана удовлетворенно отстранилась.

– Пока оставим так, – заключила она.

В ту же секунду из–за двери донесся протяжный, тяжелый стон, от которого у стражников поползли мурашки по коже. Казалось, Алирам–Фируза почувствовала, как магическая сеть затянулась туже.

– С ифриткой на этом пока закончим, – продолжила Касандана. – Теперь я готова заняться снятием заклятия.

Она осеклась, заметив на себе внимательные взгляды охранников. Девушка явно почувствовала желание Кирилла не афишировать интимные подробности проклятия при посторонних. Впрочем, Кирилл понимал: слухами земля полнится. Заточение «Золотой зари» гарема и так стало главной сплетней всех рынков Аншана, а наложницы наверняка уже раскрасили эту историю самыми невероятными деталями.

Касандана предложила навестить Ясмин. Кирилл с готовностью согласился: сырость и давящая тьма подземелья начали его тяготить, навевая самые мрачные мысли.

Они поднялись наверх и, миновав цветущий сад, направились в дальнее крыло дворца. Осмотрев больную, Касандана озабоченно покачала головой:

– Это заклятие «жизненных соков». Болезнь ушла глубоко внутрь. Чтобы вытянуть ее, мне потребуется несколько дней.

Убедившись, что охрана осталась достаточно далеко и не слышит разговора, она добавила тише:

– Мне нужно вернуться в шатер, чтобы приготовить снадобье для нее... и для тебя, царь. И для всего гарема.

Потом она на мгновение замялась, и поразмыслив, глядя на Кирилла продолжила: – Но ты ведь не станешь пить мое зелье, верно? Ты все еще мне не доверяешь, и я не виню тебя за это. Что ж, тогда остается лишь одно средство – я заговорю воду. Если бы тебя проклял обычный смертный колдун, хватило бы нескольких брызг. Но здесь мы имеем дело с магией ифрита – существа огненного и яростного. Чтобы очиститься, ты и твои девушки должны окунуться в воду целиком, всем телом.

Она сделала паузу, обдумывая детали.

– Я заговорю воду в бассейне твоей бани. Вы совершите омовение, а после – велите немедленно спустить всю воду до капли. Никто другой не должен касаться ее, чтобы проклятие не нашло новую жертву. Пусть этим займутся евнухи... им эта зараза не страшна.

Она замолчала, ожидая его слова. Кирилл медлил, взвешивая риски, но здравый смысл подсказывал: отказ не решит проблему, а лишь продлит агонию Ясмин и его собственное оцепенение. Будто прочитав его мысли, девушка тихо произнесла:

– Лучше сокрушаться о содеянном, чем вечно сожалеть об упущенном.

Этот аргумент стал последней каплей. Кирилл кивнул, и они направились в сторону царских купален. Подойдя к краю бассейна, Касандана начала снимать одежду. Шапочка–палти, бархатистый халат, тонкая рубаха и тяжелое колье легли на мраморные плиты. На ней остались лишь набедренная повязка и тот странный браслет, соединенный цепочкой с кольцом. Кольцо с сапфиром она также не сняла.

Она вошла в воду осторожно, поеживаясь, словно от холода, хотя от бассейна поднимался легкий пар. Встав на самой середине, Касандана опустила в воду руку с браслетом и начала медленно вращаться вокруг своей оси. Ее вторая рука при этом свободно чертила узоры в воздухе, а губы шептали слова древнего заклятия.

Вода, повинуясь неведомой силе, встревоженно всколыхнулась и начала подниматься. Чем быстрее вращалась девушка, тем выше взмывал водяной столб, пока в метре над ее головой он не сомкнулся во вращающийся, прозрачный купол. На мгновение время словно замерло, потоки воды застыли в воздухе, а затем с грохотом обрушились вниз, в воронку, образовавшуюся в центре бассейна.

Когда поверхность воды успокоилась, Касандана вышла на мраморный бортик. Кирилл заметил, что ее обычная бледность сменилась пугающим синеватым оттенком, будто магический обряд выпил из нее все тепло, несмотря на жар в бане.

Накинув рубаху и халат, Касандана подтвердила, что вода готова. Сославшись на крайнее изнурение, она попросила отпустить ее в шатер. Кирилл, позволив себе минутное малодушие – мелькнула циничная мысль, что новый гарем в случае чего набрать несложно, – велел девушкам начинать омовение. Сам же он вызвался проводить гостью.

Однако далеко уйти им не удалось. Пройдя всего несколько метров по коридору, Касандана начала оседать на пол. Кирилл подхватил ее, ощутив почти невесомую хрупкость, и отнес в ближайшие гостевые покои.

– Магия отнимает слишком много сил, – едва слышно вымолвила она. – Снадобье измотало бы меня меньше впрочем, теперь это неважно. Сладко прищурившись, она мгновенно провалилась в глубокий сон. Кирилл еще некоторое время сидел у ее кровати, наблюдая, как пугающая синева отступает, а на бледные щеки возвращается едва заметный румянец. Убедившись, что гостье ничего не угрожает, он направился к купальням.

В бане царило оживление: девушки весело плескались и спорили, наслаждаясь теплой водой. Кирилл замер у края бассейна. Он заметил странность, от которой похолодело внутри: стоило очередной наложнице погрузиться в воду, как над ее головой на миг вспыхивало кроваво–красное облако и тут же бесследно растворялось в глубине. Кирилл перевел взгляд на слуг и евнухов – те оставались спокойны. Кажется, этот жуткий эффект видел только он.

«Что это? Очищение или новая ловушка?» – пронеслось в голове. Неизвестная магия от загадочной незнакомки внушала подозрение, но отступать было поздно. Разоблачившись, Кирилл шагнул в бассейн. Едва его нога коснулась воды, как вокруг нее расплылся тот же зловещий алый ореол. Девушки, увлеченные натиранием тел благовонными маслами, ничего не замечали.

«Наверное, мне кажется!» – попытался убедить себя Кирилл и решительно погрузился в воду.

Он заметил, что вокруг его тела вода окрасилась куда интенсивнее, чем у наложниц; алый след держался на поверхности долго, напоминая тягучую нефтяную пленку. Кирилл нырнул снова. С каждым погружением его окутывало небывалое ощущение легкости – казалось, невидимый груз забот и страхов навсегда покидает его. После третьего раза на душе стало светло и покойно. Вода осталась чистой. Убедившись, что заклятие снято, Кирилл вышел из бассейна и тут же приказал евнухам спустить воду до капли и тщательно выскоблить стены.

Когда опытные служанки закончили натирать его тело ароматными маслами, от прежних тревог не осталось и следа. Он чувствовал себя обновленным, полным сил и ясного осознания реальности.

Первым делом Кирилл направился к гостевым покоям. Касандана все еще спала. Ему не терпелось обсудить с ней увиденный в бассейне «кровавый ореол», но он сдержался, понимая, что колдунье необходимо восстановить силы после такого истощающего ритуала.

Глава 8

Кассандана проспала почти до обеда. За это время Кирилл успел переделать массу дел. Он углубился в изучение свода действующих законов и быстро пришел к выводу, что они нуждаются в серьезном пересмотре. В этом брутальном древнем мире мягкость часто принимали за слабость, а сотрясание оружием считалось единственным признаком силы. Но сознание человека XXI века требовало иной гуманности. Кирилл всерьез задался вопросом: справедливо ли рубить руку бедняку, укравшему лепешку от голода, и в то же время прощать вассальному князю непомерные налоги, которыми тот душит народ ради собственной наживы?

Зайдя к Кассандане, Кирилл обнаружил, что она уже проснулась, но все еще вяло созерцает узоры балдахина. При его появлении девушка мгновенно встрепенулась, стараясь скрыть следы изнеможения и выглядеть бодрой.

– Я собираюсь обедать и приглашаю тебя разделить со мной трапезу, – произнес Кирилл тоном, не терпящим возражений.

Кассандана была слишком голодна, чтобы спорить, и ответила согласием, попросив лишь время на то, чтобы освежиться.

Когда Кирилл ушел, уступив место служанкам, Кассандана с досадой обнаружила, что ее наряд после сна безнадежно помят. Появиться перед царем в неопрятном виде было выше ее сил. Положение спасла Ирдуш: она предложила гостье чистое, выглаженное платье прислуги, пообещав привести ее собственные одежды в порядок за пару часов.

Кирилл привык к однообразным алым нарядам дворцовых служанок и давно перестал их замечать. Когда в зал вошли девушки с подносами, а следом за ними – Кассандана, он поначалу даже не поднял головы, не признав в этой фигуре с двумя косами свою волшебницу. Лишь когда «служанка» замерла посреди комнаты, не приступая к обязанностям, Кирилл недоуменно взглянул на нее.

Чужое платье сидело на Кассандане мешковато, скрывая ее тонкую талию, и лишь разошедшиеся на груди борты халата выдавали, что наряд ей явно тесен в плечах. Перехватив его взгляд, она смущенно пояснила, что ее вещи в чистке. Кирилл нахмурил брови, в его душе вспыхнуло негодование: эта девушка только что спасла его гарем, а наложницы не удосужились поделиться с ней достойным одеянием! Но Кассандана, уловив его эмоции, мягко добавила:

– Все в порядке, повелитель. Если мой вид не оскорбляет твой взгляд, я готова разделить с тобой трапезу.

Аромат еды был настолько умопомрачительным, а Кассандана выглядела такой искренней в своем неловком положении, что Кирилл решил не портить аппетит выговорами и оставить решение этих претензий к девушкам на потом.

Он жестом пригласил ее сесть ближе. Кириллу не терпелось обсудить увиденное в бассейне, но не хотелось, чтобы разговор подслушали слуги. Наклонившись к самому уху девушки, он шепотом поведал ей о «кровавых» пятнах, окутавших его в воде. Кассандана нахмурилась и резко отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Владыка, ты не должен был этого видеть, – серьезно молвила она. – Только если... – она запнулась. – Только если на тебе нет иного заклятия, другой, особенной магии.

Она пригляделась к нему пристально, словно пытаясь пронзить взглядом саму его душу. Кирилл молча ждал. Он мог бы предположить, что дело в амулете, но промолчал.

– Я что–то чувствую, но не могу понять, что, – продолжила она шепотом. – На тебе нет предметов силы, и вокруг я ничего не ощущаю. Но от тебя исходит мощь, как от... – она снова замолчала, подбирая слова, – как от иного существа. Почти божественного. Еще при первой

встрече я увидела в тебе две души: одну слабую, едва теплящуюся, и вторую – невероятно сильную. Тогда я решила, что это ифрит подселил в тебя демона. Но если бы это было так, вторая сущность ушла бы вместе с заговоренной водой. Но все по–прежнему. Ты – словно два человека в одном теле.

Было видно, что Кассандану это настораживает. Она столкнулась с тем, чего не было в свитках Салема.

– Я видела тела без душ, я видела души без тел... Но никогда – две души в одной плоти.

Она потупила взор, словно провинившийся ученик, застигнутый за невыученным уроком, вяло разламывая лепешку в руке и отправляя кусочки в рот.

Кирилл почувствовал, что разговор принимает опасный оборот – Кассандана подошла слишком близко к его тайне. Он уже лихорадочно соображал, как увести беседу в сторону, но девушка сделала это сама:

– Я могу попытаться выяснить, в чем причина твоей двойственности, повелитель, но позже. Сейчас наш долг – исцелить Ясмин и решить участь ифритки.

– Да, да, конечно, – с облегчением подхватил Кирилл. – Как ты намерена лечить Ясмин?

– Я вернусь в шатер, приготовлю снадобья и мази. Завтра я буду здесь. Обещаю: после лечения она станет прежней, а может, и краше, – Кассандана улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой.

Они продолжили трапезу в тишине. После чего Кассандана попрощалась и направилась к выходу.

«И все–таки она чертовски хороша и так располагает к себе», – подумал Кирилл, провожая ее взглядом.

****

Магия Кассанданы творила чудеса. К вечеру следующего дня тело Ясмин пошло на поправку, корочки подсыхали и опадали, открывая нежную, розовую кожу. Спустя три дня девушка уже уверенно ходила по покоям, полностью исцеленная духом и телом.

Оставалась последняя проблема – Алирам. Кирилл всерьез раздумывал над тем, чтобы казнить демоницу, как только все закончится. Он ждал, что предпримет Кассандана, но ее просьба показалась ему оглушительной:

– Отдай ее мне, – тихо произнесла волшебница. – Это будет моей единственной наградой. Мне не нужно золото, не нужны драгоценности или шелка. Просто отдай мне ифритку, о шах.

Кирилл почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Ему хотелось возмездия за Амитис, за страх, за яд в его собственной душе.

– Ифрит должен быть наказан! – отрезал он, хмуря брови. – Ее нужно уничтожить. Или тебе жалко этого демона?

– Мне жалко всех, – тихо произнесла девушка, и в ее голосе не было и тени сомнения. – Ведь все сущее – творение нашего Создателя. И только Он вправе решать, кому проживать свои дни, а кому уйти во тьму.

Кирилл скептически хмыкнул, чувствуя, как логика восстает против такого всепрощения.

– А как же тогда быть с тем, что она сотворила в моем гареме? С тем, что она пыталась сделать со мной?

– Ты сам притянул это в свою жизнь, – просто ответила Кассандана.

Кирилл замер, пораженный ее прямотой. Образ Амитис, погибшей любви Аградата, всплыл перед глазами болезненной вспышкой.

– А жена? Она тоже «притянула» свою мучительную смерть?

– И она... сама... – Вновь подтвердила девушка. – Мы притягиваем в свою судьбу все, на что направляем внутренний взор. Страх – великая сила, и, возможно, ее погубили собственные опасения... – Касандана на мгновение замолчала, собираясь с мыслями. – А может, к этому привели ее тайные, глубинные желания. Все это непросто, повелитель. Должна сложиться особая комбинация из мыслей, чувств, решений и поступков – причем не только ее, но и тех, кто был рядом. Все это наполнило ее чашу судьбы, создав условия, в которых появление ифритки стало неизбежным. Она сама призвала свою участь!

Кассандана помолчала, скользя взглядом по рисунку на стене, и продолжила:

– Ифритка не виновата, она лишь жертва нитей судьбы, А то, что она творит зло... Позволь, повелитель, я расскажу тебе историю. Эламиты, которыми ты правишь, должны передавать ее из уст в уста. Прости, если я утруждаю твой слух тем, что ты и так знаешь.

Она пригубила сок и начала свой рассказ:

– Когда Бог был еще молод – если вечность можно измерить возрастом – Он играл со Вселенной, как ребенок. Сначала он создал духов, без плоти, но из разных стихий: воздуха, огня, воды. Потом Он создал материю. Из нее он лепил миры и звезды, заселял земли зверями и птицами, наблюдая, как одни поедают других, а вторые – поедают растения. Те же, в свою очередь защищаются ядом и шипами. Но в этой игре Ему не хватало искры разума. И тогда Он взял комок глины, вылепил человека и вложил в него частицу Себя – душу, чтобы увидеть мир глазами участника, а не зрителя. Иудеи говорят, имя ему было Адам.

Кассандана посмотрела на свои ладони.

– Но человеку стало одиноко. И тогда Бог, вечно ищущий новые формы, создал ему спутницу тоже из глины, но дух ее взял у стихии первородного огня. Имя ей было Лилит. Но огненная женщина оказалась слишком гордой и непокорной; она не пожелала склониться

перед Адамом и ушла. Тогда Бог создал Еву – но уже со своей искрой. А дети Лилит и дети ее детей остались в этом мире. Они не лучше и не хуже людей с божьей искрой – они просто иные. Им достался мятежный нрав прародительницы. Но разве они от этого в меньшей степени дети Бога? Разве они не достойны жизни?

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь пением птиц в саду.

– Пока я жива, она не причинит тебе вреда, – добавила Кассандана. – А наказанием для нее станет служение и рабство. Поверь, для детей огня это испытание куда страшнее смерти.

Она подняла на Кирилла свои пронзительные зеленые глаза, ожидая его вердикта. Кирилл смотрел на нее, чувствуя, как вторая игла в рукаве кажется теперь нелепым пережитком его собственного страха.

– А из какой стихии твоя душа? – вдруг спросил он, ловя себя на мысли, что ее кожа кажется прозрачной, как горный ручей.

– Из водной, – с грустной, едва уловимой улыбкой ответила она.

Кирилл окончательно растерялся. Спорить больше не хотелось, но слова Кассанданы растревожили его ум; мысли, подобно разоренному улью, метались в голове, беспощадно «жаля» все на своем пути.

Заметив его колебания, колдунья тактично удалилась, оставив его наедине с тяжелым решением. Кирилл размышлял о доверии. Что, если коварная Фируза вернется – обозленная, свободная и оттого еще более опасная? «Что ж теперь, вечно бояться ее? – оборвал он себя. – Проблемы нужно решать по мере поступления, а не плодить фантазии. В темнице она просто сгниет, а Кассандана, возможно, найдет ей применение. Были бы у девчонки коварные планы – она бы их уже осуществила, а не спасала мой гарем».

Придя к окончательному решению, Кирилл послал за Кассанданой. Когда он объявил ей свою волю, глаза девушки буквально засветились от счастья. В этот миг Кирилл ощутил исходящий от нее мощный, почти животный магнетизм. По коже побежали мурашки, а на висках выступила испарина – это был тот самый взгляд, которым одаривала его ночная гостья в снах...

«Как же хочется спрятать ее в своем гареме и никогда не отпускать! – пронеслось в голове. – Но как? Я не смогу удержать ее против воли». Ему оставалось лишь подчиниться судьбе. Он верил: если она годами являлась ему в видениях, их пути пересекутся вновь.

Кирилл заставил себя улыбнуться и спросил:

– И каковы твои дальнейшие планы, Кассандана?

– На рассвете слуги соберут шатер, – просто ответила она. – Я приду за ифриткой, и мы отправимся в дальний путь.

– Не хочешь ли ты остаться при моем дворе? – решился наконец спросить Кирилл, чувствуя, как внутри все сжалось в ожидании ответа.

– Нельзя, – тихо, но твердо ответила она.

– Почему же? – Кирилл искренне удивился. – Здесь ты будешь в безопасности, в почете...

– Тебя ждет твой собственный путь, – Кассандана опустила глаза, и в их глубине на миг вспыхнула и погасла пленительная, почти неземная искорка. – Я буду лишь мешать тебе, отвлекать от того, что предначертано. Найди свою дорогу сам... И если нашим путям суждено сойтись вновь – они пересекутся, даже если ты совсем не будешь этого ждать.

После этих слов, она ушла, оставив лишь легкий аромат шалфея и мяты. А Кирилл вновь остался один, терзаемый противоречивыми желаниями. Так часто бывает в жизни: кто–то внезапно приходит в твою судьбу, становится самым желанным человеком на свете – и так же внезапно растворяется в предрассветных сумерках.

Нити рока сплетаются и расплетаются по своей прихоти: одни затягиваются в мертвые узлы, другие расходятся навсегда. Но Кирилл чувствовал – если судьба привела ее к нему

однажды, она сделает это снова. Он верил в это почти фанатично. Верил так же твердо, как в то, что число Пи – константа, неизменная в любой точке Вселенной.

А пока... Пока у него оставался его гарем. Обновленный, очищенный от скверны, он вновь наполнился красками радости. После чудесного возвращения Ясмин девушки, пребывая в восторженном настроении, решили устроить праздник в честь своего повелителя. Как только ифрит покинет дворец, Кирилла ждало небывалое празднование, обещанное его красавицами.

****

Ночь перед расставанием была самой тихой. Кирилл почти не спал. Он стоял на террасе и слушал, как просыпается Аншан.

Едва забрезжил рассвет, Кассандана явилась за ифриткой. На ней был знакомый дорожный плащ – чистый и отутюженный, но все равно хранивший дух дальних странствий. Кириллу, как правителю, возможно, и не стоило лично спускаться в подземелье, но он, изобразив на лице нарочитую заботливость, отправился следом, лишь бы еще немного побыть с этой удивительной девушкой.

Пока они шли, Кассандана достала из складок плаща стеклянный сосуд, плотно закупоренный пробкой.

– Если однажды тебе, владыка, понадобится мой совет или помощь, просто капни этой воды в любой текущий поток – будь то ручей, река или обычный фонтан. И я приду на твой зов.

– Вот так просто? – удивился Кирилл. – Не нужно ни слов, ни мысленных образов?

– Именно так, – улыбнулась она. – Вода в этом сосуде зачарованная, она сама донесет твое послание.

Она снова остановилась и после недолгого шуршания извлекла маленький медальон на кожаном шнурке. Он был выполнен в форме нарастающего месяца и испещрен древними письменами.

– Если хочешь защиты от созданий, подобных Фирузе, носи этот амулет. Он рассеивает их чары, не давая им коснуться твоего разума.

Когда медальон лег на ладонь, Кирилл невольно вспомнил тот самый первый амулет, что забросил его в это тело. Кассандана уловила перемену в его лице и посмотрела на него с особым интересом и Кирилл, чтобы не вызывать подозрений, тут же поспешил сосредоточиться на текущем моменте.

– Почему ты помогаешь мне? – спросил он с легким подозрением. – Неужели только ради ифритки?

– Нет, – ответила Кассандана, – но я пока не могу открыть тебе истинную причину. Нельзя приоткрывать завесу тайны, иначе сказанное станет неизбежной судьбой. А у тебя должна оставаться свобода выбора.

«Свобода выбора, – горько усмехнулся про себя Кирилл. – Какая уж тут свобода, если впереди маячит маршрут Мидия–Лидия–Вавилон... А что будет, если я сверну с него? Гитлер завоюет мир? Или его вообще не будет? Ох уж эти загадки времени...»

Остаток пути они провели в молчании. Остановившись у порога, Кирилл заметил, что рисунок пентакля на двери стал рельефным, словно магические линии вздулись, выгибая под собой сам металл.

– Теперь это самая надежная из твоих темниц, – тихо произнесла Кассандана. – Тот, кто попадет внутрь, не выйдет оттуда, даже если дверь будет распахнута настежь. Только по твоему велению пленник сможет переступить этот порог.

«Невероятно!.. Вот они, силы магии», – подумал Кирилл, осторожно оглядывая дверь и решив на всякий случай держаться от входа подальше.

Кассандана шагнула внутрь и замерла напротив Алирам. Свет факелов выхватил из темноты фигуру, притаившуюся в дальнем углу. Увидев ее, Кирилл почувствовал, как сердце сжалось: Фируза сидела на холодном каменном полу, глядя на посетителей мутным, почти безумным взглядом. Некогда прекрасное лицо, теперь вымазанное грязью, исказила гримаса страдания. Грязные волосы сосульками свисали на плечи, а одежда была изодрана в клочья, словно она отбивалась от полчища крыс. На костяшках пальцев и коленях виднелись темные ссадины.

Даже Кассандана на мгновение поежилась от этого жалкого зрелища, но тут же сделала решительный шаг и, протянув руки, подняла ифритку с колен. Она коснулась ее лба ладонью, на которой тускло мерцал сапфировый перстень, и принялась нашептывать слова на неведомом наречии. Лицо Фирузы на миг оживилось, глаза блеснули ясностью, но секунду спустя этот свет погас окончательно – словно кто–то, уходя, выключил в ее сознании лампу.

Кассандана отступила. Фируза осталась стоять неподвижно, безвольно опустив голову и свесив руки–плети. Посмотрев на нее несколько секунд, Кассандана внезапно двинулась вперед и одним резким движением вырвала иглу из ее бока...

Кирилл невольно дернулся вперед, ожидая ответного броска, но тут же осадил себя. Фируза не шевелилась.

«Зачарована», – пронеслось в его голове.

– Заколдована, – эхом отозвалась Кассандана. – Теперь ее нужно отмыть и переодеть. Путь будет долгим, одежда нужна добротная и теплая: ночи в пустыне не знают жалости. Она, как и любой из нас, теперь чувствует холод. Она не причинит вреда, ее можно оставить без присмотра. Эта магия сильнее ифритов и джиннов... она идет от самого Истока.

Послушную, как тень, Алирам–Фирузу вывели из подземелья и отвели в баню. Пока служанки приводили пленницу в порядок, Кирилл и Кассандана остались одни на широкой террасе. Они молчали, глядя на просыпающийся город. Она думала о пыли дорог, он – о невыносимом желании удержать ее рядом. Нужные слова застревали в горле, а пустая болтовня казалась кощунством в этот час.

– Ну, что же! – Кассандана первой нарушила тишину. – Мой путь начинается...Она повернулась к нему, и в ее зеленых глазах отразилось все золото утреннего солнца.

– Будь мудр и добр к людям на своем пути, – тихо добавила она, и в этом напутствии Кирилл услышал не просто совет, а последнюю просьбу.

Глава 9

Пока Кирилл стоял на тенистой террасе, провожая взглядом два силуэта, растворяющихся в предрассветном сумраке, во внутреннем дворце уже вовсю кипели приготовления. Для торжества девушки выбрали большой зал, превратив его в некое подобие сказочного шатра.

У дальней стены возвышалось огромное ложе под трехсторонним балдахином из тончайшего расписного шелка, окруженное несметным количеством мягких подушек. Рядом ломился от яств овальный стол. Здесь нежный молочный ягненок, томлёный в винном соусе с имбирем и сладкой морковью, соседствовал с запеченным в травах золотистым фазаном. Пышные ячменные лепешки и каши, сдобренные каплями шафранового масла, сменялись золотыми чашами с финиками, инжиром и орехами в густом горном мёду. Прохладный ягодный сок в глиняных кувшинах дополнял серебряные ритоны, наполненные терпким и плотным ширазским вином.

Интерьер зала поражал помпезностью. Потолок и стены были задрапированы длинными отрезами шелка, который свободными волнами ниспадал на белый мраморный пол. В промежутках между тканями сверкали массивные медные зеркала. Установленные напротив них лампы многократно усиливали свет, создавая иллюзию бесконечного, залитого огнями пространства.

Все было готово для того, чтобы заставить царя забыть о тревогах, о магии и о самом себе.

Девушки заранее распределили роли. Каждая мечтала оказаться как можно ближе к повелителю, поэтому в ход пошел жребий. В жеребьевке не участвовали лишь двое: увлеченная музыкой Гуль и совсем юная Шехризад, чья природная скромность граничила с пугливостью. Тем не менее, все без исключения постарались выглядеть неотразимо, надеясь поймать изменчивую фортуну за хвост и стать новой фавориткой.

Почувствовав голод, Кирилл оторвался от меланхоличных мыслей об ушедшей волшебнице и направился в залу. Любопытство и предвкушение чего–то необычного будоражили его фантазию сильнее, чем он готов был признать.

Стоило ему переступить порог, как Гуль, Арзу и Зерин коснулись инструментов. Мелодичный напев тростникового ная слился с мягким рокотом танбуров, а Шехризад, устроившись среди музыканток, запела. Кирилл замер от удивления: он не ожидал, что эта маленькая плутовка, гроза дворцовых павлинов, обладает столь чистым и звонким голосом. В ее пении слышались переливы певчих птиц и теплая искренность актрис еще не существующего Болливуда.

Блаженством
равен тот богам,

Кто близ тебя сидит, внимая

Твоим чарующим речам,

И видит, как в истоме тая.

От этих уст к его устам

Летит улыбка молодая.

– выводила она, и ее голос вибрировал под высокими сводами, наполняя залу живой магией.

Стоило Кириллу расположиться на ложе, как из–за колонн, словно на сцену, выплыли Ясмин, Мехтеб и Нилофер. Они замерли клином, в центре которого встала пышногрудая Мехтеб. На мгновение девушки склонили головы, скрестив руки на груди в молитвенном жесте.

Этого мига Кириллу хватило, чтобы оценить роскошь их нарядов. На девушках были узкие топы, сплошь расшитые жемчугом, камнями и золотым сутажом. Нити бусин волнообразно спускались от груди к поясам, которые повторяли тот же причудливый узор. Эти пояса, едва прикрывавшие бедра, отзывались тихим звоном на каждое движение. Образ дополняли браслеты на щиколотках и тонкие цепочки на талиях с крошечными бубенцами. Головы красавиц украшали изящные шапочки обвитые лентами, скрепленными брошами с рубинами, из–за которых вызывающе торчали длинные фазаньи перья, а с плеч свисали тончайшие покрывала.

«Наряды на грани дозволенного, но чертовски прекрасны», – отметил про себя Кирилл, чувствуя, как ритм танбуров начинает резонировать с его собственным пульсом.

Девушки начали двигать бедрами в такт музыке с все так же сведенными на груди руками и опущенными головами. Бусы раскачивались из стороны в сторону следуя за пленительными движениями бедер. В какой–то миг девушки раскинули руки в стороны как птицы и заколыхали ими в воздухе подобно волнам, тела при этом оставались неподвижными, однако бедра стали двигаться активнее, уже не просто покачиваясь то влево, то вправо, а рисуя бедрами восьмерки в пространстве одновременно поднимая одно бедро и опуская при этом второе. Бубенцы на пояске ритмично позванивали в такт движения добавляя серебристый звон к звукам ная и танбуров.

Миг и девушки синхронно повернули свои тела влево ведя туда правую руку и продолжая рисовать руками волны стали изгибаться в противоположную сторону... Кирилл залюбовался с каким изяществом их тела изгибались, создавая красивую дугу. Руки их при этом плавно поднимались вверх, пока не достигли вертикального положения, после чего продолжили извиваться, рисуя в пространстве воздушные пируэты...

Девушки замерли в этой высокой позе лишь на мгновение, прежде чем их движения сменили характер – плавные волны превратились в четкую, почти гипнотическую пульсацию. Руки, поднятые над головами, теперь мягко перекрещивались, создавая рамку для их лиц, которые они, наконец, приподняли. Взгляд их оставался полуприкрытым, загадочным, обращенным куда–то внутрь себя, но в то же время неумолимо притягивающим внимание зрителя.

Кирилл заметил, как изменился ритм музыки: най зазвучал резче, а танбуры добавили в мелодию глубины и настойчивости. В такт этому ускорению бедра танцовщиц перешли от «восьмерок» к мелкой, едва уловимой дрожи – техничному шимми, от которого бубенцы на поясах слились в единый непрерывный серебряный гул. Этот звук, казалось, вибрировал в самом воздухе, заставляя сердце биться чаще.

Внезапно одна из девушек сделала шаг вперед, увлекая за собой остальных. Они начали кружиться, и их легкие покрывала взметнулись, подобно лепесткам экзотического цветка. В центре этого вихря руки продолжали свой танец – они то опускались к самым бедрам, словно пытаясь усмирить их бег, то снова взмывали вверх, имитируя полет.

Пока девушки танцевали, остальные красавицы ухаживали за Кириллом. Шерин следила, чтобы его кубок был полон вина, Гулистан подкладывала на блюдо отборные кусочки яств, а Дэрья делала расслабляющий массаж стоп. Шэди в это время нежно разминала плечи и шею «повелителя.

Завороженный танцем, Кирилл решил откинуться на подушки, чтобы устроиться поудобнее. В этот миг Шэди, будто невзначай, оттолкнула подушку, и сама скользнула на ее место.

Не ожидая такой ловкости, Кирилл приземлился головой прямо на колени девушки. Сначала он хотел отчитать ее за дерзость, но красавица тут же склонилась над ним и накрыла его губы поцелуем.

«Специально подстроила, – понял Кирилл, – хочет обогнать подруг и занять место фаворитки». Его забавляла эта мысль. Борьба за влияние началась, и ему стало весело: «Пусть лезут из кожи вон, стараясь стать самыми желанными». Он решил как можно дольше держать их в этом «подвешенном» состоянии, не отдавая предпочтения ни одной, и посмотреть, на что они способны.

Шэди, приободренная тем, что шах не оттолкнул ее, принялась покрывать его лицо поцелуями. Она трепетно ласкала его скулы, скользила пальцами от мочек ушей к подбородку, дразня и перебирая завитки бороды. Дэрья, заметив эту игру, решила не отставать. Она достала небольшой горшочек с густым блестящим бальзамом, который пах медом, цветочной пыльцой и терпким незнакомым мускусом. И растерев вещество в ладонях, принялась втирать его в икры и бедра Кирилла. Бальзам отозвался на коже приятным холодком, от которого по телу побежали мурашки, и тут же Кирилл почувствовал, как внутри нарастает напряжение. Снадобье явно содержало компоненты, пробуждающие плоть для игр.

– Откуда у тебя это средство? – спросил Кирилл у Дэрьи.

– Я купила его у настоящей волшебницы, – с довольной улыбкой ответила Дэрья. – Вам нравится, мой повелитель?

О да, ему нравилось, Кирилл чувствовал, как его накрывает мощная волна. События развивались стремительно: невинная игра с Шэди и Дэрьей быстро переросла в неконтролируемый вихрь страсти, увлекший за собой всех троих.

Спустя время, Кирилл лежал на подушках – утомленный, разгоряченный, оплетенный телами двух красавиц. Музыка продолжала литься, и Шехризэд запела новую песню о любви и весне. В этот миг Кириллу и самому захотелось любви... Но не той поглощающей страсти, которой он только что насытился сполна, а иного чувства – тихого, согревающего, что дает силы и живет в самом укромном уголке сердца...

Пир бушевал до самого рассвета и лишь когда первые лучи солнца коснулись стен зала, веселье стихло. Утомленные и опустошенные, они так и уснули на огромном ложе, среди подушек и покрывал...

Кирилл, привыкший вставать рано, проснулся первым, хотя время уже перевалило за полдень. Он огляделся. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь пышные драпировки зала, мягко подсвечивали полумрак. В золотистых полосах падающего света лениво плясали пылинки. Кирилл зажмурился и снова открыл глаза. Ему не верилось, что события прошлой ночи происходили наяву, но картина осталась прежней: вокруг него, в разных положениях, обнимая подушки, спали прекрасные одалиски. Свет скользил по их персиковой коже, лаская изгибы холеных тел, замерших в непринужденных позах.

Он попытался восстановить в памяти события ночи. Что же заставило их так забыться, сорвав привычные покровы сдержанности? Неужели все дело в том маленьком, неприметном горшочке с ароматным бальзамом?

Осторожно высвободившись из плена рук и ног, Кирилл поднялся и накинул халат. Он взял в руки тот самый горшочек, вглядываясь в остатки густого зелья.

«Ай да Кассандана, ох, чертовка! – усмехнулся он про себя. – Интересно, что еще она успела продать моим красавицам? Приворотное зелье?»

Кирилл даже не представлял, насколько был близок к истине. Девушки по очереди бегали к Кассандане с одной и той же мольбой – продать им любовный напиток. Были, конечно, и те, кто искал средства для собственной неотразимости или, напротив, мечтал лишить соперниц их чар, но приворотное зелье требовали почти все.

Кассандана, немного поразмыслив, нашла изящное решение: она продала им обычные сладости. Кому–то достались мятные, кому–то с апельсиновым вкусом, кому–то с гранатовым... Все они были абсолютно безвредны для Кирилла, зато полностью удовлетворили жажду девушек обладать «сокровенным зельем». Каждая из них теперь была уверена, что именно ее конфеты станут ключом к сердцу повелителя.

Уходя, Кирилл прихватил горшочек с остатками бальзама с собой. Такое мощное средство (уж в его–то силе он убедился лично) лучше было держать подальше от женских рук... от греха подальше.

****

Окрыленный тем, что история с Фирузой осталась позади, Кирилл, полный сил и энергии, решил взяться за дела. Еще накануне он приказал, чтобы к обеду перед ним предстал начальник лесного дозора. От этого человека зависели жизнь и покой шаха, а значит, он должен был стать самым надежным звеном в окружении Кирилла. Во время пребывания во дворце волшебницы Ариаш справился с охраной на отлично, и Кириллу захотелось приглядеться к нему поближе – а возможно, и подружиться.

Когда солнце вошло в зенит, дворцовый глашатай оторвал Кирилла от изучения свода древних законов, которые тот пытался переосмыслить и переделать на новый лад. Голос слуги возвестил о прибытии Ариаша сына Ариарамна.

В следующий момент в комнату вошел огромный мужчина. Называть его просто высоким было бы преуменьшением – настоящий великан ростом более двух локтей сверх обычного. Плечистый, мощный, с копной рыжих вьющихся волос и такой же нелепо торчащей во все стороны бородой. Густые брови, высокий лоб и упрямая линия губ – на первый взгляд он мог показаться грозным, но все это сочетание черт создавало образ добродушного увальня, который странным образом располагал к себе с первой секунды.

– Да пребудет с тобой сила и долгие годы, владыка! – произнес воин мягким, глубоким баритоном и почтенно поклонился, приложив кулак к груди.

– И да хранит тебя Ахурамазда, доблестный Ариаш, – ответил Кирилл. – Я позвал тебя, чтобы познакомиться поближе. Твое назначение состоялось более трех лет назад, но дела царства не давали мне времени приглядеться к тебе. Ныне я хочу восполнить это упущение.

Кирилл выдержал паузу и продолжил:

– Ты организовал охрану дворца во время визита важной гостьи... Мне пришлись по сердцу и те воины, которых ты избрал, и то, как была устроена стража. Смена постов шла в положенное время, ни одна мелочь не осталась без твоего внимания, а доспехи и снаряжение были подобраны так, чтобы выдержать и зной, и бурю. Всё действовало слаженно, будто единый клинок.

Ариаш довольно улыбнулся в густую бороду и, сощурившись, ответил:

– Это лучшие из твоих людей, повелитель. Каждый прошёл строгий отбор, чтобы удостоиться чести стоять на страже твоего покоя.

– Скажи мне, Ариаш, какую подготовку они проходят? Чему именно их обучают?

– О, повелитель! – голос великана зазвучал еще глубже. – Все три сотни моих воинов, что стоят на страже города, в течение четырех лет обучались искусству рукопашного боя и владению мечом, а также – метанию копий и ножей. Они метко стреляют из лука не только стоя, но и на полном скаку, поражая любые движущиеся мишени.

– Хм, достойно похвалы! – Кирилл испытующе посмотрел на гиганта. – Ты высоко ценишь своих людей, и я желаю сам побывать на их учениях, чтобы увидеть всё своими глазами.

Он помолчал, давая весу своим следующим словам:

— Более того, я помышляю выделить твой отряд в особую стражу — мою личную охрану. Это будут отборные бойцы, прошедшие самую суровую выучку, с особым положением и почестями Сможешь ли ты вести их и дальше, сохраняя эту выучку?

Ариаш пришел в восторг, который не смог – да и не пытался – скрыть. Глаза его блеснули, но тут же тень смешанных чувств пробежала по его лицу. Помедлив, он ответил:

– Я справлюсь с любой задачей, повелитель, – он замялся, а радость в его голосе сменилась горечью. – Однако есть проблема в финансировании. Гвардии нужно оружие и обмундирование, людям необходимо платить жалование, чтобы они могли содержать семьи. Но обмун-

дирование не менялось уже два года и многие кожаные доспехи даже не смотря на тщательный за ними уход ссохлись и потеряли свои защитные качества. О жаловании же и говорить больно: мы не получали его несколько месяцев.

Ариаш помрачнел, его огромные кулаки невольно сжались.

– Я обращался к советнику, тот кивает на казначея, а казначей клянется, что не получал распоряжений. Это бег по кругу. Я содержу своих людей в строгости, они не ропщут и не встают на путь разбоя... в отличие от – он помялся и продолжил – в отличие от воинов из войск регулярной армии, занимающихся охраной границ, которые по слухам порой грабят проходящие мимо караваны, и чтобы замести следы перерезают всех его путников подчистую, не щадя ни женщин, ни детей.

Лицо великана покрылось красными пятнами, а глаза налились кровью от негодования.

Кирилл нахмурился:

– Ты утверждаешь, что Катешдат занимается разбоем?

Имя всплыло в памяти само собой. Перед внутренним взором возник образ: Катешдат, друг детства Аградата, товарищ по играм и охоте. Он был близок прежнему хозяину этого тела, но Кириллу этот человек был чужд. Только сейчас он осознал иронию судьбы: Катешдат получил пост по прихоти принца, а Ариаш – по настоятельной рекомендации матери Аградата, которая обладала редким даром видеть людей насквозь.

– Я не знаю, участвует ли военачальник в набегах лично, – глухо ответил Ариаш, – но некоторые его люди, по слухам, – да.

– Слухи могут быть лишь слухами, – Кирилл нахмурился, вглядываясь в лицо гиганта. Не было ли это попыткой оклеветать соперника? – Если выживших нет, как ты утверждаешь, то откуда взяться правде?

– Эти сведения от человека, которому я доверяю как самому себе. Некоторое время назад я переманил его в охрану, и он поведал о кровавых вылазках «регулярных» отрядов.

– Что ж, я сам поговорю с твоим человеком, – коротко бросил Кирилл. – И я не отказался от идеи посетить ваши тренировки. Когда ты сможешь их показать? Может, прямо сейчас? – добавил он спонтанно, желая обезоружить Ариаша внезапностью.

– После четырех часов дня, когда обжигающий зной спадает, мои люди выходят на задний двор у северных казарм. Вы сможете увидеть их в деле.

Кирилл взглянул на солнечные часы-гномоны на террасе. Тень замерла на половине третьего.

– У нас в запасе еще час, – распорядился Кирилл. – А значит, сейчас мы отправимся к казначею. Я лично прикажу выдать жалование за все просроченные месяцы. Более того, пусть твои счетоводы подготовят смету: сколько стоит обмундирование, провиант и содержание одного воина. Мне нужно знать точные цифры, чтобы рассчитать расходы на все дворцовое войско.

Кирилл покосился на Ариаша. Великан буквально светился от счастья, довольно теребя кожаный ремешок и едва сдерживаясь, чтобы не помчаться исполнять приказы вприпрыжку.

Кирилл поднялся и направился к выходу, Ариаш безмолвно последовал за ним. Пока они шли в сторону сокровищницы, каждый был занят своими мыслями. Кирилл с горечью осознавал, насколько запущено управление государством: он не владел данными о казне и лишь смутно представлял, кто такой казначей. А ведь деньги – это один из главных рычагов власти. Ему предстояло разобраться в налогах, сборах и расходах – механизмах, которыми он пока владел лишь в теории.

Ариаш же думал о том, как обрадует своих солдат жалованием и на что он потратит часть своего. Он вспомнил жену и лавочку в торговом квартале, где присмотрел для нее клинок из «лунной стали» с рукоятью, инкрустированной камнями цвета ее глаз. И тут же ему стало тревожно... тревожно от мысли, посетившей его голову, которую он попытался отогнать, от чего

машинально провел рукой по лицу, словно смахивая навязчивую паутину. Впрочем, мысль не покидала его, и омрачала радость от предшествовавших событий...

Миновав узкую аллею, они спустились в прохладные залы сокровищницы. Пройдя через помещение, где десяток клерков усердно скрипели стилусами над табличками расходов, они вошли в помещение, где на большом топчане восседал грузного вида человек и понуро разглядывал какие–то глиняные таблички с расчетами. При виде шаха он подскочил с неожиданной для его тела прытью и склонился в раболепном поклоне.

«Видать, рыльце в пушку по–самое–ни–хочу!» – подумал Кирилл, смерив казначея тяжелым взглядом.

– Сатирак, – заговорил он ледяным тоном, – получал ли ты распоряжение от советника о выдаче жалования лесному дозору?

Сатирак мгновенно обмяк, как загнанный в угол зверек. Казалось, он вот–вот лишится чувств: тело мелко задрожало, а на лбу выступила крупная испарина.

– Да продлятся дни твои вечно, владыка! Да–а... я... я получил распоряжение, – промямлил он, запинаясь. – Но средств на тот момент не было! Накануне я выдал огромную сумму золотом для регулярных войск на границе и на закупки провизии на случай засухи... – он потел все сильнее, голос его срывался.

– Я проверю правдивость твоих слов, – отрезал Кирилл, понимая, что ему открыто лгут, но не желая немедля приступать к разбору просчетов казначея. – Мое распоряжение таково: в течение часа выделить средства и передать их счетоводам дозоров. Жалование должно быть выплачено сегодня же. И впредь – ни охрана, ни армия не должны знать задержек ни в деньгах, ни в амуниции.

– Но как же... я же... – казначей вжал голову в плечи.

Чтобы окончательно раздавить его волю, Кирилл добавил:

– Приказываю немедленно приставить к казначею охрану. Я сомневаюсь в его честности. Сегодня я велю советнику провести полную ревизию казны. Мы проверим оправданность каждой монеты, потраченной на дворец, челядь и даже членов моей семьи. Возможно, Сатирак, после этого ты не только лишишься должности, но и головы – если я обнаружу казнокрадство.

Сатирак затрясся как кленовый лист. Рухнув в ноги Кириллу, он взмолился:

– Я ваш верный слуга! Я тружусь лишь во благо государства! Пощади–и–ите!

– Это покажет проверка, – холодно ответил Кирилл. – Если ты честен – моя благодарность и уважение к тебе возрастут. Если же ты вор, и это будет доказано – тебя ждет суровая кара.

Кирилл развернулся на мягкой, но плотной подошве сандалий и зашагал прочь. Великан Ариаш с видом победителя гордо последовал за ним, кивнув двоим гвардейцам. Те послушно отделились от свиты и встали по бокам от трясущегося Сатирака, чей ужас теперь был почти осязаем.

Как только они покинули сокровищницу, Кирилл обернулся к Ариашу:

– А теперь пойдем полюбуемся на твоих молодчиков в деле.

Довольное выражение мигом сползло с лица великана. Он посерьезнел и коротко кивнул:

– Как будет угодно повелителю.

Они долго шли через бесконечные анфилады комнат, пересекая галереи и портики, пока не добрались до гарнизона. Прямо перед армейскими казармами располагалась просторная арена. Под навесами собралось около полусотни воинов; они бурно переговаривались, спорили и даже ставили ставки. Все взгляды были прикованы к центру площадки.

Там пятеро могучих верзил в простых, пропитанных потом холщовых туниках окружили одинокую фигуру. По сравнению с ними воин казался худощавым. Он был одет в плотную походную куртку и широкие штаны-анаксириды, а его голова и лицо были плотно замотаны лопастями войлочного башлыка так, что видны были лишь глаза. Несмотря на это, он с пуга-

ющим спокойствием следил за каждым движением противников. Один из гигантов сжимал в руках сагарис, остальные были вооружены акинаками.

Увидев это, Ариаш негромко выругался в бороду, но не решился прервать поединок. – Это новобранцы, – пояснил он Кириллу. – Служат всего месяц, пришли на смену ветеранам. Тот, что в центре – их наставник. Но боюсь, зря я позволил этим «дуболомам» взять боевое оружие. Наставника–то они вряд ли достанут, а вот друг друга покалечить могут запросто.

– Ты настолько уверен в этом бойце? – спросил Кирилл, с подозрением разглядывая щуплую на фоне противников фигуру.

– Абсолютно! – парировал Ариаш. – Во всех землях Великого Царя не сыскать воина опытнее.

– Что ж, сейчас мы это увидим, – ответил Кирилл, втайне уже болея за этого одинокого, но храброго мастера.

Тем временем молодчик с сагарисом, издав яростный гортанный рык, бросился в атаку. Он замахнулся топориком над головой, открывая всю грудь и ноги для встречного выпада. Наставник не заставил себя ждать — стремительным, молниеносным прыжком он сократил дистанцию под замахом, уходя от лезвия, и нанес жесткий встречный удар основанием ладони прямо в горло гиганта.

Потеряв дыхание, «дуболом» зашатался и завалился назад. Легкий сагарис нелепо выскользнул из его пальцев и, взметнув клубы пыли, рухнул на утрамбованную почву арены. Повалившись в пыль, горе–вояка хрипел и отчаянно кашлял.

– Полагаю, у него серьезный ушиб гортани, а то и перелом ключицы, – прокомментировал Ариаш и довольно добавил: – Клянусь Митрой, вот это удар!

Двое из оставшейся четверки верзил двинулись одновременно: один заходил со спины, второй наступал в лоб. Фронтальный противник приближался мелкими шажками, поигрывая акинаком и то и дело скашивая глаза на напарника. Наставник, слегка пригнувшись и медленно раскачиваясь, словно кобра перед броском, следил за обоими.

В какой–то миг тот, что был сзади, сделал резкий выпад. Одновременно с ним рванулся и второй. Но наставник среагировал быстрее мысли: он резко ушел с линии атаки круговым разворотом корпуса. Клинок фронтального нападающего рассек пустоту, а тренер, используя инерцию собственного движения, резко выбросил ногу назад, нанося мощный удар пяткой в живот подкрадывавшемуся со спины здоровяку. Тот согнулся пополам. Еще пара неуловимых, отточенных движений, подсечка — и вот уже нападавшие валяются в пыли.

Оставшиеся двое бросились в атаку с громким криком, пытаясь задавить наставника яростью, но и синхронный натиск им не помог. Спустя пару минут бой был окончен: все пятеро противников стонали и сыпали проклятиями на земле, не в силах подняться от боли.

– Позови ко мне этого воина, – потребовал Кирилл.

Ариаш, словно очнувшись от гипнотического зрелища, с явной неохотой, но не смея перечить, крикнул:

– Пантея! Подойди.

Воин обернулся и, приблизившись к царю и его свите, склонился в глубоком, почтительном поклоне.

– Сними повязку, – велел Кирилл, желая увидеть лицо столь искусного мастера.

Воин подчинился, разматывая плотные шерстяные лопасти башлыка. Когда ткань соскользнула, перед Кириллом предстала потрясающе красивая женщина. От неожиданности он на миг потерял дар речи, но быстро взял себя в руки.

– Женщина?.. – выдохнул он. – Поистине, ты самый невероятный боец из всех, кого я видел. Как тебе удалось превзойти стольких мужчин в деле, которое испокон веков считалось их уделом?

Она подняла голову и посмотрела Кириллу прямо в глаза — сильная, волевая женщина с гордым взглядом степной кочевницы. Ариаш тут же сурово и предостерегающе кашлянул, напоминая ей о правилах приличия перед высокопоставленными лицами.

– Я дочь вождя племени марафиев, поклявшегося в верности еще вашему деду. Жена Ариаша и свободная женщина Парсы, – голос ее звучал твердо и гордо. – Еще в раннем детстве у меня проявился талант к воинскому искусству. Поскольку сыновей у отца не было, я стала его единственной ученицей и преемницей. Более года назад я поступила к вам на службу и с тех пор исправно обучаю вашу охрану воинскому мастерству и верности царю.

Сказать, что Кирилл был поражен – значит ничего не сказать. Он был изумлен и шокирован. Женщина, способная стать жемчужиной любого гарема, оказалась смертельно опасным бойцом и первоклассным наставником.

– Что ж, когда у меня на службе такие учителя, мне нечего бояться за свою безопасность, – только и смог произнести Кирилл.

Больше слов не нашлось. Пожелав, чтобы тренировки продолжались, и пообещав позже обсудить все детали формирования новой гвардии, он попрощался и вернулся в свои покои, пытаясь переварить увиденное.

Глава 10

Утомленный событиями дня и ворохом новых впечатлений, Кирилл вернулся в свои покои. Ему отчаянно хотелось отвлечься от государственных дел и мрачных мыслей о предательстве, поэтому он решил позвать к себе одну из девушек, доверив, при этом, выбор случаю.

Еще в сокровищнице его внимание привлекли разноцветные драгоценные камни. Когда–то они, вероятно, украшали диадемы или ожерелья, но золото пошло на переплавку, а самоцветы ссыпали в ларец до лучших времен. Кирилл достал пригоршню камней и принялся их рассматривать. Выбирая один за другим, он давал им имена своих наложниц, стараясь связать блеск граней с характером девушки. Набрав нужное количество, он ссыпал их в мешочек для монет, встряхнул и, не глядя, вытянул первый попавшийся.

На ладони сверкнул камень, которому он дал имя Зэрин.

– Так тому и быть, – прошептал Кирилл и велел позвать девушку.

Зэрин явилась на зов мгновенно – разгоряченная, светящаяся от счастья. Заметив его удрученный вид, она предложила блюдце с конфетами, которые, по ее словам, приготовила сама, и расслабляющий массаж стоп. Кирилл устроился на ложе, и вскоре прикосновения девушки подействовали исцеляюще. Заботы дня начали отступать.

Уже через полчаса Кирилл, забыв обо всем на свете, нежно и страстно ласкал Зэрин, вдыхая аромат ее кожи и наслаждаясь той нежной пылкостью, с которой она отдавалась своему повелителю. Однако груз прожитого дня оказался сильнее страсти, и едва расслабившись после близости, Кирилл провалился в глубокий сон.

Кирилл проснулся рано утром, чувствуя бодрость и прилив сил. Он был готов к новым свершениям. Да и государственные дела требовали его немедленного вмешательства. Картина вырисовывалась безрадостная: армия брошена на произвол судьбы, в финансах царит полнейший хаос, а казнокрадство и коррупция стали нормой. Но больше всего его беспокоила ситуация на дорогах. Если дурная слава о разбоях в Аншане подтвердится, караваны начнут искать обходные пути. Это неизбежно приведет к обвалу казны – налоги от торговли и плата за пользование путями были одним и столпов экономики государства.

Зэрин проснулась следом и со странным трепетом наблюдала за тем, как Кирилл одевается. Он велел ей тоже привести себя в порядок и вернуться в свои покои. Девушка посмотрела на него с явным разочарованием – чувствовалось, она ожидала нежного утра и долгих прощаний, но Кириллу было не до сантиментов. Он сдержанно повторил свою просьбу.

Когда Зэрин ушла, Кирилл, не теряя ни минуты, направился в свои рабочие покои.

Завтрак Кирилл приказал накрыть прямо там. Одновременно он велел позвать Абуххаддина: после недавних событий уважение к мудрому старцу только окрепло, и Кирилл понимал, что он – единственный, кому можно довериться в этом змеином гнезде. Старик вошел в тот момент, когда еда на серебряных блюдах уже заполнила помещение пряными ароматами специй и запахом жареного мяса. Кирилл предложил ему разделить трапезу, и мудрец с благоговением присел у стола, осторожно приступая к еде.

Отослав служанок, Кирилл сразу перешел к сути. Он поделился подозрениями о хищениях из казны и попросил старца найти толковых счетоводов с безупречной репутацией для проведения аудита. Абуххаддин охотно отозвался. Он предложил кандидатуру главного счетовода из городского совета вместе с его помощниками, а также нескольких независимых мастеров счета, ведущих дела зажиточных купцов. По велению шаха к ним тут же были разосланы гонцы.

Вскоре счетоводы прибыли во дворец. Кирилл лично проинструктировал их, пообещав щедрое вознаграждение. Более того, он закинул «наживку», сообщив, что должность главного

казначея в ближайшее время может освободиться, и самый прилежный из них имеет все шансы занять это почетное место. Разумеется, Кирилл понимал: доверять им в полной мере пока нельзя, но нужно было с чего–то начинать, формируя костяк из новых людей. Кто из них останется верным соратником, а кто окажется случайным попутчиком – покажет время. Сейчас же нужно было двигаться вперед.

Отпустив старика и отправив аудиторов разгребать финансовые дебри, Кирилл велел позвать Ариаша и его доверенное лицо. Когда начальник стражи вошел, Кирилл не смог скрыть изумления: рядом с великаном снова шла его жена.

– Неужели ты и есть тот самый свидетель? – выдохнул он.

Пантея ответила ему прямым, твердым взглядом. Это был дерзкий жест – подданные Кирилла обычно почтительно опускали глаза, – но в ее случае это не вызывало гнева, лишь невольное удивление.

– Да, повелитель, – спокойно начала она. – И пусть вас это не удивляет. Я родом из тех мест, где караванный путь сужается до тесного горного «бутылочного горлышка». Мое селение находится всего в одном фарсахе от того ущелья. С детства я любила горы и охоту, часто пропадая среди скал в погоне за горными баранами. В тот день, когда я впервые увидела кровавую расправу, мне не повезло: я оступилась на камнях и сильно ушибла колено.

Пантея сделала паузу, словно вновь переживая тот момент.

– Охота была испорчена, и я ковыляла домой, часто останавливаясь, чтобы дать ноге отдых. В очередной раз присев на камни, я услышала звон упряжи, голоса погонщиков и топот скота. Караван шел совсем недалеко. Любопытство заставило меня забыть о боли. Я подползла к самому уступу скалы, откуда все ущелье было как на ладони. Это был богатый караван из Индии: не меньше сотни тяжело нагруженных верблюдов, десяток повозок, запряженных волами, и около сорока охранников: большинство пеших, с луками и копьями, и лишь несколько всадников впереди и позади колонны. Я присмотрелась к людям – среди них не было ни женщин, ни стариков. Чисто торговый караван, под завязку забитый товаром.

Пантея на миг замолкла, словно собираясь с духом, и продолжила:

– Сначала я даже не поняла, что происходит. Внезапно со всех сторон на караван посыпался град стрел. Люди в панике пытались прикрыться чем могли, прижимаясь к скалам ущелья. Уцелевшие охранники вскинули щиты, лихорадочно высматривая врага, но бойня длилась недолго. Вскоре все они уже лежали на земле, корчась в ожидании неминуемой смерти.

Она взглянула на Кирилла, и в ее глазах промелькнул холодный блеск.

– В этот миг к месту расправы выехал отряд. Это не была обычная бандитская шайка – на них были добротные кожаные доспехи, а действовали они слаженно, подчиняясь строгим командам. Разбойники ведут себя хаотично, эти же работали как отлаженный механизм. Я во все глаза разглядывала их предводителя. Высокий мужчина лет тридцати, рыжеволосый, в доспехах, окрашенных охрой и киноварью в цвет запекшейся крови. Главная примета – глубокий шрам, рассекающий лоб, бровь и уходящий вниз по щеке.

Пантея горько усмехнулась.

– Под его началом молодчики быстро обошли павших. Тем, кто еще подавал признаки жизни, хладнокровно перерезали глотки. После этого они, даже не глядя, что именно везут повозки, перегрузили часть тюков на лошадей, а на сами повозки сгрузили тела убитых. Накрыв этот жуткий груз плотными полотнищами, чтобы скрыть груз от чужих глаз, они двинулись дальше вглубь ущелья. Я не смогла проследить за ними – нога отозвалась нестерпимой болью при первой же попытке встать. Чем закончилась та история, мне не ведомо.

Пантея умолкла. Кирилл подался вперед, впившись в нее пристальным взглядом:

– Но что именно дает тебе право утверждать, что это были люди из пограничных войск?

– После той бойни я стала приходить к ущелью постоянно, – спокойно ответила она. – Караваны, в которых были женщины, дети и небогатый скарб, проходили беспрепятственно.

Минуло два месяца, и я уже решила, что та вылазка была случайностью, а моя затея – напрасной тратой времени. Но все повторилось. Очередной караван был вырезан тем же человеком со шрамом и его людьми.

Пантея коснулась пальцами рукояти кинжала на поясе, ее голос стал жестче.

– На этот раз я смогла проследить за ними. Миновав ущелье, отряд разделился. Часть людей с награбленным добром направилась прямиком в сторону пограничного гарнизона через открытую степь – за ними я не смогла бы идти скрытно. Но вторая группа, ведя повозки с телами, свернула обратно в горы. Примерно в половине фарсаха от места бойни они подошли к пещере, о которой не знала даже я, хоть и исходила эти горы вдоль и поперек.

Кирилл слушал, не шевелясь. Пантея продолжала:

– Они перенесли тела внутрь, завалили вход огромным валуном и прикрыли его диким плющом. Исцарапанный камнем грунт они присыпали палой листвой. Потребовалось всего полчаса, чтобы стереть все следы их страшной ноши. Сделав дело, они вернулись на тропу и отправились догонять товарищей. Теперь в горах спрятано целое захоронение, о котором никто не подозревает.

Пантея сощурила глаза, и в ее взгляде блеснула холодная сталь.

– В то время ко мне активно сватались женихи, – продолжала она. – Чтобы отвадить их, я поставила условие: пойду за того, кто одолеет меня в поединке. Многие пытали счастья, и молва обо мне разлетелась по округе. Однажды в наш дом постучался человек со шрамом. Он представился как Иргуш сын Артаферна – начальник восточного пограничного гарнизона. Скажи теперь, повелитель: есть ли у меня основания полагать, что в ущелье орудуют не простые разбойники, а люди из твоих собственных войск?

Кирилл на миг замер, невольно залюбовавшись ее силой и суровой красотой. На мгновение он даже потерял нить разговора, но, осознав, что пауза затянулась, ответил первое, что пришло на ум:

– Надо во всем разобраться.

Рассказ этой удивительной женщины – столь же прекрасной, сколь и опасной – заставил его глубоко задуматься. У него не было причин сомневаться в ее словах. Пантея была прямолинейна и бесхитростна; в ее речи не было ни тени лукавства или женской загадочности, лишь суровая мужская прямота и открытость воина.

Кирилл понимал: перед ним не просто свидетель. Перед ним человек, который сорвал маску с предателя, считавшегося его союзником. Поговорив с Ариашем и Пантеей, Кирилл отпустил их и занялся вопросами казны.

День Кирилла прошел в непрестанных заботах. Он лично посетил сокровищницу, чтобы узнать первые результаты проверки. Счетоводы работали быстро: выполняя приказ рассмотреть в первую очередь счета средств охраны, они уже к полудню подтвердили – средства из казны выделялись исправно. Но до воинов они не доходили.

Во второй половине дня стража притащила к шаху Сатирака. Опальный казначей, лишившись былой важности, ползал на коленях и слезно молил о пощаде. Под тяжелым взглядом Кирилла он признался: казенное золото он на несколько месяцев «ссудил» городскому ростовщику, рассчитывая вернуть его с процентами и набить собственный карман, пока солдаты сидели впроголодь.

Реакция Кирилла была мгновенной. Через полчаса в кабинет доставили ростовщика. Тот, понимая, что отпираться бессмысленно, подтвердил слова Сатирака.

– Верни деньги в казну. Все до единой монеты, включая те проценты, что ты обещал этому вору, – ледяным тоном приказал Кирилл.

Ростовщик попытался было заюлить, сетуя на то, что золото «в обороте» и собрать его быстро невозможно. Но стоило Кириллу вскользь упомянуть публичную казнь за соучастие в

государственном преступлении, как красноречие дельца иссякло. Он пообещал собрать, занять и «наскрести» все до последнего медяка, лишь бы принести выкуп немедленно. Кирилл остался доволен: справедливость восстанавливалась на глазах, а казна начинала наполняться за счет тех, кто привык ее обкрадывать.

Судьба же казначея была предрешена. Как только была проведена полная проверка всех расходов двора, Сатирак был лишен должности. Его имущество было конфисковано в казну, а сам он был сослан рабом на окраину, где отныне должен был провести остаток своей жизни, искупая содеянное им преступление.

****

Спустя неделю пути караван, измотанный сухим зноем пустыни, наконец раскинулся под тенистыми пальмами благословенного оазиса. Путь предстоял еще долгий, но Кассандана боялась промедления. Она вошла в шатер, где в глубокой прострации находилась Фируза. Волшебница коснулась лба ифритки рукой с магическим кольцом и негромко произнесла заклинание.

Фируза встрепенулась, выходя из оцепенения, и уставилась на свою пленительницу пронзительным взглядом огненных глаз.

– Ты хочешь свободы? – спросила Кассандана.

– Спрашиваешь... – злобно процедила та сквозь зубы.

– Я могу освободить тебя, но с одним условием: ты сослужишь мне службу. Твоя свобода взамен свободы другого человека.

Кассандана умолкла, выжидая. Ифритка вяло посмотрела на свои руки. Состояние кожи удручало: пыль и пески пустыни иссушили её, забились в поры и сделали грубой. Ей вдруг до боли захотелось в роскошную царскую купальню. Туда, где умелые рабы сначала распарили бы её тело, натёрли масляными благовониями и очищающей глиной, а затем жёсткими матерчатыми киссами и бронзовыми скребками-стригилями сняли бы въевшуюся грязь вместе с омертвевшей кожей. Ей грезилось, как умастители тщательно втирают в неё драгоценное розовое и миндальное масло, возвращая телу былую мягкость и упругость. О да, она жаждала свободы... но какой ценой?

– Что за человек такой, ради которого ты готова выпустить на волю опасного демона? – спросила Фируза, подняв на Кассандану янтарные глаза, в которых медленно разгорался огонь неутолимых страстей. – И почему ты, великая волшебница, не можешь освободить его сама? Ты ведь сильнее меня...

– Дело не в силе, – ответила Кассандана. – Дело в твоей природной способности пленить душу. Тебе придется противостоять не просто человеку, а магу, равному мне по могуществу. Я не могу сразиться с ним открыто... – она запнулась. – Нас наставлял один учитель, и мы владеем одной магией.

– Ха! – язвительно отозвалась Фируза. – И что помешает ему разглядеть во мне ифрита? Ты ведь увидела, а значит, я к нему и на шаг не подступлюсь.

– Постой... Я почуяла тебя по твоим магическим способностям. Но... – Кассандана помедлила, прежде чем продолжить. – Я заберу их... Я лишу тебя магической силы, оставив лишь твою демоническую сущность. Она находится за гранью ведомого нам колдовства, а потому неуловима для магов.

– Ты издеваешься?! – Брови Фирузы бешено взметнулись вверх, лицо исказилось от презрения и злости. – Ты хочешь лишить меня силы и называешь это свободой?

– Именно, – спокойно и уверенно отрезала Кассандана. – У тебя есть выбор: остаться рабыней кольца, приходить по моему зову и исполнять мои прихоти до конца моих дней, а потом служить новому владельцу – и так до скончания времен. Или получить полную свободу тела и духа, потеряв лишь колдовской дар, но не сущность демона. Да, это досадно, но ты прекрасно справишься и без магии.

– А почему ты думаешь, что я, получив свободу, не предам тебя и не переметнусь к этому... магу? – прошипела Фируза. Разум шептал ей, что доводы волшебницы логичны и «худая» свобода лучше вечного рабства, но демоническая гордость требовала огрызнуться.

– Потому что ты не получишь свободы, пока пленник не будет на воле, – парировала Кассандана. – Ты просто не сможешь меня предать, а когда выполнишь поручение – предательство станет тебе невыгодно. Чтобы ты не сомневалась в моей честности, мы скрепим сделку дого-

вором на крови. Как только ты исполнишь свою часть, я тебя отпущу. Более того, если проявишь ум, ты станешь царицей огромного государства, и над тобой не будет власти ни мужа, ни иного мужчины...

Фируза выразительно вскинула бровь. Власть! Это именно то, чего она жаждала в гареме шаха Аншана. Ее мать была владычицей, пока родной брат не пошел на предательство. В тот миг она потеряла все, и даже месть не вернула ей трон. Что ж, быть может, судьба дает ей второй шанс? Аградат остался далеко позади, а впереди мерцало новое царство.

– А с чего ты взяла, что мне удастся подобраться к этому царю–колдуну так близко, чтобы завладеть его душой? – скривила губы в злой ухмылке Фируза.

– Потому что я продам тебя в его гарем, – просто ответила Кассандана. – А дальше ты все сделаешь сама... С твоими–то талантами!

– Продашь?! – Фируза снова скрипнула зубами. – Посмотри на меня! На меня сейчас без слез не взглянешь: кожа огрубела, волосы потускнели, я исхудала, и мои формы уже не так пленительны, как прежде!

– Не переживай. Как только прибудем в Чолу, тобой займутся лучшие массажисты, каких только можно найти. Мои зелья быстро вернут твоему телу трепетную нежность. Поверь, я заинтересована в твоем успехе не меньше тебя самой. Ты понимаешь это?

– Чола? Где это?

– В Маскуте, – ответила Кассандана. – Это большое и сильное государство. Оно тебе понравится, ведь оно куда обширнее того, которым ты пыталась завладеть.

Кассандана предпочла умолчать о том, что, прочитав судьбу в глазах царя Аградата, она уже знала о грядущем величии его «маленького» царства. Фирузе незачем было знать ни об этом, ни о трагических последствиях, которые ожидали ее и шаха Аградата–Кира, ни о том, как туго переплелись их судьбы. Сейчас ифритку ждала новая жизнь, где ей предстояло самой пробивать дорогу к вершине.

– Ну что? По рукам? – спросила Кассандана, чувствуя, что аргументы иссякают. Ей нестерпимо хотелось снова усыпить пленницу и отдохнуть. Даже скованная чарами, Фируза продолжала сопротивляться магии, истощая силы волшебницы.

– Да–а–а... Пожалуй, – медленно произнесла Фируза. – Для меня это лучший исход.

Обрадованная согласием демона, колдунья проворно вскочила. Ее рука с кольцом уже коснулась лба ифритки, когда она прошептала напоследок: – А пока мы не добрались до места – отдыхай...

И Фируза вновь погрузилась в беспросветную пучину забытья.

Устало опустившись на дорожную циновку прямо перед Фирузой, Кассандана взглянула в потухшие глаза ифритки и тяжело вздохнула. Сеансы магии давались ей все труднее, а на восстановление сил уходило все больше времени. Нужно было действовать быстро, иначе ее схватка с царем–колдуном закончится полным поражением еще до того, как она успеет сделать первый ход.

Она задумчиво коснулась браслета на тонком запястье, соединенного изящной цепочкой с кольцом, и прошептала:

– Скоро ты будешь свободен. Я сделаю для этого все возможное... даже если...

Она резко прикусила губу, обрывая фразу. Кассандана отчаянно старалась не допускать до сознания мысль о том, какой может быть окончательная цена этой свободы.

Глава 11

В один из вечеров после кучи дел и хлопот, Кирилл отправился в покои – усталый, но довольный собой. Завалившись на топчан, он наткнулся рукой на мешочек с камнями и вспомнил о своих девушках из гарема. «А почему бы не позвать кого-нибудь?» – подумал он, запуская руку внутрь. На этот раз жребий пал на Гуль.

Вскоре девушка пожаловала к нему. Разодетая и умащенная благовониями, она буквально вплыла в комнату, сияя от счастья. В руках она несла блюдце... с конфетами.

При виде знакомого угощения лицо Кирилла вытянулось, а в подсознании мелькнула догадка. Однако он решил зайти издалека. Гуль поставила сладости перед ним и с довольным видом присела напротив.

– Испробуйте конфет... – начало было она, но Кирилл ее перебил, не дав закончить фразу:

– Сама приготовила?

Девушка слегка замялась, но все же ответила «да». Было заметно, что она сама их даже не пробовала: в ее глазах читалось сомнение, она боялась разгневать повелителя вкусовыми качествами подношения. Но для нее главное было – чтобы сработало «зелье». Именно эта вера заставила ее столь уверенно лгать.

Кирилл, не в силах больше сдерживать иронию и раздражение, резко встал с топчана. Он велел Гуль оставаться на месте, а сам, растревоженный подозрениями, направился к покоям наложниц. Миновав длинный коридор и прохладный сад с колоннадой, он ворвался в жилую часть гарема. Первой на его пути оказалась комната Шерин. Увидев повелителя, девушка почтенно склонилась, замерев в ожидании.

– Сегодня я проведу ночь в твоих покоях, – бросил Кирилл.

Это было необычно, но кто посмеет оспорить блажь шаха? Шерин, сияя от счастья, засуетилась, предлагая ужин и напитки. Кирилл сухо ответил, что достаточно будет вина и сладостей. Девушка тут же извлекла из сундука заветную тарелочку со знакомыми Кириллу конфетами.

– Сама готовила, – довольно промурлыкала она. – Попробуйте, мой повелитель.

Это стало последней каплей. Подозрения подтвердились окончательно. Кирилл резко отстранился и велел Шерин немедленно собрать всех девушек у фонтана, после чего стремительно вышел.

Спустя десять минут все наложницы, кроме оставшейся в покоях Гуль, испуганно толпились у воды. Они переглядывались, гадая, чем вызван гнев владыки. Кирилл заговорил медленно, чеканя каждое слово:

– Девочки мои, я вас всех люблю и ценю. Вы все для меня равны и одинаково желанны. Праздник, что вы устроили мне недавно, был великолепен... Но! – Он выдержал тяжелую паузу. – Пару дней назад Зэрин, сегодня Гуль, а несколько мгновений назад Шерин пытались накормить меня одними и теми же конфетами. Я требую ответа: что это за сладости? Учтите, мне ничего не стоит завтра же выставить вас за ворота и набрать новый гарем. Советую во всем признаться немедля.

Девушки замялись, испуганно перешептываясь. Наконец вперед вышла Шерин. Понимая, что ее застукали с поличным и отпираться бессмысленно, она решила облегчить свою участь чистосердечным признанием.

– Я купила эти конфеты у волшебницы, – тихо произнесла она, глядя в землю. – Я хотела обрести особую привлекательность в ваших глазах и... опередить соперниц.

Слово «приворожить» так и не было произнесено, но оно повисло в воздухе, давящее и отталкивающее неприглядностью поступка.

– Кто еще обращался к колдунье за подобной «услугой»? – ледяным тоном спросил Кирилл.

Девушки, потупив глаза, переминались с ноги на ногу.

– Ну же! – поторопил их он.

Одна за другой они начали медленно выходить из кучки, в которую сбились в начале его тирады. Вскоре на прежнем месте не осталось никого. Кирилл ошарашенно смотрел на них. Неужели все?!

От переполнявших его эмоций он лишь зло сплюнул и, круто развернувшись, пошагал прочь. Желание общаться с ними пропало окончательно. Опуститься до столь низкого способа, попытаться «окрутить» его магией вместо честного соперничества в остроумии или искусстве ласк... Такого он от них не ожидал.

Вернувшись в покои, он сухо велел Гуль убираться к остальным и в сердцах плюхнулся на топчан. Настроение было безнадежно испорчено. Только он разобрался с ифритом, как его собственный гарем устроил на него охоту с использованием «запрещенных приемов». Мрачные мысли роились в голове, а взгляд бесцельно блуждал по комнате, пока не наткнулся на столик.

Там стоял изящный маленький сосуд с водой – прощальный подарок Кассанданы.

«Так я же могу с ней поговорить!» – вспыхнула в голове догадка. Схватив сосуд, Кирилл поспешил к ближайшему фонтану. «Она говорила – в проточную воду. А в фонтане она чем не проточная?»

Велев страже держаться поодаль, он присел на мраморный бортик и осторожно уронил пару капель из склянки в стекающие струи. Сначала ничего не происходило. Кирилл уже решил, что магия не сработала, и собрался уходить, как вдруг заметил: вода в месте падения капель вспенилась, будто закипая. Мелкая водяная взвесь поднялась над чашей, образуя густой туман. Клубы пара росли, пока не вытянулись в призрачный столб.

Водяной вихрь завращался, обретая очертания женского силуэта. Еще мгновение – и перед ним возникло прозрачное изваяние Кассанданы. «А чего я ждал? Что она явится во плоти?» – иронично подумал Кирилл.

Тем временем водяная дева открыла глаза и заговорила:

– Ты звал меня, шах? Тебе нужна помощь?

– И да, и нет, – ответил Кирилл. – Я звал тебя, но не за помощью, а за ответом. Мой гарем наперебой потчует меня «приворотными» конфетами. Факт малоприятный. Зачем ты продала им их?

Кассандана печально и одновременно лукаво улыбнулась:

– Они не приворотные. Обычные сладости, купленные на городском рынке. Твои девушки так жаждали магии, что я просто дала им ее.

– Но это же чистое шарлатанство, тебе не кажется? – возмутился он.

– Тебе было бы лучше, если бы они тебя приворожили по–настоящему? – парировала волшебница.

– Нет, но можно было просто отказать им.

– Они почувствовали силу магии благодаря Фирузе, и их было уже не остановить, – мягко ответила Кассандана. – Не найдя помощи у меня, они стали бы искать зелья за стенами дворца, через евнухов и стражу. Кто знает, чем бы они попотчевали тебя тогда, повелитель? Моя хитрость преподала им урок, который они запомнят навсегда. Теперь ни одна из них не попытается купить твою любовь нечестным способом – тем, что ломает человека и подавляет его волю. Я помогла и им, и тебе.

Водяная дева улыбнулась искристой улыбкой. Зрелище было невероятным: капли воды, формирующие ее тело и одежды, сверкали в лунном свете, и Кассандана казалась отлитой из чистого серебра.

– А как же горшочек с бальзамом? – вспомнил Кирилл.

– О, в нем тоже мало магического. В его составе лишь выжимки из трав, тонизирующих тело и дух. Им можно пользоваться, когда ты обессилен и нуждаешься в энергии.

– Но я чувствовал возбуждение! – возразил он. – В следующий раз будет так же?

– Возбуждение рождается в мозгу, – глаза водяного изваяния заискрились новыми лучами. – Оно было лишь проекцией окружающей тебя действительности. Пользуйся бальзамом спокойно, я не причиню тебе вреда.

Кирилл в замешательстве покачал головой:

– Так магия... хоть какая–то магия во всем этом была?

– Была – для вас, – загадочно ответила Кассандана. – Для меня же это лишь естественные процессы, совмещенные с умением направлять силы Вселенной.

– А что же Фируза? – спросил Кирилл.

– Фируза – ифрит. Она рождена с врожденным умением управлять силами природы, это ее естество.

– Что ее ждет? – слегка замявшись, поинтересовался он.

– Скоро она будет продана в гарем великого владыки и опасного мага.

– Как же так? – изумился Кирилл. – Ты дашь ей свободу?

– И да, и нет, – Кассандана снова улыбнулась водяными губами. – Ей предстоит сложнейшая миссия. Я лишу ее магических сил, оставив лишь природное демоническое начало. Это ее плата за право быть свободной.

– Миссия?

– Да. Помнишь, ты звал к себе старого мага, а явилась я? Салем ибн Дауд – мой учитель. Он давно отошел от дел и жил затворником, пока однажды не услышал зов о помощи, летевший из глубин пустыни. Как человек доброго сердца, он не мог не откликнуться. Отправившись на зов, он нашел подростка, прятавшегося среди скал. Его семья лежала неподалеку – тела уже начали иссыхать под солнцем. Разбойники погубили всех, и лишь мальчишке чудом удалось уцелеть. Салем забрал его к себе, но пережитая утрата породила в сердце сироты непроглядную тьму. Он рос агрессивным, вспыльчивым и не ведал пощады.

Кассандана на мгновение замерла, и струи воды в ее теле задрожали.

– Салему тогда было уже более четыреста лет. Он был стар и одинок. Мальчик, которого звали Калеб, показался ему знаком свыше. Старик начал обучать его, стараясь зародить в его душе свет и любовь ко всему сущему. Но Калеб жаждал лишь силы и власти, чтобы навести в мире свой порядок. Поняв, что мальчик не годится в преемники, Салем прекратил обучение. Потом в доме Салема появилась я с кормилицей и Салем перенаправил все свои силы на обучение меня. Это очень не понравилось Калебу и, выждав момент, когда учитель снова отправится в пустыню спасать пораженный болезнью караван, Калеб выкрал ценные свитки и сбежал. Он ушел далеко на север, где нашел черного колдуна творящего друдж. Не знаю, на каких условиях они договорились, но Калеб стал его учеником в обмен на знания из украденных свитков.

– Шло время, я подрастала. Вернуть украденные свитки должна была я, когда завершу обучение. Так бы и случилось, если бы не жажда Калеба завладеть древним артефактом власти над демонами, который хранил мой учитель. Обманом и коварством Калеб проник в наш дом. Он околдовал Салема темными друджскими чарами, смешав их со знаниями из украденных свитков. А меня... еще неопытную девчонку он просто лишил силы.

Водяная фигура Кассанданы на мгновение подернулась рябью, словно от боли.

– На этом все могло и закончиться. Я осталась одна в разрушенной обители, мечась между отчаянием и злостью. Но однажды я уснула у сундука учителя, и во сне ко мне явился Салем. Он указал на грот за домом, откуда бил пресный ручей. Проснувшись, я бросилась туда. Я

долго ощупывала каждый камень, пока не заметила на замшелом валуне знак, которым учитель обозначал мое имя. Посторонний прошел бы мимо, но для меня она сияла, как маяк.

Кассандана подняла прозрачную руку, указывая на воображаемый браслет.

– Стоило мне коснуться руны, как вода забурлила и выбросила к моим ногам наруч с кольцом. Я надела его, и почувствовала, как магия возвращается в мои жилы. Теперь я знала, что делать. Я коснулась камня снова, и поток вынес мне второе кольцо – Салемову печать. Тот самый артефакт, который так жаждал Калеб. Только с его помощью я смогу вызволить учителя из плена.

– А потом пришла весть от твоего гонца, о владыка, – продолжала Кассандана, – и я поняла, что сама судьба ведет меня. Я умолчала о многом, иначе ты ни за что не отдал бы мне ифритку. А теперь она станет наложницей Калеба и похитит его душу.

–Калеб захватил трон? – уточнил Кирилл.

– Да. И этот трон вероятно достанется Фирузе, когда она разделается с ним.

– А его магическая сила? – Кирилл был не на шутку заинтригован. – Она не получит ее вместе с его душой?

– Нет. Колдун может передать силу только по своей воле, находясь в здравом уме. Но Фирузе, чтобы захватить власть, придется лишить его этого самого рассудка. Калеб не из тех, кто делит трон, а Фируза не станет мириться с ролью его тени. Мой расчет верен.

Водяная фигура начала понемногу терять четкость, капли воды все чаще срывались вниз, возвращаясь в чашу фонтана.

– Есть ли у тебя еще вопросы, о владыка? – тихо спросила она.

Мысли Кирилла смешались. Грандиозность планов волшебницы ошеломила его, и он задал единственное, что по–настоящему волновало его в этот миг:

– Мы еще встретимся, когда-нибудь... по–настоящему?

– На все воля Ахура Мазды, – ответила Кассандана.

Спустя мгновение после того, как прощальные слова сорвались с губ Кирилла, водяной столб потерял скрепляющую его магическую силу и с шумом обрушился в чашу фонтана. Мириады брызг разлетелись по мрамору, и все стихло.

Впечатленный разговором, Кирилл направился к себе. Его шаги гулко отдавались в пустых галереях дворца. По дороге он принял окончательное решение: он простит своих девушек, но завтра же объявит им свою волю. Отныне любые попытки прибегнуть к магии или хитроумным снадобьям для завоевания его расположения будут караться немедленным изгнанием из гарема. Ему не нужны были эти игры в магию, купленную у рыночных гадалок; он жаждал искренности, какой бы редкой она ни была в этих стенах.

Теперь, когда магические туманы рассеялись, перед ним во весь рост встали земные проблемы: вероятное предательство Катешдата и пустая казна. С этими мыслями он переступил порог своих покоев, готовый к короткому сну перед новыми решениями.

Глава 12

Наконец из Мидии прибыл Гарпаг. Пышный караван вошел в Аншан, и как только люди были размещены, а суета обустройства утихла, вельможа явился во дворец.

Кирилл с затаенным интересом разглядывал человека, которому суждено было сыграть ключевую роль в его судьбе. Он знал: именно этот мужчина однажды преподнесет ему ключи от мидийского царства. Но, как и при каких обстоятельствах это случится теперь? История переписывалась на ходу. Все, что будет создано и сохранено при Кире Великом, спустя века уничтожит пламя пожаров Александра Македонского... Но такова воля судеб: все мы лишь пылинки на ветру, который несет нас по жизни. Куда и зачем – ведомо лишь Творцу...

Перед Кириллом предстал статный мужчина лет пятидесяти с благородным профилем и точеными чертами лица. Было в его облике нечто, что мгновенно цепляло взгляд, но Кирилл никак не мог уловить – что именно. Какое–то до боли знакомое чувство, будто они уже встречались в другой жизни.

Гарпаг учтиво поклонился, приветствуя Кирилла–Аградата со всем почтением, подобающим царям. После обязательных слов приветствия он попросил соизволения преподнести дары. Кирилл кивнул.

В зал вошла девушка – хрупкая, изящная, словно тростинка. В руках она бережно несла сверток дорогой ткани. Опустившись на колени перед троном, она положила подношение у ног царя и распростерлась в глубоком поклоне.

Кирилл наблюдал за этой сценой с непроницаемым лицом. Девушка была ослепительно красива и, очевидно, сама являлась частью подарка. Но Кирилл почуял подвох. Выдержав паузу и даже не взглянув на рабыню, он указал на сверток и прямо спросил Гарпага:

– Что в нем?

В глазах Гарпага на мгновение мелькнуло удовлетворение. Кирилл понял: он прошел проверку. Этот умный и проницательный человек ждал именно такой реакции – интереса к сути, а не к плоти. По знаку Гарпага девушка развернула ткань.

Перед Кириллом предстала книга в чудесном переплете, инкрустированном золотом и драгоценными камнями.

– Это одна из древнейших рукописей, сохранившихся с допотопных времен, когда миром правили великие Боги-титаны, – негромко произнес Гарпаг. – Эта книга стоит целого царства.

Кирилл протянул руку, и девушка подала ему фолиант. Он коснулся пальцами холодного золота оклада, где в причудливом танце переплетались фигуры людей, животных и трав. Мастерство древних создавало сложнейший сюжет – гимн гармонии человека и природы.

Кирилл осторожно открыл книгу. От удивления его брови поползли вверх – он не верил собственным глазам. Он медленно провел подушечками пальцев по листу, поддел край и слегка потер его. Листы напоминали шелк, но были жестче и плотнее. Это не был грубый пергамент, папирус или береста. Это была почти настоящая бумага – гладкая, идеально выделанная, тонкая и почти прозрачная на свет, но при этом невероятно прочная. Такая, какой он помнил ее в своем двадцать первом веке.

Потрясенный, Кирилл поднял взгляд и столкнулся с ободряющим взором Гарпага. Было видно, что мидиец и сам разделяет этот почти религиозный восторг перед древним артефактом.

– Поистине королевский подарок, – выдохнул Кирилл, едва сдерживая нахлынувшие эмоции.

– Девушка – тоже мой дар вам, – негромко продолжил Гарпаг. – Вы вольны распоряжаться ею по своему усмотрению. Но знайте: ее имя – Ше–хан, и она в совершенстве знает все яды,

существующие в подлунном мире, и она способна найти противоядие к любому из них. Шехан будет верна и исполнительна, шах, и сослужит вам добрую службу.

Гарпаг умолк и почтительно склонил голову. Он выполнил то, что задумал, и, судя по всему, получил желаемый результат. В душе полководец ликовал: Аградат не оказался очередным праздным царьком, жаждущим лишь вина и плоти. Перед ним был человек глубокого ума и, возможно, великого таланта.

Проявив гостеприимство, Кирилл осведомился, как разместили гостя и не нуждается ли его свита в чем–либо. Прежде, чем Гарпаг ушел отдыхать, они договорились: отныне каждый день в послеполуденный час они будут встречаться во дворце для долгих личных бесед.

****

С тех пор как Кирилл попал в этот мир, прошло уже несколько месяцев. Мысли о том, как выживать и планировать свою «новую» жизнь, поглотили его с головой.

«Итак, это мир, в котором прав тот, кто силен и богат, – рассуждал он, меряя шагами рабочие покои. – Чтобы удержаться на плаву, нужно наполнить казну и сделать армию надежной».

Но во всем этом был один огромный изъян: Кирилл сам должен был быть воином. И если настоящий Аградат с пеленок не слезал с коня, не выпускал из рук меч и лук, то городской житель Кирилл провел юность за книгами. В его багаже была лишь секция айкидо, куда родители водили его для «всестороннего развития», но те навыки были бесконечно далеки от кровавой резни бронзового века. В этой реальности ему предстояло заново подчинить себе тело: освоить владение оружием, научиться бить в цель из тугого лука и уверенно держаться в седле.

Взгляд Кирилла замер на подставке, где покоился царский акинак. Он подошел и впервые взял его в руки. Лезвие пряталось в ножнах из качественно выделанной кожи, богато украшенных золотой филигранью и россыпью рубинов и изумрудов. От ножен тянулись изящные ремешки с кольцами для крепления к поясу.

Кирилл вытянул клинок. Сталь хищно блеснула, отражая солнечные лучи, бившие из высокого окна. Он замер, пытаясь поймать баланс, и встал в стойку.

«Ну же, Аградат, помоги мне!» – прошептал он и резко взмахнул акинаком, пытаясь парировать воображаемый удар.

Взмах вышел неуклюжим и нелепым. Кирилл со стыдом вспомнил «дуболомов», за которыми наблюдал на тренировочной площадке пару дней назад – даже они двигались увереннее.

«Но что же делать?! – в отчаянии подумал он. – Я не могу прийти к наставникам и сказать: "Учите меня", ведь для них я – опытный боец. Это знание нельзя просто вычитать в свитке, оно передается от учителя к ученику через пот и кровь. Как же мне быть?!»

«Нужно действовать как владыка, – решил Кирилл, убирая акинак обратно в ножны. – У меня есть на это полное право. Я буду посещать тренировки моей охраны, но не как ученик, а как суровый цензор. Тренировки гвардии проходят два раза в день – утренние и вечерние, я могу посещать по обстоятельствам любые из них, а потом в одиночестве отрабатывать приемы».

План созрел мгновенно. Ему нужно было организовать во дворце потаенное место для тренировок – скрытую от посторонних глаз комнату или внутренний дворик, доступ куда будет иметь только он. Там, укрывшись от всех, он будет до седьмого пота оттачивать все, что подсмотрит у профессиональных воинов на плацу.

«Сначала я заставлю тело подчиняться, – рассуждал он. – А когда мышцы вспомнят забытую память Аградата или я сам обрету хоть какую–то уверенность, тогда можно будет вызывать на учебные поединки и других. Но не раньше. Ошибка сейчас будет стоить мне головы».

Кирилл подошел к окну, глядя на внутренний двор, где гвардейцы как раз заканчивали развод. Теперь он смотрел на них иначе – не как на декорацию, а как на живой учебник по его собственном выживанию в этом древнем мире.

****

Кирилл решил, что медлить нельзя. И поэтому на следующее утро, облачившись в легкий кожаный панцирь и закрепив тот самый акинак на поясе, он вышел на тренировочную площадку.

Зной еще не успел опуститься на город, но в воздухе уже стоял запах пыли, пота и нагретого металла. Гвардейцы, завидев царя, на мгновение замерли, а затем синхронно ударили кулаками в грудь. Кирилл прошел мимо них с каменным лицом, стараясь, чтобы его походка была твердой, а взгляд – тяжелым. Он не приветствовал их – царь не обязан всем кивать, он просто встал у края площадки, скрестив руки на груди, и жестом велел продолжать.

Начались учебные бои. Кирилл внимательно, почти жадно следил за тем, как воины ставят ноги, как переносят вес при ударе, как работают при этом кистью. Его мозг аналитика из XXI века фиксировал закономерности, которые сами воины выполняли инстинктивно.

«Так, – отмечал он про себя, – удар щитом идет сразу за выпадом. Центр тяжести ниже. Кирилл, прочувствуй это...»

В какой–то момент один из молодых офицеров, желая выделиться перед царем, свалил противника эффектным подсекающим ударом и, тяжело дыша, обернулся к Кириллу, ожидая похвалы.

Кирилл выдержал долгую, гнетущую паузу.

– Красиво, – произнес он наконец, и его голос прозвучал неожиданно холодно. – Но в настоящем бою ты был бы уже мертв. Ты открыл левое плечо на мгновение дольше, чем того требует замах. Твой враг не будет ждать, пока ты закончишь свой танец.

Гвардейцы озадаченно переглянулись. Офицер побледнел. Кирилл же, не дав им опомниться, резко развернулся и ушел. Он понимал: его блеф сработал. Он указал на ошибку, которую подсказала ему элементарная логика, и теперь в глазах солдат он выглядел не просто воином, а мастером, который видит скрытое.

Вернувшись в свои покои, он задумался о том, где он будет тренироваться. В его распоряжении был огромный сад, по которому слуги не перемещались без его на то позволения – идеальное место для уединения. Если долго двигаться по одной из дорожек, то можно выйти на полянку с широкой, но ровной площадкой, на которой росла невысокая сочная трава. Он решил, что именно туда и будет ходить.

Там в тишине, нарушаемой лишь его собственным дыханием и пением птиц, он начал повторять те движения, что подсмотрел на плацу. Сначала медленно, почти неуклюже. Рукоять акинака непривычно холодила ладонь, а мышцы, не привыкшие к подобным нагрузкам, быстро начали ныть.

«Тише, – уговаривал он себя, – не торопись. Ты не Кирилл, ты – Аградат. Твое тело должно вспомнить этот вес».

Он снова и снова делал выпад, стараясь держать то самое левое плечо, о котором говорил офицеру. В этой добровольной изоляции он чувствовал себя в безопасности: здесь никто не видел его слабости, его пота и его ошибок. Только старые кипарисы и густые кусты алычи были свидетелями того, как человек из будущего пытается срастись с телом древнего воителя.

****

После занятия, приведя себя в порядок и смыв следы тренировки, Кирилл вернулся в помещение для аудиенций. Гарпаг уже ждал его, созерцая барельефы на стенах. При появлении царя он неспешно, с грацией старого хищника, поднялся.

– По дворцу ползут слухи, шах, – негромко начал Гарпаг, внимательно глядя Кириллу в глаза. – Говорят, сегодня утром на плацу воины увидели не просто царя, но судью, чей взор острее их мечей. Ты напугал их, Аградат. Но страх – это хорошая почва для верности, если в нее вовремя бросить семя надежды.

Он сделал паузу, словно приглашая Кирилла к разговору.

– Правитель Астиаг тоже умеет внушать страх, – продолжил Гарпаг, – но он забыл, что такое надежда. В Экбатанах душный воздух, шах. Там все ждут сквозняка, который принесет перемены.

Кирилл медленно подошел к оконному проему и выглянул во двор. Он не спешил с ответом, давая тишине «настояться».

– Страх – это всего лишь упаковка, Гарпаг, – наконец произнес Кирилл, не оборачиваясь. – Под ней может оказаться как золото, так и гниль. Мои воины должны понимать, что я вижу их огрехи не потому, что хочу их наказать, а потому, что не желаю им смерти. Мертвый воин не приносит победы своему царю.

Он на мгновение замолчал, подбирая слова, которые могли бы значить все и ничего одновременно.

– Ты говоришь о сквозняках и переменах, – продолжил Кирилл, чуть повернувшись к Гарпагу, – и я понимаю, о чем речь. Старые деревья дают густую тень, но их корни порой подтачивают землю, на которой они стоят. Экбатаны велики, и воздух там действительно тяжел – от ароматов благовоний и... усталости. Но и сквозняки опасны: они могут принести свежесть, а могут сорвать крышу с дома.

Кирилл повернулся к Гарпагу и посмотрел на него с легким, почти неуловимым прищуром.

– Старые деревья и сквозняки – это все поэзия, Гарпаг. А жизнь шаха – это проза, – произнес Кирилл, подходя ближе к собеседнику. – Ты привез мне бесценный фолиант, и я благодарен тебе. Но пока мудрость древних спит под золотым окладом, моим людям нужно есть, а моим воинам – уметь держать строй.

Он выдержал короткую паузу, давая Гарпагу понять, что у него свои правила игры: Кирилл не собирается быть ведомым.

– Аншан – это не Экбатаны. Мы беднее, но наши люди крепче, если знают, за что проливают кровь. Сегодня я видел свою гвардию: они храбры, но их храбрость – это ярость одиноких волков, а не сила стаи. Чтобы дерево выстояло в бурю, о которой ты говоришь, его ствол должен быть монолитом.

Гарпаг внимательно слушал, и в его глазах читалось растущее уважение. Кирилл продолжал:

– Ты видел множество сражений и знаешь, как превратить толпу в сокрушительный молот. Мне не нужны советы о том, как свергать царей. Мне нужны советы о том, как построить войско, которое не дрогнет, даже если небо упадет на землю. С чего бы ты начал, если бы тебе пришлось ковать этот молот здесь, среди этих скал?

Гарпаг склонил голову, принимая этот новый, деловой тон.

– Железо куется в огне, шах, – ответил он уже без метафор. – Если ты хочешь армию, которая станет твоей волей, начни не с мечей, а с порядка. В Мидии воины сражаются за плату или из страха. В Аншане они должны сражаться потому, что каждый из них – часть тебя.

Нужны порядок и дисциплина. При формировании нового войска я бы начал с десятичной системы: десяток, сотня, тысяча. И у каждого – свой командир, отвечающий за исполнение приказов головой.

Кирилл чуть заметно кивнул. Десятичная система – это то, что он помнил из учебников истории. Просто, эффективно, дисциплинированно.

– Порядок – это скелет всего, Гарпаг. Но кости без мяса не двигаются, – произнес Кирилл и отошел к тенистой части комнаты. – Мои люди привыкли к набегам и быстрым схваткам. Они не знают, что такое стоять стеной под градом стрел. Чтобы реформа не вызвала ропота, она не должна выглядеть как прихоть. Она должна выглядеть как подготовка к великому будущему.

Он посмотрел на Гарпага в упор.

– Я хочу, чтобы ты помог мне составить новый устав для обучения. Начни с гвардии. Пусть другие видят, как меняются лучшие, и сами захотят стать такими же. Мы внедрим систему соревнований между сотнями. Лучшим – больше мяса и вина, худшим – лишние часы на плацу.

– Реформа армии – процесс не быстрый, он не делается за лунный цикл. Нам придется потратить много сил и терпения, не привлекая лишнего внимания.

– У нас есть время, – отрезал Кирилл. – Старейшины думают, что я занят охотой и женщинами. Пусть думают. Пока они делят пастбища в своих спорах, мы будем ковать костяк новой силы. Скажи мне, Гарпаг, сколько времени тебе нужно, чтобы превратить первую сотню гвардейцев в тех, кто умрет, но не отступит без приказа?

Гарпаг на мгновение задумался, поглаживая ухоженную бороду.

– Три луны, чтобы они научились ходить как один человек. И еще три – чтобы они начали этим гордиться.

Кирилл задумался. Армия – это не только дисциплина и навыки владения оружием, это еще и само оружие, и обмундирование: одежда и обувь. Воины одеты во что попало, обувь – сыромятные поршни, которые слабо приспособлены к походам. Все детали надо обдумать до мелочей... Форму придумали не для красоты: в ней глубокий смысл, в том числе идентификация — свой, чужой.

– Порядок и гордость – это хорошо, – произнес Кирилл, прохаживаясь вдоль колоннады. – Но, гордость не купит мечей, а порядок не заменит хорошего доспеха. Наши кузнецы делают хорошие ножи, но их мечи ломаются о мидийские пластины. Чтобы армия стала монолитом, мне стоит озаботиться кузнями, где будут ковать оружие профессиональные мастера, работающие по единому образцу. Я не хочу, чтобы у одного командира сотни меч был из доброй стали, а у другого – из хрупкой бронзы.

Гарпаг прищурился, оценивая глубину погружения Кирилла в детали.

– Ты прав, владыка. Копье – это продолжение руки воина. Если оно коротко, ты проиграл еще до начала боя. Можно нанять мастеров в верховьях, которые владеют секретом закалки, недоступным простому люду. Но для этого нужны средства и... терпение.

Кирилл остановился напротив Гарпага.

– Надо заняться рудниками. В горах на севере Аншана есть железо, но сейчас его добывают мало, ровно столько, сколько нужно для плугов. Я намерен создать закрытую зону – «Город Мастеров». Там будут стоять кузни, где каждый клинок будет коваться по одной технологии, которую я... – он едва не сказал «знаю из будущего», но вовремя поправился, – ...которую я нашел в древних свитках. Но на развитие войска все равно нужно золото.

Гарпаг внимательно слушал, и в его глазах блеснул интерес профессионального заговорщика.

– Золото – это кровь войны, шах, – мягко заметил он. – Мидяне считают Аншан нищим. Они думают, что персы умеют лишь пасти овец, делать сыр и прясть шерсть.

Кирилл кивнул:

— Мы исправно платим Экбатанам шерстью и скотом, Гарпаг. Астиаг доволен нашей бедностью. Бедность покорна, она не поднимает руку в свою защиту.

Гарпаг хмыкнул:

– Но, откуда еще достать золото?! Если ты наложишь новые налоги, старейшины поднимут вой, который услышат даже в Экбатанах.

– Один большой золотой поток нам не получить, но можно собрать его из маленьких ручейков. Главный способ накопления денег в казну – это торговля. Через перевалы Загроса проходит важный торговый путь с побережья великого моря к Сузам. Мы перекроем южные тропы. Да, Сагартия на востоке чужая, а Гедросия — мертва. Но купцы, что везут морской ладан и жемчуг с теплых вод Юга, все равно прижимаются к нашим горам, чтобы не погибнуть в солончаках. Мы заставим их платить за проход не овцами, а слитками серебра.

– Охрана дорог – это разумно. Но тут надо быть осторожней, кто-то из старейшин, чьи племена находятся на землях караванных путей уже приложил руку к этим деньгам. К тому же караваны – это деньги хоть и быстрые, но не большие. – возразил Гарпаг.

– Наша казна — под нашими ногами, – Кирилл задумчиво взглянул в окно на раскинувшиеся вдали горы. – Мы может начать активную торговлю с Сузами и Вавилоном. Сузы стоят на грязи и глине. У них есть зерно, у них есть финики, у них есть золото Вавилона. Но на их равнине нет ни единой жилы металла. Однако, медь и олово для бронзы есть здесь – в горах. Их надо только добыть. А еще наши горы богаты серебром. Мне стоит заняться тем, что дает наша местность и это не только трава для скота

Кирилл задумался, поглаживая подбородок и глядя на узорные плитки пола, а потом продолжил:

– Гарпаг, мне нужны не только воины. Мне нужны люди, которых не видно. Те, кто сидит в дешевых харчевнях, стоит у ворот и прислуживает в домах моих советников. Я хочу знать, о чем они шепчутся, когда допивают вторую чашу вина.

Гарпаг склонил голову в знак понимания.

– «Уши» за стенами порой важнее мечей в руках. У меня есть несколько преданных людей, которые прибыли с караваном. Они не знают местных, и их никто не знает. Но, они опытны в этом деле. Это идеальное начало. Но со временем тебе понадобятся свои – те, кто предан лично тебе, а не мидийскому гостю.

Они долго молчали, думая каждый о своем. Кирилл строил в голове планы, рисовал чертежи стройки. Вспоминал из прошлого «будущего» как в старину добывали металлы. Потом поднял взгляд на Гарпага и произнес:

– Что ж, железо в горах не будет ждать, и я намерен лично осмотреть рудники на севере. Мне нужно понять, сколько людей мы сможем там разместить, чтобы это не превратилось в шумный город, заметный для глаз лазутчиков.

Гарпаг кивнул, его взгляд стал деловым.

– Это разумно, повелитель. Нам нужно съездить к рудникам и оценить все на месте. Можем отправиться хоть завтра, если пожелаешь, владыка.

Кирилл почувствовал, как внутри все похолодело. Перед глазами всплыли мощные крупы лошадей, их непредсказуемый нрав и его полное отсутствие практики. Он понимал: если сейчас он попытается взобраться на коня перед Гарпагом и охраной, его политическая карьера закончится, не успев начаться.

– Завтра – нет, – отрезал Кирилл, сохраняя внешнее спокойствие. – У меня есть дела во дворце, которые требуют тишины. К тому же, я хочу, чтобы ты провел это время с первой сотней гвардейцев. Покажи им основы того строя, о котором мы говорили. Я присоединюсь к тебе через три дня. Этого времени хватит, чтобы подготовить поход без лишней суеты.

Гарпаг, искоса взглянул приподняв брови, но спорить не стал.

– Как прикажешь, повелитель. Твое терпение – залог нашей скрытности.

Когда Гарпаг удалился, Кирилл выдохнул. У него было ровно три дня, чтобы не опозориться.

****

Вечером, когда сумерки окутали дворцовый сад, Кирилл, накинув простой плащ, чтобы не привлекать внимания, направился к конюшням. Запах сена, навоза и разогретых за день конских тел ударил в нос. Он подошел к стойлу, где содержались личные скакуны царя.

Огромный вороной жеребец, завидев тень, всхрапнул и ударил копытом в деревянную перегородку. Кирилл замер.

«Так, – подумал он, чувствуя, как потеют ладони, – в роликах говорили, что лошади чувствуют страх. Главное – не подходить сзади и не делать резких движений. Аградат, если ты где–то там, внутри, дай мне хоть каплю своего ковбойского инстинкта...»

Он медленно протянул руку к морде коня.

– Ну, привет, друг, – прошептал он. – Нам с тобой нужно как–то договориться. От тебя зависит, доеду я до этих рудников царем или мешком с костями.

Кирилл стоял у стойла, вглядываясь в глубокие, как ночное небо, глаза вороного жеребца. Тот косил на него глазом, прядал ушами и недовольно фыркал, чувствуя исходящую от человека неуверенность. Это был не тот Аградат, к которому конь привык – от этого человека «пахло» иначе, его движения были осторожными, почти робкими.

– Спокойно, парень. Я – это он, просто... после контузии, – пробормотал Кирилл, стараясь выровнять дыхание.

Он вспомнил, что в мешочке у него припасено несколько кусочков сушеного инжира, прихваченного с ужина. Он положил лакомство на раскрытую ладонь, как учили в книгах его времени – плоская кисть, пальцы прижаты, чтобы случайно не прикусил.

– На, ешь. Это мирный договор.

Жеребец потянулся к руке, горячее дыхание обдало кожу Кирилла. Несколько секунд ожидания показались вечностью. Наконец, мягкие губы аккуратно слизнули плоды. Конь шумно захрустел, и его напряженная шея чуть расслабилась.

Кирилл решился. Он медленно поднял руку и коснулся мощного загривка. Шерсть была короткой и жесткой, а под ней чувствовалась стальная перекатывающаяся мускулатура. Животное вздрогнуло, но не отстранилось.

– Вот так... Хороший... – Кирилл начал медленно поглаживать коня, прощупывая теплое тело. Он заставил себя зайти в стойло, нарушая личное пространство зверя. Сердце бешено колотилось где–то в горле.

Кирилл взял висевшую на стене щетку из грубой щетины. Ему нужно было не просто погладить коня, а «присвоить» его себе, смешать их запахи. Он начал чистить бока жеребца, вкладывая в движения силу и мягкость. Сначала конь недовольно переступал ногами, но вскоре начал получать удовольствие от чесания.

Час пролетел незаметно. Кирилл весь покрылся конским волосом, от него разило потом и сеном, но страх постепенно сменялся азартом. Он чувствовал, как устанавливается эта странная, почти мистическая связь. Жеребец перестал воспринимать его как угрозу и даже позволил Кириллу на мгновение прижаться лбом к своей широкой морде.

«Один–ноль в мою пользу», – подумал Кирилл, выходя из конюшни. Но он понимал: подружиться на земле – это одно, а удержаться на спине этого урагана во время галопа по камням – совсем другое.

Глава 13

Второй день превратился в бесконечный марафон на выживание.

Утро началось с доклада советника. Тот выкладывал перед Кириллом свитки с делами общинных земель, но Кирилл больше следил за его руками и бегающим взглядом. Он подмечал, где старик запинается, а где слишком сладко поет... «Уши» Гарпага еще не начали работать, но собственное чутье уже вовсю сигнализировало о недосказанном.

Затем была встреча с народом – тяжелый ритуал в душном зале. Кирилл сидел на троне, стараясь сохранять маску царственного безразличия, пока просители жаловались на падеж скота и споры за межи. Для него это было проверкой на выдержку: не сорваться, не ответить по–современному, сохранить дистанцию.

В четыре часа он снова стоял на плацу. Солдаты под присмотром Гарпага работали слаженнее, чувствуя на себе взгляд царя. Кирилл молчал. Он впитывал ритм их движений, который позже, за кустами алычи на заветной лужайке, пытался воспроизвести до боли в суставах. Тело стонало, требуя отдыха, но разум гнал вперед – до выезда в горы оставалось всего два дня.

Когда же над Аншаном взошла луна, Кирилл, едва живой от усталости, снова проскользнул в конюшню.

Жеребец встретил его тихим фырканьем – узнал. Кирилл притащил тяжелую попону и кожаное седло.

– Ну, давай попробуем, – прошептал он, закидывая попону на спину коня. – Только не взбрыкивай, пожалуйста, друг!

Процесс запрягания оказался тем еще квестом. Ремни путались, пряжки не поддавались, а жеребец нервно переступал ногами, чувствуя неумелость рук хозяина. Спустя полчаса борьбы и тихих проклятий, седло было закреплено. Кирилл вывел коня в темный внутренний дворик, где тени были достаточно глубокими, чтобы скрыть его позор.

Пройдя пару кругов шагом, ведя коня под уздцы, Кирилл понял: пора.Он ухватился за луку седла, поставил ногу в стремя и, собрав всю волю в кулак, рывком забросил тело на спину зверя.

Мир под ним качнулся. Высота показалась огромной, а живое тепло под бедрами – пугающим. Жеребец прянул ушами и сделал резкий шаг вперед. Кирилл инстинктивно вцепился в гриву.

– Тише, тише... – выдохнул он, пытаясь поймать равновесие. – Ты же не хочешь, чтобы твой царь свалился как куль с мукой?

Он попробовал выпрямить спину, вспоминая осанку гвардейцев. Ему нужно было не просто сидеть, а срастись с этим зверем. К концу ночи он смог заставить коня пройти несколько кругов рысью, не вылетев из седла, хотя каждое движение отдавалось огнем в перенапряженных мышцах.

****

Третий день стал проверкой на крепость нервов. Кирилл понимал: если он возьмет с собой целую сотню гвардейцев, об этом узнает каждый торговец на рынке, а через пару недель – и сам Астиаг в Экбатанах. Но ехать в горы вдвоем с Гарпагом было бы безумием.

– Мы поедем малым отрядом, – объявил Кирилл Гарпагу во время их последней перед выездом беседы. – Лишние глаза нам ни к чему. С нами будет Ариаш и Пантея.

Гарпаг едва заметно приподнял бровь, услышав имя Пантеи. В этом мире женщина в таком походе – редкость, если только она не рабыня. Но он промолчал, считав решимость в глазах царя.

Весь остаток дня Кирилл посвятил изучению карты – грубого куска пергамента, где горы были обозначены лишь общими контурами. Пантея, вызванная в его рабочие покои, пальцем прочертила путь:

– Здесь старые тропы кочевников, шах. Они заросли, но конь пройдет. Если пойдем по ним, нас не увидят с главных дорог. Но там коварные осыпи, нужно держать ухо востро.

Кирилл слушал ее, а сам краем глаза наблюдал за Ариашем, который проверял снаряжение. Гигант был молчалив, как скала, но его присутствие давало Кириллу ту самую уверенность, которой ему так катастрофически сейчас не хватало.

Ночь перед выездом была самой короткой. Кирилл не пошел на тайную тренировку – мышцы и так горели, словно в них залили свинец. Ему нужен был отдых. Он просто еще раз заглянул в конюшню, молча скормил жеребцу еще одну порцию инжира и проверил, вся ли упряжь в порядке.

****

Рассвет золотыми лучами едва коснулся верхушек гор, а туман парным молоком разлился по низинам Аншана, когда у задних ворот дворца, скрытых в тени крепостной стены, четверо всадников были готовы к пути: Кирилл, Гарпаг, Ариаш и Пантея.

Кирилл запрыгнул в седло. В этот раз движение вышло почти естественным и плавным – сказались тренировки бессонными ночами. Жеребец лишь слегка переступил ногами, признавая хозяина.

– Выходим, – негромко скомандовал Кирилл.

Путь начался в предрассветных сумерках. Первые пару часов, пока тропа шла по равнине, Кирилл еще держался бодро. Но как только начался подъем, начался и его личный ад.

Горы не прощали дилетантства. Тропа сузилась до тонкой нитки, вившейся над обрывами. Лошади шли осторожно, переставляя копыта по острым камням, и каждое такое движение отдавалось в теле Кирилла резким толчком. Мышцы бедер, которые он так яростно тренировал ночами, забились уже через три часа. Он чувствовал, как седло начинает натирать кожу, а спина превращается в одну сплошную ноющую рану.

Пантея ехала впереди, уверенно и почти грациозно сливаясь с движениями своей кобылы. Гарпаг и Ариаш следовали за Кириллом, и их молчание давило сильнее любого разговора. Кирилл переживал: видят ли они, как он цепляется за луку седла, когда конь оскальзывается, как его лицо бледнеет от напряжения.

– Шах, – негромко окликнула Пантея, не оборачиваясь, – впереди «Змеиный подъем». Держи повод короче и не мешай коню выбирать дорогу. Он умнее нас, он чувствует живой камень.

Кирилл стиснул зубы так, что заболели челюсти. Его тошнило от усталости и высоты, но он заставил себя выпрямиться. «Я не упаду, – твердил он себе как мантру. – Только не перед ними».

К полудню солнце начало немилосердно палить. В какой-то момент вороной жеребец Кирилла испугался вспорхнувшей из-под копыт крупной птицы и резко прянул в сторону, к самому краю осыпи. Сердце Кирилла ушло в пятки. Он едва не вылетел из седла, инстинктивно вцепившись в шею коня. Гравий с шумом посыпался в бездну.

Ариаш мгновенно оказался рядом, перехватив поводья жеребца своей огромной рукой.

– Спокойно, – глухо произнес гигант коню, поглядывая на Кирилла. В этом взгляде не было насмешки, только суровая оценка воина.

– Я в порядке, – выдохнул Кирилл, выравниваясь в седле и стараясь, чтобы голос не дрожал. – Продолжаем путь.

К вечеру они достигли небольшого плато, укрытого скалами. Сил двигаться дальше не было. Кирилл сполз с коня – буквально рухнул на землю, так как ноги отказались его держать. Они дрожали мелкой дрожью, а поясницу словно проткнули раскаленным штырем.

Пока Пантея и Ариаш занимались кострами и охраной, Гарпаг подошел к Кириллу, протягивая ему бурдюк с водой и кусок жесткой вяленой лепешки.

– Давно не было возможности выбраться на охоту в горы? – спросил мидиец, присаживаясь рядом. – Горы тяжелое испытание даже для опытных воинов. Завтра будет легче. Тело либо привыкнет, либо – окончательно онемеет.

Кирилл жадно припал к воде. В сумерках из леса неподалеку донесся протяжный, леденящий душу вой. Ему ответил другой, поближе.

– Волки? – спросил Кирилл, вглядываясь в темноту, где угадывались силуэты вековых деревьев.

– Хуже, – подала голос Пантея, затачивая кинжал у огня. Лезвие тихо скрежетнуло о камень, и этот звук прозвучал в тишине почти угрожающе. – В этих краях бродят горные гиены. Они не боятся людей, если их много. Сегодня ночью огонь не должен гаснуть.

****

Сон был рваным и тяжелым. Кириллу казалось, что он едва закрыл глаза, как мир взорвался звуками, от которых кровь застыла в жилах. Ржание испуганных коней, рычание и резкий, похожий на безумный хохот лай – горные гиены.

– Огонь! – крикнул Ариаш, и Кирилл вскочил, едва не взвыв от боли в затекших ногах.

В свете затухающего костра мелькали тени. Гиены были крупнее тех, что Кирилл видел в передачах о природе: мощные загривки, низко посаженные головы и глаза, светящиеся желтой злобой. Ариаш и Пантея уже были в деле – гигант орудовал тяжелым топором, а девушка мелькала среди теней, точно призрак, вонзая кинжалы с точностью хирурга. Гарпаг с мечом в руке прикрывал спину Кирилла.

Но одна тварь, самая крупная и поджарая, проскользнула мимо них. Она не лаяла – она шла молча, припав к земле, целясь прямо в горло «слабому» человеку, который стоял чуть в стороне от огня.

Кирилл увидел ее в последний момент. Время застыло, как при замедленной съемке. Сердце ударило в ребра, во рту стало сухо. Он дернул акинак из ножен, но рука дрогнула, и клинок вышел с неприятным скрежетом.

Гиена прыгнула.

Кирилл не успел встать в стойку. Он просто выставил оружие перед собой, вложив в этот жест все свое отчаяние. Зверь навалился всей массой, сбивая его с ног. Кирилл упал на спину, ощутив на лице горячую зловонную слюну и тяжесть чужого тела.

Он почувствовал, как сталь вошла в плоть – мягко, почти без сопротивления. Гиена захлебнулась рыком, ее когти рванули рукав его рубахи, но силы быстро оставляли хищника. Кирилл, охваченный паникой, не выпускал рукоять, пока зверь не обмяк, придавив его к холодной земле.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Пантея отогнала оставшуюся стаю факелом, и в лагере воцарилась тишина, нарушаемая только треском костра и тяжелым дыханием людей.

Кирилл с трудом выбрался из–под туши. Его руки были по локоть в темной, почти черной в лунном свете крови. Он стоял, пошатываясь, глядя на поверженного хищника у своих ног. Тело била мелкая, неуправляемая дрожь. Это было не то «красивое» киношное убийство – это была вонь, грязь и предсмертный хрип.

Он посмотрел на свои ладони. Кровь была липкой и быстро остывала.

«Я убил его... – билась в голове одна-единственная мысль. – Это не тренировка. Это по-настоящему».

Пантея пнула лежащее на ее пути животное и вытерла клинок о траву. Потом подошла к Кириллу, ее шаги были неслышны на каменистой почве. Она бегло осмотрела его фигуру в свете углей костра, задерживая взгляд на разорванном рукаве.

– Повелитель, ты не ранен? – голос ее был ровным, в нем не было и тени заботы о его «чувствах», только профессиональная проверка боевой единицы.

– Нет, – коротко бросил Кирилл, стараясь унять дрожь в коленях. – Только одежда пострадала.

Пантея кивнула и носком сапога перевернула голову гиены. Зверь был действительно огромен, с мощными челюстями, способными дробить кости.

– Достойный противник. Крупный самец, вожак стаи, – она едва заметно усмехнулась. – Видно, вожак выбрал вожака. Хороший удар, шах. Чистый.

Она отошла, чтобы помочь Ариашу оттащить туши подальше от лагеря. Для нее инцидент был исчерпан. Гарпаг тоже вернулся к своему месту, лишь на мгновение задержав на Кирилле изучающий взгляд, но промолчал.

Кирилл отошел к краю плато, где в темноте журчал горный ручей. Он опустил руки в ледяную воду. Кровь отмывалась неохотно, забиваясь под ногти и окрашивая воду в темный цвет. Его все еще потряхивало – не от холода, а от того самого «отката», который наступает после смертельной опасности.

Внутри него кричал испуганный горожанин. «Это не видеоигра. Это не тренировка по айкидо. Я чувствовал, как его жизнь уходит через рукоять меча». Но этот крик оставался запертым глубоко внутри. Кирилл понимал: он здесь бесконечно одинок. Он не может обнять кого-нибудь и сказать, что ему страшно. Не может пожаловаться Гарпагу на «травму». Любое проявление слабости – и он станет трупом быстрее, чем эта гиена.

Он посмотрел на свои ладони, которые теперь казались чужими. Аградат, чье тело он занимал, наверняка убивал сотни раз – оленей, волков, может быть, даже людей. Но для Кирилла этот мертвый зверь стал чертой, разделяющей его прошлую жизнь и эту суровую реальность.

«Вожак выбрал вожака... – горько усмехнулся он про себя. – Что ж, если я хочу построить империю, мне придется привыкнуть к запаху крови. Другого пути здесь нет».

Он вытер руки о траву и вернулся к костру. До рассвета оставалось несколько часов, и ему нужно было найти в себе силы, чтобы утром снова сесть в седло.

****

К полудню следующего дня, преодолев последний крутой перевал, отряд вышел к ущелью, которое местные называли «Пастью земли». Еще издали Кирилл услышал мерный, монотонный перестук кирок о камень, который эхом разносился между скал.

Зрелище, открывшееся ему, заставило сердце сжаться. Это не было похоже на производство – это была медленная, организованная смерть. У входов в узкие, темные норы–шахты копошились люди, больше похожие на тени. Обтянутые кожей ребра, пустые глаза, покрытые красной железистой пылью лица. Они тащили тяжелые корзины с породой на спинах, сгибаясь под весом так, что их позвоночники казались выгнутыми луками.

Кирилл остановил коня на возвышении, молча созерцая эту «промышленность» VI века до нашей эры. Он видел изнурение, которое не лечится сном. Это была тупая, низко эффективная работа: мертвый или умирающий раб не мог дать того качества и объема, которые были нужны для его амбициозных реформ.

К ним поспешил надсмотрщик – приземистый, жилистый мужчина с тяжелой плетью на поясе. Он поклонился Кириллу, стараясь выглядеть подобострастно, но в его глазах читалась привычная жестокость.

– Шах! Мы не ждали тебя так скоро. Руда идет тяжело, камень здесь твердый, как сердце врага, – прохрипел он, вытирая пот со лба.

– Я вижу, – холодно ответил Кирилл, не слезая с коня. – Сколько людей ты теряешь за лунный цикл?

Надсмотрщик замялся, пожав плечами:

– Десяток, может, два. Каменоломни забирают свое, владыка. Но на их место всегда приходят новые пленники.

Кирилл обернулся к Гарпагу, который наблюдал за сценой с каменным выражением лица, а затем снова посмотрел на изможденных людей. В его голове, воспитанной на гуманизме и законах менеджмента будущего, уже выстраивалась иная схема.

«Раб, который ждет смерти, работает лишь для того, чтобы плеть не коснулась спины. Раб, который видит цель, работает втрое усерднее», – подумал он.

– Слушай меня, – Кирилл наклонился к надсмотрщику, и тот инстинктивно втянул голову в плечи. – Отныне ты введешь новый порядок. Каждый, кто добудет сверх установленной нормы, будет получать двойной паек. А тот, кто за год принесет определенный вес чистой руды – получит право выкупить свою свободу и остаться здесь уже как вольный мастер за плату или отправиться восвояси.

Надсмотрщик округлил глаза, а Гарпаг едва заметно вскинул бровь.

– Но шах... свобода для этих псов? Они же разбегутся!

– Не разбегутся, если им будет куда возвращаться и на что покупать хлеб, – отрезал Кирилл. – Мне нужны не смертники, которые едва поднимают кирку. Мне нужны мастера, которые будут беречь свои инструменты и свои жизни ради того, чтобы увидеть своих детей свободными. Свобода – это самый дорогой товар, и я начинаю им торговать.

Он развернул коня, не желая больше смотреть на этот ужас. Ему нужно было переговорить с Гарпагом наедине: как превратить этот ад в эффективный комбинат, не вызвав при этом бунта среди других рабовладельцев Аншана.

Гарпаг молчал довольно долго, пока они объезжали каменистое плато над ущельем. Он задумчиво перебирал поводья, глядя на то, как внизу зашевелились «тени», обсуждая услышанное от надсмотрщика.

– Твои слова – как острый клинок, Аградат, – наконец произнес мидиец. – Они режут привычный уклад. В Мидии раб – это вещь, как лопата или вол. Но я видел, как сражаются

наемники за золото и как сражаются те, кто защищает свой дом. Ты хочешь дать этим людям «дом» прямо здесь, в «Пасти земли». Это мудро... если они не примут твою милость за страх.

Кирилл остановил коня на вершине холма, откуда открывался панорамный вид на долину за рудниками.

– Страх не кует добрую сталь, Гарпаг. Страх заставляет человека прятать изъяны в металле, лишь бы сдать работу в срок. Мне же нужно оружие, которому я доверю свою жизнь.

Он указал на широкую террасу ниже по склону, защищенную с трех сторон отвесными скалами.

– Смотри. Вот здесь мы поставим кузни. Ветер из ущелья будет естественным мехом для горнов. Вода из ручья пойдет в желоба для закалки. Это будет не тюрьма, а «Город Мастеров».

Пантея, до этого молчавшая, подъехала ближе и указала на узкий перешеек, единственный путь к террасе с севера:

– Если поставить здесь гарнизонную башню и постоянно держать полсотни лучников, ни один разбойничий отряд не рискнет сунуться внутрь. А со скал сверху их прикроет сама природа.

Кирилл кивнул, его мозг уже чертил план поселения.

– Гарнизон будет подчиняться лично Ариашу или его доверенному лицу. Это должны быть люди, которые не берут взяток и не презирают тех, кто работает руками. Здесь, под этими скалами, мы начнем ковать костяк нашей новой силы.

Гарпаг обвел взглядом местность и едва заметно улыбнулся.

– Ты строишь не просто рудник, шах. Ты строишь крепость внутри крепости. Если Совет старейшин в Аншане начнет задавать вопросы, что ты им скажешь? Зачем тебе столько железа и закрытый город в горах?

Кирилл усмехнулся, глядя на Гарпага. Он понимал, что старейшины, при всей их заносчивости, прежде всего – купцы и землевладельцы. Язык выгоды они понимают гораздо лучше, чем язык реформ.

– Я скажу им то, что они хотят услышать, Гарпаг, – ответил Кирилл, поправляя перевязь акинака. – Я скажу, что Аншану нужно золото. Чтобы наполнить наши подвалы, нам не нужны старые ржавые плуги и мечи, которые гнутся от ветра. Нам нужны инструменты, которые вскроют недра земли. Это просто деловой подход. Я объясню им, что «Город Мастеров» – это способ увеличить добычу втрое, не тратя лишних денег на закупку металла у мидийцев.

Гарпаг понимающе кивнул:

– Разумно. Жадность – лучший занавес для тайных дел. Пока они будут подсчитывать в уме будущие прибыли от продажи руды, они не заметят, как эти «инструменты» превратятся в тысячи наконечников для стрел и тяжелых чешуйчатых доспехов.

Кирилл еще раз обвел взглядом будущее поселение. В его голове уже зрел план логистики: как доставлять сюда провизию так, чтобы караваны не выглядели как военные обозы.

– Нам пора назад, – произнес он, чувствуя, как адреналин вытесняет остатки физической боли. – У нас есть план, есть место и есть люди. И про себя добавил: «И нужно сделать так, чтобы в Аншане никто не заподозрил, что их шах вернулся из гор другим человеком».

Путь назад был быстрее, но не легче. Кирилл ехал, превозмогая боль в натруженных мышцах, но теперь в его взгляде была уверенность. Он пролил первую кровь, он увидел изнанку своей власти и нашел способ ее изменить.

Когда на горизонте показались стены Аншана, Кирилл подозвал Ариаша.

– Как только вернемся, найди мне надежных людей для гарнизона. Тех, кто умеет молчать. А Пантея пусть займется прокладыванием постоянного пути к рудникам, о котором не будут знать сборщики податей.

Глава 14

Кирилл едва успел смыть дорожную пыль и переодеться, как к нему явился советник. Лицо старика было серым от беспокойства.

– Шах, небеса отвернулись от нас, – начал он без лишних предисловий. – Дождей нет уже вторую луну. Колодцы на рынке пересыхают, а селяне в долине с ужасом смотрят на свои поля. Если засуха ударит в полную силу, к осени нам нечего будет есть. Старейшины уже начали роптать, поговаривают, что это боги гневаются на твою... – он замялся, – твою «отстраненность».

Кирилл подошел к окну, глядя на прогретую солнцем площадь перед дворцом. В воздухе висело марево.

«Мелиорация, – пронеслось в его голове. – Кяризы. Древняя персидская система подземных каналов, существовавшая уже лет сто пятьдесят - двести на землях Мидии, но мало развитая здесь, на землях Аншана, из-за полукочевого образа жизни. Это именно то, что спасет положение и не даст воде испариться под солнцем».

– Боги здесь ни при чем, советник, – отрезал Кирилл, не оборачиваясь. – Гневается природа, а мы просто ленивы. Вместо того чтобы ждать милости от неба, мы возьмем воду у самой земли.

Он велел принести карту окрестностей Аншана и созвать тех мастеров, что понимали в строительстве колодцев. Когда они пришли – испуганные и сбитые с толку, – Кирилл начал рисовать на пергаменте странные схемы: вертикальные шахты, соединенные подземным тоннелем с небольшим уклоном.

– Мы будем копать не просто колодцы, – объяснял он, тыча пальцем в чертеж. – Мы пойдем к предгорьям, туда, где грунтовые воды ближе всего к поверхности. Мы проложим подземные реки – кяризы. Солнце не выпьет эту воду, потому что она будет течь в глубине земли прямо к нашим полям.

Мастера переглядывались. Идея была дерзкой, трудозатратной, но инженерно разумной.

– Но шах, – подал голос один из старейших землекопов, – это огромный труд. Нам понадобятся сотни людей на рытье и укрепление стен каналов камнем и золото на оплату их труда.

– И люди и золото найдутся! Мы объявим «общественное благо». Те старейшины, что больше всех кричали о засухе, пусть первыми раскошелятся на спасение своих же пастбищ. А если нет – я объявлю народу, кто именно пожалел монет, когда их дети начнут просить пить.

****

Для своего первого «чуда» Кирилл выбрал тактику молниеносного удара. Ему не нужен был масштабный проект на годы – ему была нужна демонстрация мощи, причем немедленно.

Первым делом он остановил строительство одного из храмов, который возводили в честь какого–то мелкого божества. Кирилла совершенно не заботило, чье святилище останется без крыши; его волновало то, что там простаивали сотни опытных каменщиков и землекопов. Под недоуменные взгляды жрецов, он объявил это волей богов, и перебросил рабочих на пустырь у подножия холмов, которые все считали мертвыми.

Строя свои планы по прокладке кяриза, Кирилл понимал: если вода просто сочится – это работа. Если вода бьет фонтаном – это божественное вмешательство. Но у бурного потока была оборотная сторона: стремясь по тоннелю, вода неизбежно сорвала бы пласты глины и дерна, превратившись в рыжую жижу. А «священная вода» обязана быть кристально чистой.

– Нам нужно изготовить и обжечь глиняные трубы для водопровода, – распорядился Кирилл, рисуя схему на глиняной дощечке перед главным мастером. – Мы будем прокладывать их в канавы. У них должна быть конусообразная форма, чтобы вставлять концы друг в друга. Крепкие, гладкие, обожженные так, чтобы вода скользила по ним, не касаясь грязи. Стыки труб обработаем раствором из смеси извести, глины, песка, яиц и козьей шерсти.

Пока одна группа рабочих в спешке возводила печи для обжига, вторая вгрызалась в иссохшую землю. Кирилл сам рассчитал маршрут, используя примитивный, но точный метод нивелирования с помощью чаши с водой и длинных реек. Он нашел точку, где грунтовые воды залегали максимально близко к поверхности, и работа закипела.

Две недели Аншан гудел от слухов. Люди видели, как шах днями напролет проводит время в пыли среди строителей, как он лично замеряет уклон тоннеля. Старейшины поджимали губы, считая это причудой царька, который вместо охоты решил поиграть в крота. Они еще не знали, что Кирилл не просто копает яму – он строит основу для будущего страны.

А еще, Кирилл понимал: просто вывести воду из–под земли – это техническая победа. Но чтобы старейшины развязали кошельки, им нужно было явить нечто запредельное. Представление с огнем в иссушенном городе было слишком опасным и могло привести к пожарам, поэтому он решил сделать ставку на то, чего этот мир еще не видел: на ирреальную красоту воды.

Когда Кирилл задумался о том, какое же представление устроить публике, перед его глазами всплыли картины из его прошлого – поющие фонтаны в городских парках и дети, пускающие огромные радужные пузыри. Для человека XXI века это было забавой, для перса VI века до нашей эры это станет потрясением основ мироздания.

Но была проблема: местное «мыло» из корней мыльнянки давало лишь слабую, грязную пену. Оно не могло держать форму. Кириллу нужно было настоящее щелочное мыло – агрессивное, чистое и «магическое».

Вспомнив школьные уроки химии, Кирилл приступил к делу. Он лично отобрал древесную золу твердых лиственных пород, залил ее чистой водой и долго настаивал, получая едкий щелок. Затем в глубоком котле, скрытом от глаз любопытных в специально оборудованной «тайной комнате», он смешивал этот раствор с животным жиром, растительным маслом и морской солью, подолгу вываривая смесь на медленном огне.

– Что это, шах? – Гарпаг, допущенный к таинству, с сомнением вдыхал резкий запах варева.

– Это ключ к сердцам моих старейшин, Гарпаг, – ответил Кирилл, помешивая густеющую массу. – Мы покажем им, что вода может не только поить тело, но и принимать форму их желаний.

Когда мыло было готово, Кирилл добавил в него немного меда и глицерина (который он получил при варке), чтобы пузыри стали прочными и долговечными.

Подготовка к «дню божественного вмешательства» напоминала строительство секретного осадного орудия. Кирилл лично контролировал каждый этап, понимая: малейшая трещина в глиняной трубке или заклинившая деревянная лопасть мини-турбин превратят его триумф в нелепый пшик.

На площади, скрытой от посторонних глаз плотным оцеплением верной гвардии, рабочие монтировали сложную систему «дыхания земли». Вдоль периметра ритуальной площадки, под слоем песка и камней, пролегли узкие глиняные магистрали. Они соединялись с небольшими сосудами, внутри которых скрывались маленькие, вырезанные из твердого ливанского кедра турбины.

– Шах, – шепотом докладывал старший мастер, – все ваши поручения выполнены.

Мыльный эликсир был залит на дно сосудов. Турбины сбалансированы. Как только воздух из кяриза вытесняемый водой ударит в трубы, лопасти взобьют пену быстрее, чем взмахнет крылом испуганная птица. Пневматический привод – чистая физика, которая для толпы станет дыханием потревоженных подземных духов.

Центральной же частью композиции стал «Золотой Алтарь». Это было архитектурное коварство в чистом виде. Плиты алтаря были прорезаны тончайшей сетью капилляров, напоминающих кровеносную систему неведомого существа. Кирилл лично наблюдал, как мастера втирали в эти каналы вязкую смесь из золотой пыли, гуммиарабика и меда. Золото сияло, как живое солнце, но стоило сверху нанести слой жидкой серой глины, как алтарь превратился в обычный, скучный каменный монолит.

– Когда вода коснется камня, – прошептал Кирилл, – глина сойдет, обнажив золото. Это будет выглядеть так, будто моя воля превращает простую влагу в драгоценный металл.

****

В заранее запланированный день, перед закатом все было готово к представлению «воли богов»... Площадь была забита старейшинами и горожанами так плотно, что яблоку негде было упасть. В центре, на возвышении, стоял Кирилл – спокойный и сосредоточенный.

– Вы ждали знака? – его голос, усиленный акустикой площади, разнесся над толпой. – Вы ждали, когда боги услышат ваш плач? Слушайте! Скоро Земля сделает первый вздох!

Кирилл закончил вступительную речь и эффектным жестом воздел руки к небу, забили бой алтарные барабаны. Прошла секунда. Вторая. Пятая...

На площади воцарилась тишина.

Тишина... Пугающая тишина...

Под землей было тихо. Толпа начала переглядываться. Старейшины, еще минуту назад готовые пасть ниц, теперь обменивались скептическими взглядами. По рядам пронесся шепоток: «Боги молчат... Неужели шах солгал?»...

****

Пока на площади Аншана собиралась толпа, в полумиле от города, в тенистой теснине у входа в кяриз, разыгрывалась иная драма. Ариаш и Пантея ждали сигнала – боя алтарных барабанов, чтобы выбить запорную балку и дать воде путь.

Но за несколько минут до этого срока из прибрежных зарослей, точно тени, выросли фигуры в темных одеждах. Это не были обычные разбойники. Слаженность их движений выдавала наемников, посланных теми, кто не хотел «чуда» Кирилла.

– Заслонку! Живыми не брать! – прошипел предводитель нападавших.

Сталь звякнула о сталь. Ариаш, подобно разъяренному медведю, преградил путь к рычагу заслонки. Его тяжелый топор описывал в тесном пространстве смертоносные дуги. Пантея, мелькая среди камней, работала кинжалами – бесшумно и страшно. Но врагов было слишком много. Одна из стрел щепнула дерево заслонки, едва не перебив удерживающий канат...

Задержка могла привести к провалу всей операции Кирилла...

Ариашу и Пантее надо было действовать быстро...

****

Сердце Кирилла пропустило удар. Холодный пот пополз по спине под хитоном. «Ариаш, Пантея, если вы сейчас не дадите воду, нас всех здесь разорвут на куски», – пронеслось в голове.

Нужно было тянуть время. Любой ценой.

Кирилл медленно опустил руки и начал обходить алтарь, его голос зазвучал иначе – глубже, с нотками скорбного упрека. Это была импровизация на ходу:

– Вы слышите эту тишину?! – выкрикнул он, обращаясь к толпе. – Боги замерли! Они чувствуют холод в ваших сердцах! Они видят, что среди вас есть те, кто пришел сюда с неверием и ядом в душе!

Он резко остановился перед самым заносчивым старейшиной и посмотрел ему прямо в глаза.

– Боги требуют покаяния, прежде чем откроют свои вены! Склонитесь! Ниже! Чтобы ваше дыхание касалось пыли! Молитесь вместе со мной, ибо небо не даст воды тем, кто стоит с гордо поднятой головой перед величием Творца!

Толпа, подстегнутая его праведным гневом, начала опускаться на колени. Кирилл начал нараспев произносить странные, ритмичные фразы на языке своего времени – это были стихи или обрывки песен, которые в этом мире звучали как древние заклинания богов.

В этот момент у кяриза Ариаш, истекая кровью из рассеченного плеча, навалился на рычаг всей массой, доламывая заклинивший механизм. Раздался оглушительный треск дерева.

****

На площади земля под ногами Кирилла наконец вздрогнула. Сначала это был лишь слабый вибрационный отклик, но Кирилл почувствовал его первым.

– Они услышали! – закричал он, срывая голос, чтобы перекрыть нарастающий подземный гул. – Смотрите! Духи земли пробудились!

И в тот же миг из скрытых в земле сосудов по периметру площади вырвались ослепительно белые, переливающиеся столбы пены. Тысячи и тысячи мыльных пузырей, подхваченные вечерним бризом, взмыли в небо, окрашиваясь в лучах заходящего солнца во все цвета радуги. Толпа ахнула, сотни людей в ужасе и восторге пали ниц.

Барабанный бой достиг своего пика, и в тот момент, когда первые облака мыльной пены окутали площадь, девушки–служанки – заранее обученные и действовавшие с точностью часового механизма – бросились к сосудам. Одним движением они запечатали отверстия турбин тяжелыми пробками.

Давление в системе мгновенно перераспределилось. Вода, теперь смешанная с мыльным концентратом, устремилась дальше по подземным капиллярам и хлынула из скрытых форсунок прямо за спиной Кирилла стоящего на алтарном пьедестале.

Для толпы это выглядело так, будто сама аура шаха породила поток. Вода с тихим шелестом потекла по ступеням алтаря. Благодаря щелочному мылу, приготовленному Кириллом, верхний слой маскировочной глины смывался мгновенно. Из–под невзрачного серого налета проступила ослепительная золотая сеть.

Старейшины, стоявшие в первом ряду, подались вперед, забыв о достоинстве. Они видели, как «священная влага» не просто обнажает золото, а забирает его с собой. Золотой порошок, подхваченный мыльной пеной, не тонул; он скользил по поверхности, превращая ручей в поток жидкого драгоценного металла.

Золото стекало по ступеням и собиралось в огромную бронзовую чашу у подножия алтаря. Там происходило последнее «чудо»: тяжелая глина оседала на дно, а золотая пыль, удерживаемая поверхностным натяжением мыльного раствора, затянула гладь воды плотной сияющей пленкой.

Кирилл стоял над ними, возвышаясь в радужном мареве затухающих пузырей, а у его ног плескалось чистое золото.

– Вы просили богов о спасении? – Кирилл обвел взглядом старейшин, чьи лица исказились от суеверного восторга и жадности. – Боги ответили. Но они не дают даров тем, кто не готов жертвовать сам. Эта чаша – лишь малая часть того, что скрыто в жилах земли Аншана. Кто из вас готов вложить свое серебро, чтобы превратить его в золотой поток?

– Вода – это жизнь! – добавил Кирилл, указывая на золото у ног. – Но только в руках того, кто знает ее истинную цену, она становится силой! Вы видите золото там, где была пыль. Дайте мне ваши средства, и я превращу каждую иссохшую долину Аншана в цветущий сад, приносящий богатство!

Один из самых старых и влиятельных старейшин, чьи земли часто страдали от засухи, дрожащими руками коснулся золотой пленки в чаше. Увидев на пальцах драгоценный блеск, он рухнул на колени.

– Бери все, шах! – вскричал он. – Мои закрома, моих людей, мои стада! Только дай этой воде прийти на мои поля!

Следом за ним заголосили и остальные. В этот миг Кирилл понял: он выиграл. Теперь они сами принесут ему ресурсы для постройки «Города Мастеров», кяризов и перевооружения армии. Они будут платить за свою веру и свою жадность.

****

Когда факелы на площади начали гаснуть, а толпа, охваченная экстазом, начала расходиться, Кирилл вернулся во внутренние покои дворца. Радужное марево и золото остались снаружи – здесь его ждал запах крови и тяжелое дыхание Ариаша.

Гигант сидел на скамье в тени колоннады. Его кожаный панцирь был разрублен на плече, рукав пропитался темным, почти черным в свете светильников цветом. Пантея, сама в пыли и ссадинах, деловито промывала его рану вином.

– Жив? – коротко спросил Кирилл, подходя ближе. Его голос еще вибрировал после «пророческой» речи, но взгляд уже был холодным и ясным.

– Жив, шах, – Ариаш поморщился, когда вино коснулось раны. – Но заслонку заклинило. Нас ждали. Это не случайный сброд. Они знали время и знали, что мы будем там вдвоем. Работали молча, слаженно. Четверо остались там, в ущелье, навсегда. Один... один ушел.

Пантея подняла глаза на Кирилла.

– Они целились в механизм, владыка. Им не нужно было нас убивать – им нужно было, чтобы вода не пошла. Чтобы ты выглядел лжецом перед лицом города.

Кирилл почувствовал, как внутри закипает гнев, но он подавил его. Гнев – плохой советчик.

– Кто–то из тех, кто вчера кланялся мне на Совете, сегодня оплатил эти ножи, – тихо произнес он. – Пантея, закончи с Ариашем и усиль охрану моих покоев. Никого не впускать, кроме Гарпага.

Глава 15

Через несколько минут мидиец вошел в рабочие покои. Он выглядел спокойным, но в его глазах Кирилл заметил тень беспокойства – Гарпаг уже знал о случившемся.

– Твои «уши», Гарпаг, – начал Кирилл, не тратя времени на церемонии. – Город гудит о чуде, но в тени ущелья сегодня лилась кровь моих людей. Кто-то из тех, кто узнал о месте и времени очень не хотел, чтобы я стал «голосом богов».

Он подошел вплотную к мидийцу.

– Мне нужно имя того, кто в этом повинен. Твои люди в городе должны были услышать, кто из старейшин сегодня слишком громко молился, скрывая страх, или может быть, кто из вельмож внезапно исчез с площади во время ритуала. Расследуй это для меня. Я хочу знать, чьи деньги легли в карманы наемников.

Гарпаг внимательно выслушал, глядя на Кирилла. В его взгляде читался не только интерес, но и некая настороженность.

– Я займусь этим немедленно, Аградат, – ответил Гарпаг. – Тень падает не только от солнца, но и от большого богатства. Возможно, твой кяриз напугал тех, кто привык продавать зерно втридорога во время засухи.

Он сделал паузу, словно решаясь на что–то.

– Но помни, Аградат... Саботаж в ущелье – это лишь укус осы. Настоящий хищник сейчас затаился в Экбатанах. Астиаг не любит, когда его вассалы начинают творить чудеса без его дозволения. Когда до него дойдет слух...

Он не успел договорить. Кирилл, который до этого отошел к окну, и застыл на фоне догорающего вечера, сузил глаза, пристально глядя на Гарпага, резко произнес:

– Я не ребенок, Гарпаг, – голос Кирилла звучал негромко, но в нем отчетливо слышался металл. – И я прекрасно знаю, что за любой преданностью всегда что-то стоит. Будь то слепая вера, долг или куда более приземленные чувства. С того самого дня, как ты прибыл в Аншан, я задавался вопросом: почему такой человек, как ты, так настойчиво ищет возможности стать мне полезным?

Он наклонил голову, ловя взгляд мидийца.

– Я внимательно приглядывался к тебе. В твоих словах и действиях я не нашел фальши, и я не думаю, что ты затеял эту сложную игру лишь для того, чтобы заманить меня в ловушку Астиага. Это было бы слишком мелко для твоего ума. Так в чем же истинная причина? Что заставляет первого полководца Мидии рисковать головой ради вассального царя? И почему ты так настойчиво пытаешься перевести любой разговор на Астиага?

Гарпаг замер. Он медленно и задумчиво погладил седеющую бороду, словно взвешивал на весах – стоит ли открывать душу сейчас или подождать. Наконец, он поднял голову и посмотрел Кириллу прямо в глаза. В этом взгляде не было придворного почтения – только суровая решимость человека, который устал носить маску.

– Ты проницателен, Аградат, – начал Гарпаг, и его голос стал глубже.

Он сделал шаг вперед, входя в круг света.

– Астиаг – великий царь, но его величие давно превратилось в яд. Он перестал строить, и начал лишь поглощать. Я видел, как лучшие люди Мидии гибнут не в боях за родину, а в угоду его сиюминутным капризам. Он превратил наше государство в огромный склеп, где все живое должно либо служить его безумию, либо быть уничтоженным. Моя преданность Мидии никуда не исчезла, Аградат. Но я понял: чтобы спасти страну, нужно отсечь ее гнилую голову.

Гарпаг на мгновение замолчал, и в этой тишине Кирилл почувствовал настоящую, невыдуманную боль собеседника.

– В годы моей юности, – Гарпаг заговорил тише, а в его голосе прорезалась несвойственная ему хрипотца, – когда я был дерзок и безрассуден, твой дед уже обладал огромной властью. Но и мой род не уступал ему. Нашему клану принадлежали бескрайние пастбища, а сокровищницы моих дядь ломились от золота. Мой отец был главным полководцем Астиага, и его влияние было поистине безграничным. Если бы он захотел сместить царя, он сделал бы это быстро и легко. Но мы были верны ему...

Гарпаг горько усмехнулся, глядя куда–то сквозь Кирилла.

– Я начал службу младшим офицером. В один из дней, патрулируя дворцовые стены перед садами, я заметил движение на высокой ограде. В следующее мгновение прямо на меня сверху свалилась девушка. Она пыталась бежать, но не рассчитала сил и сорвалась. Волею судьбы я успел поймать ее. Ей едва исполнилось шестнадцать. Это была Мандана... твоя мать.

Мидиец замолчал, и на его лице на миг проступила тень того юноши, которым он был когда–то.

– Я влюбился в нее с первого взгляда. Между нами завязались отношения – тайные, глубокие и полные отчаянной нежности. В любом другом случае богатство моего рода помогло бы мне получить руку принцессы. Но для нас это стало проклятием. Твоего деда до ужаса напугала наша связь. Он испугался, что союз Манданы и моего клана однажды лишит его трона. И тогда он решил действовать быстро и беспощадно.

Гарпаг судорожно вздохнул.

– Он тайно и спешно выдал ее за Камбиза и вывез сюда, в Аншан, прежде чем я успел что–либо предпринять. Я потерял ее навсегда.... –он помолчал и продолжил. – У меня были наложницы, я продолжал жить, но жену так и не взял. Мое сердце осталось там, у той садовой ограды. Поэтому я отношусь к тебе... – он снова сделал паузу, подбирая слово, – ...как к сыну, которого у меня никогда не было.

Он приложил руку к груди, там, где под одеждой билось сердце, полное старой боли.

– Я любил твою мать всю свою жизнь. И люблю ее сейчас. Моя ненависть к Астиагу продиктована не только его деспотизмом, но и этим личным горем. Я хочу, чтобы его власть пала от рук сына той женщины, которую он у меня отнял. Я помогаю тебе не из жалости или прихоти. Я помогаю тебе, потому что хочу, чтобы мой народ жил в империи разума, а не под пятой самодура. Моя причина – это будущее, Аградат. И если для того, чтобы оно наступило, мне нужно стать предателем в глазах Астиага – пусть будет так.

В голове Кирилла в этот момент пазл окончательно сложился в единую, пугающе логичную картинку. Он почувствовал странное облегчение. Наконец-то из этой истории исчезла мифологическая чепуха, которую так любили греки. Все эти страшилки про Кроноса, пожирающего своих детей (которые, вопреки всякой логике, умудрялись расти внутри него), про Зевса, проглатывающего беременную супругу... Теперь и «кровавый пир Астиага» встал в один ряд с этими сказками.

Никакого «съеденного сына». Все было гораздо прозаичнее и больнее: сына у Гарпага просто никогда не было. Была лишь украденная любовь и жизнь, прожитая в тени чужого брака.

Кирилл внимательно посмотрел на Гарпага. В тусклом свете светильников черты лица мидийца казались ему странно знакомыми – не внешне, а на каком-то подсознательном уровне. В сознании всплыл образ матери-Манданы, смотрящей на него как-то особенно в детстве... А может, это были лишь ложные воспоминания Аградата?

В воздухе повис невысказанный вопрос, который Кирилл так и не решился озвучить. Мог ли Астиаг, зная о связи дочери и своего полководца, отправить Мандану в Аншан уже «с ношей»? Был ли Камбиз лишь прикрытием для греха принцессы, или же Аградат – законный наследник Ахеменидов?

Эта тайна была подобна тем самым «допотопным» текстам из книги богов: она существовала где–то между строк истории, и, возможно, правду не знал даже сам Астиаг.

– Значит, мы оба – заложники его страхов, – негромко произнес Кирилл, нарушая тишину. – Ты потерял женщину, я – право быть частью Мидии и семьи моей матери.

Кирилл задумался: «Астиаг совершил главную ошибку тирана: он думал, что, разделяя людей, он делает себя сильнее. А на самом деле он лишь ковал цепь, которая однажды затянется на его собственной шее».

Гарпаг поднял голову. В его глазах блеснула искра понимания.

– Мы начнем с малого, повелитель, – его голос снова стал твердым. – Мы найдем того, кто пытался сорвать ритуал. Тот, кто боится твоего «чуда», укажет нам путь к сердцу заговора здесь, в Аншане. А когда мы уничтожим грязь в Аншане – мы обратим взор на восток.

****

После откровенного разговора с Гарпагом Кирилл ушел в свои покои, чувствуя странную тяжесть в груди.

Позже, лежа в темноте и слушая мерное, спокойное сопение Мэхтеб, он смотрел в потолок, но видел совсем другое.

История Гарпага всколыхнула в нем то, что он так старательно прятал за повседневной суетой. Любимая женщина... Само слово отозвалось в нем тупой, ноющей болью. Его собственное сердце теперь принадлежало не ему – оно рвалось к той, что коснулась его жизни лишь вскользь, едва–едва, но сумела остаться в нем навсегда.

– Кассандана... – беззвучно, одними губами произнес он.

Где она сейчас? Под каким небом засыпает? Кирилл закрыл глаза, и на мгновение ему показалось, что он чувствует аромат мяты и шалфея от ее кожи, а не тяжелые благовония гарема. В этот миг он до боли в ребрах захотел, чтобы рядом, согревая его своим дыханием, была она, а не Мэхтеб.

Золотая клетка гарема становилась для него безразличной тяжелой ношей. И дело было не в бесконечных заботах, не дававших вздохнуть, и даже не в пресыщении, когда яркие краски восточной роскоши начинают выцветать и казаться дешевой мишурой. Причина была глубже: он нашел свою «истинную». И пусть она была бесконечно далеко, ее образ манил его, как далекий маяк, отзываясь в самой глубине души щемящим теплом.

«Наша связь... она старше, чем этот мир», – подумал Кирилл, и эта мысль принесла ему странное, горькое умиротворение. Теперь он чувствовал: все, что происходит здесь – лишь декорации, а настоящая жизнь начнется только тогда, когда он снова увидит ее глаза.

****

Спустя два дня Гарпаг принес вести, которых Кирилл ждал с затаенным нетерпением: его ищейки взяли след последнего выжившего налетчика. Наемник совершил роковую ошибку – вместо того чтобы раствориться в песках или затаиться в трущобах, он поддался боли и обратился к лекарю за снадобьями. Раны, нанесенные Пантеей, оказались не из тех, что заживают сами собой.

Его взяли тихо и привезли в заброшенный дом на самом краю города, где стены привыкли впитывать крики боли. Сначала наемник пытался отпираться, но слуги Гарпага умели задавать вопросы не только словами. Пара «новых царапин», добавленных к старым ранам, быстро сделала его разговорчивым.

Рассказ его был прост и по–своему обыден. В злачной харчевне, где собирался весь городской сброд, такие сделки заключались каждый вечер под звон дешевых кубков. Наниматель не назвал имени – такие люди редко представляются. Это был человек в простом, сером дорожном плаще, вероятнее всего, старший слуга какого–то вельможи, привыкший отдавать приказы.

Выложив на грубый стол увесистый кошель, незнакомец пообещал «простую работенку»: убрать двоих в горном ущелье у странного механизма, мужчину и девицу.

– Ах, если бы я знал! – сокрушался наемник, сплевывая кровь на земляной пол. – Если бы я только знал, что эта девица стоит троих таких, как мы! Мы шли убивать овцу, а наткнулись на разъяренную рысь...

****

Через час после того, как агенты Гарпага доставили пленника в заброшенную лачугу, к развалинам бесшумно подкатили двое всадников. Кирилл и Гарпаг, плотно укутанные в плащи, вошли внутрь, принеся с собой запах послеполуденного зноя и конского пота.

Связанный наемник, уже порядком изнуренный «расспросами» агентов, выглядел жалко. Свежие ссадины на его теле кровоточили, а страх перед неизвестными господами, чьих лиц он не видел, заставлял его мелко дрожать. Оценив по осанке и добротным тканям плащей статус прибывших, он попытался ползком придать своему телу позу подобострастия, насколько это позволяли веревки.

– О, благородные господа! Пощадите! – взмолился он, глотая пыль. – Я лишь смиренный пес, зарабатывающий тем, что умею. Мне заплатили – я исполнил... За золото я готов служить любому, клянусь богами!

Кирилл и Гарпаг хранили ледяное молчание, возвышаясь над ним, как тени самой смерти. Один из агентов Гарпага, поигрывая узким кинжалом, склонился над пленником.

– Расскажи все, что можешь вспомнить, – вкрадчиво произнес он, разглядывая острое лезвие. – Как он был одет? Кто пришел к вам в ту ночь?

Наемник дернулся, пытаясь ослабить путы, но веревки только глубже впились в раны.

– Ничего особенного... Серый плащ из грубой шерсти, простые льняные одежды... Обычный посыльный, – наемник замолчал, лихорадочно роясь в памяти.

Агент медленно поднес кинжал к лицу пленника. Сталь блеснула недобрым отсветом прямо перед его глазами.

– И все–е–е–е?! – протянул он, едва коснувшись острием щеки наемника.

– Умоляю! – заскулил тот, вжимаясь в земляной пол. – Сохраните мне жизнь, я расскажу все! Все, что видел!

Он задергался, косясь на двух молчаливых господ в плащах, чье присутствие пугало его больше, чем нож у горла. И вдруг его глаза расширились, словно вспышка озарила его затуманенный разум.

– Вспомнил! – закричал он, стараясь отодвинуться от лезвия. – Вспомнил! Когда он выкладывал мешочек с монетами, он отстегивал его от пояса... Тогда на мгновение блеснула пряжка, – наемник заговорил быстро, захлебываясь словами, лишь бы отвести от лица холодную сталь кинжала. – Она была чеканной, с головой волка... Да, точно, волк! С прозрачным камешком в глазу. По виду медная, а может, и золотая, но работа тонкая, качественная. Такие простолюдины не носят, верно?!

Он заискивающе заглянул в бесстрастное лицо агента, ища в нем хоть каплю одобрения.

– Как мы могли отказать такому господину?! Мы думали, это просто прихоть вельможи...

Гарпаг и Кирилл переглянулись. Гарпаг, нахмурив брови, склонился к плечу Кирилла и едва слышно прошептал:

– Это был роковой просчет слуги – нацепить бляху, идя на грязное дело. Но для нас это нить, ведущая к самому сердцу заговора.

В памяти Кирилла, словно вспышки, начали всплывать обрывки знаний Аградата. Бляхами с головами волков советник награждал лишь тех, кто доказал свою верность «особыми» заслугами. Это были его «глаза и уши», его личные тени, выполнявшие самую "грязную" работу – те, кто убирает преграды с пути и зарывает трупы в песок. Он дарил эти знаки только тем, кто был повязан с ним кровью и общими тайнами не один десяток лет.

Кирилл задумчиво коснулся нижней губы, проведя пальцами по завитой бороде. Отвернувшись от наемника, он тихо ответил Гарпагу:

– Эта волчья голова указывает прямо на советника. Мы не можем использовать слова этого отребья как прямое доказательство, но теперь мы знаем наверняка. Советник был одним из немногих, кто знал все мои планы при дворе... – Кирилл замолчал на мгновение, взвешивая риски. Действовать нужно было осторожно, чтобы эта хитрая ящерица не отбросила хвост и не ускользнула из рук возмездия.

– Нам нужно выманить лиса из его норы! – уверенно произнес Гарпаг. – Доставим этого пса во дворец и устроим показательное представление. Посмотрим, как запоет наш «мудрейший», когда увидит этот оборванца у своих ног.

Пленник, не понимая смысла их шепота, сидел на полу, раскачиваясь, как подбитый краб, и тихо подвывал. Когда Кирилл с Гарпагом снова подошли к нему, он рухнул всем своим замотанным телом в пыль.

– Ты с дружками совершил смертельную ошибку, когда напал на начальника охраны царя, – голос Кирилла звучал как удары погребального колокола. – За это полагается лишь одна кара – смерть.

Наемник заревел, дергаясь в путах:

– Багапати! Мы не знали! Мы не знали, чья это кровь! Пощади смиренного раба! Если бы мы только знали... Никогда бы не приняли этот заказ!

– Заткнись и слушай нашу волю, – оборвал его Кирилл. – Твоя жизнь не стоит и пыли на моих сапогах, но ты искупишь свою вину. Ты будешь доставлен во дворец и брошен в зиндан. Твоя судьба будет зависеть от того, насколько правдивой будет твоя память на рассвете.

****

Спустя некоторое время Кирилл медленно прогуливался по одному из внутренних двориков дворца. Солнце клонилось к закату, окрашивая песчаник стен в цвет запекшейся крови. Он позвал советника «для краткой беседы», и теперь Артафарнак, прижимая к груди ворох тяжелых и неудобных глиняных табличек, старался не отставать. Он семенил мелкими, суетливыми шажками, едва поспевая за повелителем, который шел широким, уверенным шагом воина.

– Артафарнак, – внезапно произнес Кирилл, резко останавливаясь и оборачиваясь.

Советник едва не налетел на него, таблички в его руках жалобно звякнули.

– Во время священной церемонии моего обращения к богам на начальника моей охраны было совершено дерзкое нападение, – голос Кирилла звучал спокойно, но в нем слышался металл. – Большинство нападавших убиты, их тела уже гниют у городского надзирателя. Но сегодня... сегодня мои люди взяли последнего. Того самого наемника, что сумел сбежать.

Кирилл заметил, как веки советника мелко дрогнули.

– Его с минуты на минуту доставят во дворец. Как только он будет доставлен, будет проведен допрос. Это дело государственной важности, Артафарнак. Тот, кто заказал убийство моего верного Ариаша, на самом деле занес кинжал над своим царем. Это непростительное преступление, и кара за него может быть только одна – смерть.

Кирилл замолчал, внимательно изучая лицо старика, по которому пробежала тень плохо скрываемого страха.

– Ты много лет служишь мне, – вкрадчиво продолжил Кирилл, сделав шаг к советнику. – У тебя повсюду есть свои «глаза и уши». Приносили ли они тебе вести о том, кто в этом городе может так сильно ненавидеть начальника моей охраны? Кто настолько безумен, чтобы плести такие заговоры за моей спиной?

Советник сглотнул, крепче вцепившись в свои таблички и в тишине дворика этот звук прозвучал неестественно громко. Стараясь унять дрожь в напряженных руках, он склонился в глубоком поклоне, после чего заискивающе взглянул на возвышающегося над ним Кирилла исподлобья – взгляд старой, загнанной крысы, которая еще надеется найти лазейку.

– Владыка, я лишь смиренный слуга, и возможности мои скромны... – голос его слегка дребезжал. – Я слышал о нападении, но решил, что это досадная случайность. Или же... – он сделал театральную паузу, подбирая слова. – Расследование в отношении казначея Сатирака началось именно после донесения А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.